

ISSN 2499-9636

OECONOMIA ET JUS

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 4 2025

Научный журнал

Основан в июле 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

Александров Андрей Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Заместители главного редактора

Тасаков Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)
Кадышев Евгений Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Редакционная коллегия

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Ульяновск)

Барабанова Светлана Васильевна, доктор юридических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Галазова Светлана Сергеевна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Владикавказ)

Голиченко Олег Георгиевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Гошуляк Виталий Владимирович, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор (Россия, Пенза)

Гришковец Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Данилов Иван Петрович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Епихин Александр Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Казань)

Ефимцева Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент (Россия, Оренбург)

Кванина Валентина Вячеславовна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Челябинск)

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Ларионова Нина Ивановна, доктор экономических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)

Линьярес Эрик, PhD, доцент (Бразилия, Рорайма, Боа-Виста)

Лукьянин Сергей Александрович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Мельник Александр Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Казань)

Осипцов Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Петров Александр Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Подольный Николай Александрович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Саранск)

Пятов Михаил Львович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Румянцев Федор Поликтович, доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Элиста)

Салиева Роза Наильевна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Казань)

Терехин Владимир Вячеславович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Туманов Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор (Россия, Саратов)

Хавьер Фернандо Сезар Коста, PhD, доцент (Бразилия, Рорайма, Боа-Виста)

Харламов Андрей Викторович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Худойкина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Саранск)

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Шагиева Розалина Васильевна, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Шамин Анатолий Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Княгинино)

Шкодинский Сергей Всеволодович, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,

тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)

e-mail: vestnik210@mail.ru

<http://oeconomia-et-jus.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-1-16

УДК 331.5:332.1

ББК У9(2) + Т1(2Рос)6

О.Г. АРКАДЬЕВА

СТРУКТУРНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ В ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЕ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКАХ ТРУДА

Ключевые слова: региональная дифференциация, демографические факторы, миграционные процессы, отраслевая специализация, государственная политика занятости.

Для современной российской экономики характерно сочетание демографических сдвигов, разнородной отраслевой специализации и устойчивых миграционных потоков, что формирует структурные дисбалансы территориальных рынков труда. Данное исследование направлено на выявление структурных дисбалансов в развитии региональных рынков труда России на основе анализа участия населения в составе рабочей силы и уровня безработицы в возрасте 15–72 лет.

Цель исследования – выявление на основе обобщения современного научного опыта пространственно неоднородных форм отклика рынков труда на демографические вызовы и институциональные меры.

Материал и методы. Эмпирическая база построена на данных Росстата о занятости и безработице за 2024 г. В исследовании использованы показатели уровня участия населения в составе рабочей силы, уровня безработицы и их соотношения, что позволило выявить межтерриториальные различия. Выбор возрастного диапазона 15–72 лет продиктован необходимостью минимизации искажений, связанных со старением населения, а также учетом институциональных и экономических особенностей региональных рынков труда. Применялись методы сравнительного анализа, картографического моделирования и интерпретации статистических индикаторов. Реализация выполнена на языке Python с использованием библиотек Pandas, NumPy, Matplotlib, Scikit-learn (KMeans, StandardScaler), Kneed (KneeLocator) и модулей для работы с GeoJSON. Использованы фиксированные параметры: IQR-коэффициент 1,5 для детекции выбросов; диапазон k для метода локтя 1–7; random_state=42, n_init=10 для K-means.

Результаты. Построенная кластерная модель позволила выделить три устойчивые группы регионов: кластер A – территории с высокой вовлеченностью населения в рабочую силу и низкой безработицей; кластер B – регионы со средней занятостью и повышенной безработицей; кластер C – субъекты с относительно низким уровнем участия в рабочей силе и умеренной безработицей. Отдельно были выделены регионы-выбросы (кластер D) с экстремальными значениями показателей. Сравнительный анализ продемонстрировал, что различия между кластерами обусловлены демографическими структурами, отраслевой специализацией, масштабами миграции и институциональными особенностями региональной занятости.

Выводы. Полученные результаты подтвердили системный характер межрегиональных различий и показали необходимость дифференциированной политики занятости. Для устойчивых регионов (кластер A) акцент следует делать на поддержании человеческого капитала и стимулировании инновационных отраслей. Для кластеров B и C требуются меры активной занятости и стимулирование предпринимательства, а для кластера D – адаптивные программы федерального уровня, включая поддержку мобильности и развитие инфраструктуры занятости. Разработанная кластеризация позволяет выявить устойчивые типы регионов по параметрам занятости и безработицы, что может служить основой для адресной политики регулирования рынка труда. Методологический подход, включающий статистический и картографический анализ, показал эффективность в выявлении пространственной неоднородности и факторов воспроизведения структурных дисбалансов. Дальнейшее развитие исследования предполагает интеграцию кластерного анализа с факторным моделированием с применением моделей машинного обучения и прогнозированием напряженности региональных рынков труда.

Введение. Региональные рынки труда в Российской Федерации характеризуются устойчивыми структурными дисбалансами, проявляющимися в несогласии между профессионально-квалификационной структурой предложения рабочей силы и спросом со стороны работодателей, территориальной дифференциацией уровней занятости и безработицы, значительным разрывом в доходах населения. Углубляющаяся асинхронность процессов на региональных рынках труда приводит к росту социально-экономической напряженности, снижению эффективности использования трудовых ресурсов, а также к замедлению экономического роста и углублению региональной поляризации. Структурные дисбалансы и напряженность на региональных рынках труда выступают ключевыми индикаторами социально-экономической устойчивости, одновременно отражая последствия демографической трансформации, пространственной поляризации и институциональной неравномерности. Исследование направлено на выявление устойчивых закономерностей территориальной дифференциации занятости, факторов воспроизведения структурных несоответствий и их последствий для социально-экономической динамики регионов в условиях старения населения, миграционных процессов и изменений отраслевой структуры.

Целью исследования является выявление на основе обобщения современного научного опыта пространственно неоднородных форм отклика рынков труда на демографические вызовы и институциональные меры.

Российская Федерация демонстрирует значительные межрегиональные различия по уровню занятости и безработице, существенно превышающие аналогичные показатели в странах с развитой системой территориального выравнивания. Сохранение и закрепление дисбалансов усиливает структурную напряженность и подрывает потенциал долгосрочного устойчивого роста.

Задачей исследования является построение типологии регионов по степени демографической и структурной напряженности и выявление потенциальных пространственных кластеров.

Материалы и методы. Для выявления пространственных кластеров регионов России по показателям участия населения в рабочей силе и уровня безработицы была реализована процедура статистического и картографического анализа с использованием Python. Из выборки данных были исключены выбросы, определенные по межквартильному размаху. Для кластеризации регионов использовался алгоритм k-means, примененный к стандартизованным данным (метод StandardScaler). Оптимальное количество кластеров определялось с помощью метода локтя в интерпретации библиотеки KneeLocator. Для визуализации результатов исследования использована карта регионов Российской Федерации в формате .json¹.

Результаты исследования. Проблематика структурных дисбалансов и напряженности на региональных рынках труда приобретает ключевое значение в контексте устойчивого развития российской экономики и обеспечения сбалансированного социально-экономического роста. Развитие рынка труда – это не только отражение текущего состояния экономической конъюнктуры, но и фундамент долгосрочной конкурентоспособности регионов, адаптивности

¹ https://github.com/hairymax/offline_russia_plotly/blob/main/data/russia_regions.geojson.

человеческого капитала и устойчивости социальной сферы. При этом наблюдаемое на протяжении последних лет углубление территориальных и структурных различий в сфере занятости свидетельствует о системном характере деструктивных процессов, требующих переосмысления подходов к анализу и управлению.

Сложившиеся институциональные и структурные особенности занятости в регионах России (в частности, высокая доля неформальной занятости, секторальная избыточность или дефицит кадров, реорганизация миграционных потоков, неравномерность доступа к образованию и переквалификации) обусловливают необходимость анализа причин и механизмов воспроизведения указанных дисбалансов. Особенно остро проблема проявляется в условиях трансформации экономики и демографических процессов, цифровизации, санкционного давления и адаптационных стратегий бизнеса, ведущих к изменению спроса на труд.

Проблематика структурных дисбалансов и напряженности на региональных рынках труда занимает важное место как в современной российской научной повестке, так и в международной исследовательской традиции. В условиях глобальных трансформаций – цифровизации, демографического старения, реорганизации миграционных потоков, изменения форм занятости – анализ региональных трудовых рынков приобретает междисциплинарный характер, объединяя подходы из экономики, социологии, экономической географии и прикладной математики.

В отечественной литературе исследования в данной области развиваются по следующим направлениям:

1. Измерение степени напряженности процессов на рынках труда и ее соотнесение с уровнем экономической безопасности регионов. Работы М.С. Сюповой и С.С. Халиковой [8], а также О.С. Кошевого [4, 5] обосновывают использование коэффициента напряженности на рынке труда как индикатора устойчивости региональной экономики. Однако они фокусируются в основном на формальной безработице и не охватывают комплекс факторов, включая теневую занятость и миграцию.

2. Анализ факторов структурных дисбалансов. Ряд исследований (Е.С. Узякова [9], А.С. Алымова [1]) подчеркивают роль неформальной занятости, кадрового дефицита, региональной и профессиональной несбалансированности в функционировании современных рынков труда.

3. Прогнозирование и сценарный анализ тенденций на рынках труда. О.С. Кошевой [4] предлагает методику прогнозирования напряженности, однако большинство моделей опираются на экстраполитивные подходы и не включают анализ геопространственных зависимостей на рынках труда.

4. Оценка территориальных различий и демографических угроз. Работы В.Н. Градусовой [2], Л.В. Овешниковой [7], Г.Л. Куприяшина [6] анализируют пространственную поляризацию регионов, влияние депопуляции и снижение экономической активности на периферийных территориях.

5. Цифровизация и гибкость занятости. Исследование Ю.В. Зарубиной фиксирует новые формы занятости, включая удаленную работу, а также трансформацию структуры спроса на труд под влиянием цифровых технологий [3].

На международном уровне внимание ученых сосредоточено на:

- 1) моделировании фрикционной и асимметричной на рынке труда (J. Azar и J. Sanz-Espín [13], A.A. Shananin и N.V. Trusov [22]);

2) цифровизации и рисках для занятости. В исследованиях Т.М. Lebedintseva et al. [20], М.С. Ozdemir [21] анализируется влияние искусственного интеллекта и цифровых платформ на вытеснение традиционных профессий;

3) агломерационных и институциональных эффектах. S. Fu подчеркивает роль городских агломераций в концентрации рабочих мест [17], тогда как L. Flores рассматривает зонирование как форму регулирования трудового рынка [16];

4) нестабильности и неравенстве на рынках труда. J. Gardeazabal и E. Polo-Muro [18], A.F. Gravina и N. Foster-McGregor [19] поднимают вопросы влияния структуры потребления домохозяйств, неравномерности доходов и необходимости социального выравнивания в условиях нестабильности рынка труда;

5) политике занятости и регулировании. G. Andabayeva et al. [12], M. Butkus et al. [14] исследуют последствия различных форм регулирования занятости, в том числе в контексте гендерной структуры и чувствительности к экономическим циклам.

Исходя из актуальных тенденций развития российской экономики и ее территориальной организации, особую значимость имеют следующие направления:

– пространственный анализ и кластеризация региональных рынков труда, что позволяет выявлять зоны устойчивого дисбаланса и формировать типологии регионов в управлеченческих целях;

– институциональная гибкость и реагирование на цифровые вызовы, особенно в связи с расширением платформенной занятости и повышением доли самозанятых;

– неформальный сектор и демографические риски, оказывающие критическое влияние на надежность статистики рынков труда и возможности их прогнозирования;

– связь денежно-кредитной политики и занятости, которая рассматривается в зарубежных моделях DSGE с фрикционами (H. El Ouazzani et al. [15]), но крайне слабо представлена в российской литературе, несмотря на высокую актуальность в условиях нестабильной макросреды.

В отечественных условиях подобные методологические подходы должны найти активное применение при анализе региональных рынков труда, где важно учитывать как демографические, так и институциональные особенности. В этой связи выбор в расчетах возрастного диапазона 15–72 лет, а не трудоспособного населения в целом, позволяет минимизировать искажения, связанные со старением населения, и обеспечить сопоставимость показателей между регионами с различной возрастной структурой. По данным за 2024 г., средний уровень участия населения в составе рабочей силы в указанном возрастном интервале – 68,2%, средний уровень безработицы – 3,14%, а отношение безработицы к уровню участия – 4,67, однако существование значительных «выбросов» указывает на наличие значимой межрегиональной вариативности и требует детального анализа территориальных различий.

Так, явное выделение Ямало-Ненецкого автономного округа и Чукотского автономного округа по показателю уровня участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет связано с их специфической социально-экономической

структурой и особенностями демографического развития. Для данных территорий характерна высокая концентрация трудоспособного населения, привлеченного в сферу ресурсодобывающих отраслей, что формирует устойчивый спрос на рабочую силу и стимулирует исключительно высокий уровень экономической активности по сравнению с другими субъектами Российской Федерации (рис. 1).

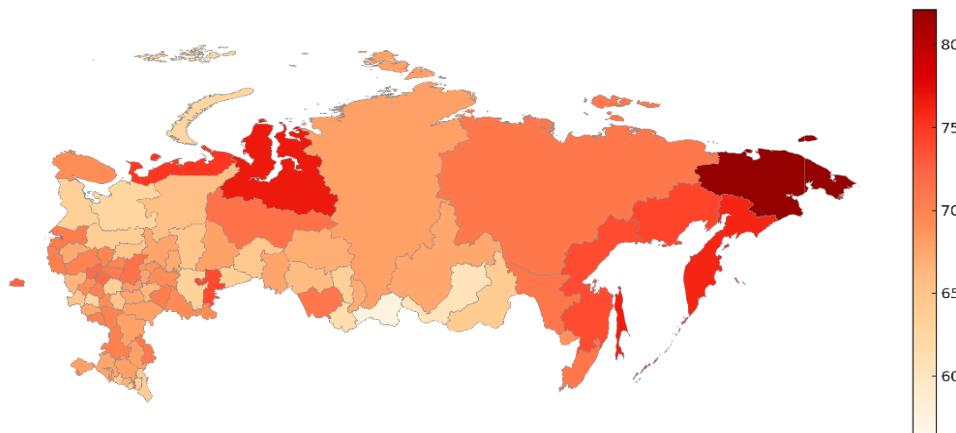

Рис. 1. Уровень участия в составе рабочей силы населения в возрасте 15–72 лет
(составлено автором по данным [11])

В Ямало-Ненецком автономном округе данный эффект усиливается вахтовым характером занятости, при котором миграционные потоки трудовых ресурсов из других регионов искусственно поддерживают высокую долю экономически активного населения. В Чукотском автономном округе аналогичные процессы связаны с низкой численностью постоянного населения и относительно высокой долей работников, занятых в добывающем секторе, что ведет к завышенной статистической оценке показателя участия в рабочей силе. Отклонения Ямало-Ненецкого автономного округа и Чукотского автономного округа от общероссийских тенденций отражают не столько демографические преимущества, сколько институционально-экономическую специфику, обусловленную экстремальной природно-климатической средой, зависимостью от сырьевых отраслей и высокой миграционной подвижностью населения.

Европейская часть страны, несмотря на более благоприятные демографические характеристики и более высокую концентрацию населения, демонстрирует относительно умеренные значения уровня участия в рабочей силе, что связано с высокой долей пожилого населения, значительной распространенностью неформальной занятости и более широким спектром альтернативных форм социально-экономической активности, не отражаемых в официальной статистике.

Сибирские регионы характеризуются более высоким уровнем участия в рабочей силе по сравнению с большинством субъектов европейской части. Это во многом объясняется их промышленной специализацией и сохранением значительной доли занятости в добывающих и обрабатывающих секторах. При этом

в условиях миграционного оттока молодого населения и демографического старения данный показатель имеет тенденцию к снижению, что формирует угрозы устойчивости региональных рынков труда. Дальневосточные регионы, напротив, выделяются сочетанием высокой трудовой активности и низкой численности населения. Здесь ключевым фактором выступает потребность в обеспечении добывающих отраслей и крупных инфраструктурных проектов рабочей силой, что стимулирует высокий уровень вовлеченности местного населения в трудовые процессы. При этом экстремальные природно-климатические условия и зависимость от миграционных потоков формируют структурные риски, выражющиеся в нестабильности воспроизводства трудовых ресурсов.

Таким образом, региональные различия по уровню участия населения в составе рабочей силы отражают дифференциацию демографических и экономических условий: от относительно разнородных европейских субъектов, испытывающих демографическое давление, до более трудоемких сибирских и дальневосточных регионов, где ключевую роль играют отраслевой фактор и миграционная подвижность.

Связь уровня участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет и безработицы в том же возрастном диапазоне слабо отрицательная (коэффициент Пирсона $-0,14$), т.е. регионы с более высокой вовлеченностью населения в экономический процесс чуть чаще имеют более низкие уровни безработицы, но этот эффект невелик. Отношение уровня безработицы к уровню участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет почти полностью определяется самой безработицей (коэффициент Пирсона $0,996$). Наибольшие экстремумы по уровню безработицы наблюдаются в Северо-Кавказском макрорегионе, в частности в Республике Ингушетия и Республике Дагестан (рис. 2).

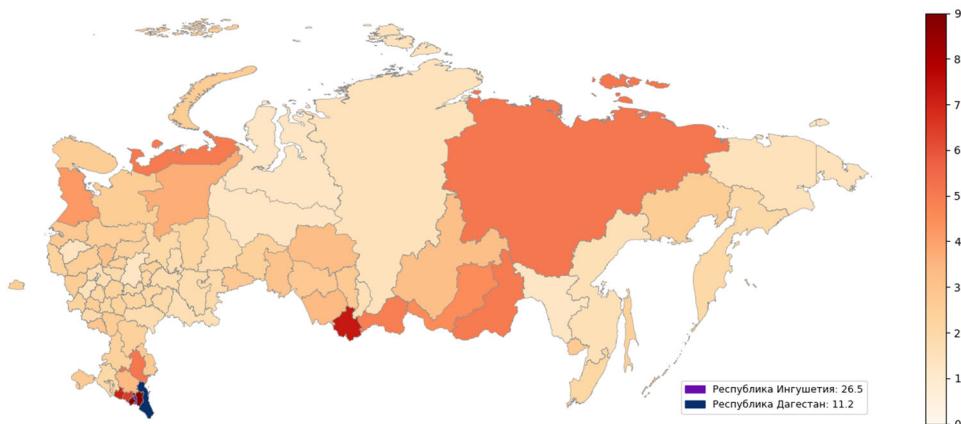

Рис. 2. Безработица в возрасте 15–72 лет
(составлено автором по данным [10])

Минимальные уровни участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет характерны для республик с высокой долей сельского населения и самозанятости (Адыгея – 56,3%, Тыва – 57,5%), а максимальные –

у северных сырьевых территорий и столичных городов (Чукотский автономный округ – 82,1%, Ямало-Ненецкий автономный округ – 76,7%, Сахалинская область – 76,4%, г. Санкт-Петербург – 75,4%).

Различия в уровнях участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет и сопутствующем ему уровню безработицы в том же возрастном диапазоне отражают разные аспекты регионального рынка труда.

1. Демография и возрастная пирамида. Молодые и «северные» трудовые рынки с высокой мужской занятостью и вахтовыми схемами демонстрируют высокие уровни участия населения в составе рабочей силы. Старение населения и высокий удельный вес ранних пенсионеров и лиц, занятых в домохозяйстве, понижают эти уровни.

2. Отраслевая структура и спрос на труд. Сырьевые регионы, крупные города-агломерации и логистические узлы способствуют росту уровня участия населения в составе рабочей силы за счет устойчивого спроса на труд и высокой заработной платы; это же удерживает сравнительно низкий уровень зарегистрированной безработицы. Регионы с преобладанием сельского и традиционного хозяйства, малого сервиса и государственного сектора при низкой производительности и квалификации рабочей силы сталкиваются с избыточным предложением труда и структурной безработицей.

3. Миграция и мятниковая занятость. Чистый приток экономически активного населения (г. Москва, г. Санкт-Петербург, северные регионы) увеличивает уровень участия населения в составе рабочей силы и снижает безработицу. В регионах с оттоком трудоспособного населения наблюдается обратная ситуация.

4. Теневая и неформальная занятость. В республиках Северного Кавказа и южносибирских регионах высока доля неформальной активности и самозанятости. Это одновременно может понижать уровень участия населения в составе рабочей силы (часть населения себя не относит к рабочей силе в опросах) и завышать безработицу (население ищет работу, но его занятость нестабильна), усиливая разрыв между показателями.

5. Институты и политика занятости. Различия в качестве организации работы центров занятости, доступе к общественным работам, мерах активной политики рынка труда и особенности локального регулирования влияют на регистрируемую безработицу при неизменном уровне участия населения в составе рабочей силы.

6. Социальные нормы и гендер. Доступность детсадов, культурные нормы участия женщин, различия в брачно-рождаемом поведении – классические детерминанты уровня участия населения в составе рабочей силы на региональном уровне.

Смысл агрегатного показателя для сравнений регионов, значения которого представлены на рис. 3, заключается в том, что он может оцениваться как масштабированная безработица, а не как самостоятельная характеристика баланса участия и незанятости. Тесная связь данного показателя с уровнем безработицы вне зависимости от уровня занятости может указывать на необходимость

дифференцированного подхода к воздействию отдельно на занятость, отдельно на безработицу. По итогам изучения геопространственных тепловых карт, характеризующих безработицу, масштабированную с учетом занятости, выявлены экстремальные наблюдения:

1) максимальная безработица и, соответственно, отношение уровня безработицы к уровню участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет: Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Республика Чечня, Республика Северная Осетия, Республика Алтай. Это сочетание типично для регионов со смешанной неформальной занятостью, высоким демографическим давлением и ограниченным формальным спросом на труд;

2) минимальный уровень участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет: Республика Адыгея, Республика Тыва, Республика Бурятия, Республика Алтай, Архангельская область демонстрируют сочетание периферийности, демографии и структуры занятости;

3) максимальный уровень участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет: Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Сахалинская область, Камчатский край, г. Санкт-Петербург формируют «полюса притяжения» трудовых ресурсов благодаря зарплатам и вахтовым контрактам и особенностям городских рынков труда.

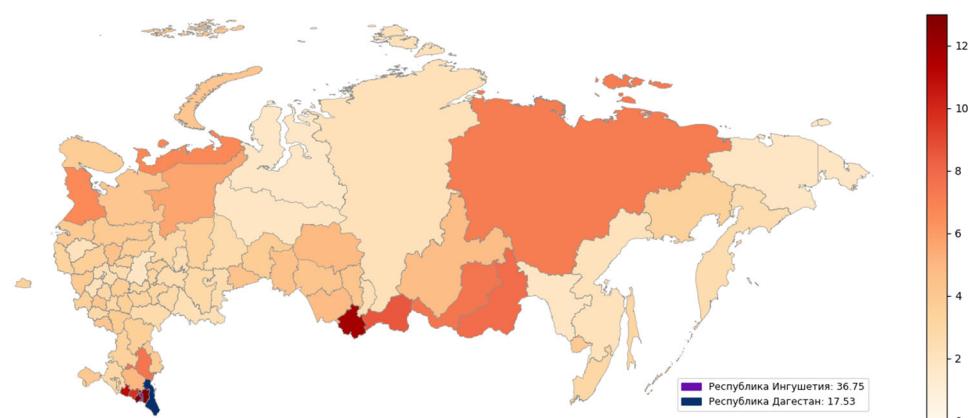

Рис. 3. Отношение безработицы к занятым
(составлено автором по данным [10, 11])

В ходе дальнейшего изучения структурных дисбалансов была проведена визуализация пространственных кластеров с использованием алгоритма k-means на двумерном пространстве признаков (занятость и безработица). Перед кластеризацией из выборки были исключены выбросы по каждому показателю независимо друг от друга. Также перед кластеризацией признаки стандартизированы – было выполнено z-преобразование, реализованное через StandardScaler. Оптимальное число кластеров k выбиралось методом elbow. Для обеспечения воспроизводимости запуск K-means фиксировался случайным состоянием (`random_state = 42`) и количеством инициализаций `n_init = 10`.

Для каждого признака были вычислены квартили Q1 и Q3 и межквартильный размах. Регион считался выбросом (попадающим в кластер D), если значение хотя бы по одному из двух показателей выходит за соответствующие границы. Выбросы помечены серым цветом. Работа с двумя показателями реализована через их совместное использование в алгоритме K-Means, что позволило сформировать 3 кластера регионов (рис. 4).

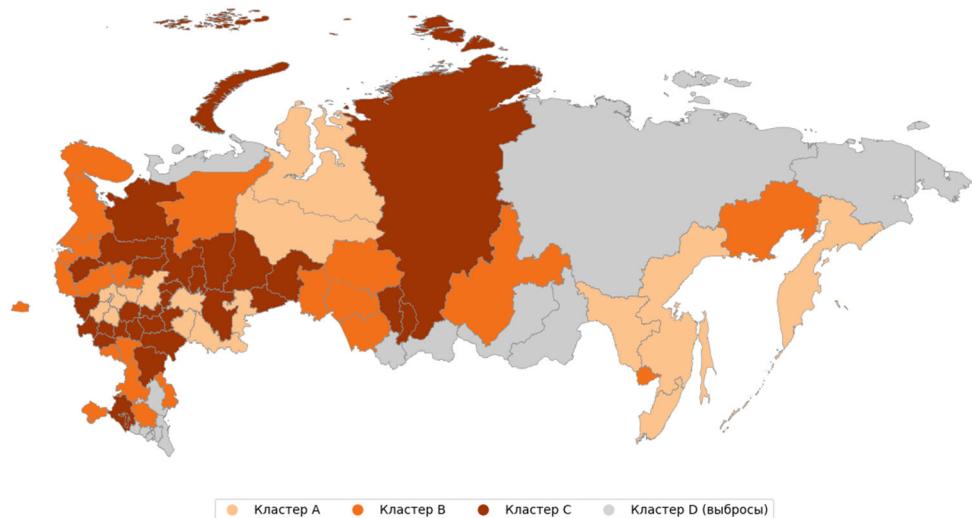

Рис. 4. Кластеризация регионов по показателям состояния рынка труда
(составлено автором по данным [10, 11])

Исходя из сочетания факторов длительного воздействия, выявлены следующие региональные кластеры, представляющие собой объекты различных направлений политик занятости (таблица):

– кластер А: высокий уровень участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет, низкая безработица: г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область, Тульская область, Калужская область, Нижегородская область, Владимирская область, Республика Татарстан, Самарская область, Оренбургская область, Челябинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Камчатский край, Амурская область, Хабаровский край, Приморский край, Сахалинская область;

– кластер В: средний уровень участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет, высокая безработица: Мурманская область, Республика Карелия, Калининградская область, Ленинградская область, Псковская область, Тверская область, Ярославская область, Ивановская область, Республика Коми, Республика Крым, г. Севастополь, Ставропольский край, Ростовская область, Воронежская область, Белгородская область, Астраханская область, Алтайский край, Новосибирская область, Омская область, Томская область, Иркутская область, Магаданская область, Еврейская автономная область;

– кластер С: низкий уровень участия населения в составе рабочей силы в возрасте 15–72 лет, средняя безработица: Архангельская область, Вологодская

область, Новгородская область, Костромская область, Смоленская область, Брянская область, Орловская область, Курская область, Краснодарский край, Республика Адыгея, Липецкая область, Тамбовская область, Пензенская область, Рязанская область, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Республика Марий Эл, Кировская область, Костромская область, Удмуртская область, Пермский край, Свердловская область, Республика Башкортостан, Тюменская область, Курганская область, Красноярский край, Республика Хакасия, Кемеровская область;

– кластер D, образованный выбросами: Ненецкий автономный округ, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Волгоградская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Чукотский автономный округ.

Расчетные характеристики кластеров

Показатель	Расчетная характеристика	Кластер А	Кластер В	Кластер С
Уровень участия в составе рабочей силы населения в возрасте 15–72 лет	Среднее	72,32	69,2	66,13
	Медиана	71,5	69,9	67,1
	Минимум	69,1	63,5	62,6
	Максимум	76,7	74,3	69,2
	Стандартное отклонение	2,5	2,37	2,03
Безработица в возрасте 15–72 лет	Среднее	1,68	2,89	2,15
	Медиана	1,65	2,7	2,2
	Минимум	1	2,3	1,4
	Максимум	2,4	4,2	2,8
	Стандартное отклонение	0,37	0,47	0,37
Количество регионов	Всего	18	23	29

Меры регулирования структурных дисбалансов рынка труда различаются по кластерам. Регионы кластера А характеризуются относительно устойчивой ситуацией на рынке труда, где одновременно наблюдаются более высокие уровни экономической активности и относительно сбалансированное соотношение спроса и предложения рабочей силы.

Рекомендуемые меры:

- поддержание накопленного человеческого капитала через программы повышения квалификации и непрерывного образования;
- стимулирование высокотехнологичных и инновационных отраслей для предотвращения структурного застоя;
- создание центров компетенций и кластеров занятости в сферах с потенциалом роста (IT, «зеленая» экономика, инженерные специальности);
- расширение программ привлечения трудовых ресурсов из других регионов для устранения узких мест в определенных секторах (например, медицинский персонал, рабочие инженерных профессий).

Кластер В характеризуется асимметрично высоким уровнем экономической активности при недостаточном спросе на рабочую силу, либо, напротив, высоким спросом при ограниченном предложении квалифицированных кадров.

Рекомендуемые меры:

- в случае избытка рабочей силы: развитие малого и среднего предпринимательства, содействие самозанятости, стимулирование создания рабочих мест в новых секторах.
- в случае дефицита рабочей силы: запуск программ профессиональной мобильности (внутрирегиональной и межрегиональной), временная миграция специалистов, субсидирование найма.

Целенаправленная корректировка образовательных программ в региональных вузах и колледжах должна способствовать адаптации выпуска кадров к специфике регионального рынка труда. Необходимо также введение региональных программ переквалификации для высвобождаемых работников в традиционных отраслях.

Регионы кластера С находятся в зоне риска: здесь фиксируются депрессивные тенденции на рынке труда и хронический структурный дисбаланс. Рекомендуемые меры:

- стимулирование инвестиций в базовую инфраструктуру, что создаст косвенный мультипликативный эффект для рынка труда;
- государственная поддержка ключевых предприятий и отраслей, способных стать драйверами занятости (например, в Чувашской Республике – агропромышленный комплекс, строительство);
- разработка региональных программ занятости с акцентом на создание рабочих мест с низким порогом входа (общественные работы, программы социального найма);
- активизация политики переселения и стимулирования мобильности рабочей силы (в том числе за счет жилищных субсидий для мигрантов внутри страны);
- внедрение инструментов социального предпринимательства для вовлечения в занятость уязвимых групп населения (молодежь, женщины, лица предпенсионного возраста).

Кластер D (выбросы, регионы с экстремальными значениями) вобрал резкие дисбалансы в структуре занятости и безработицы. Рекомендуемые меры:

- для развитых регионов: внедрение высокотехнологичных программ переквалификации; управление миграционными потоками для недопущения перегрузки социальной инфраструктуры; регулирование притока низкоквалифицированной рабочей силы;
- для «депрессивных» регионов: реализация федеральных целевых программ поддержки, прямое бюджетное финансирование инфраструктурных проектов, введение налоговых льгот для предприятий, создающих рабочие места.

Для регионов кластера D требуются дифференцированная политика занятости с учетом уникального профиля региона (например, поддержка арктических территорий через специальные «северные» программы), особый мониторинг и использование адаптивных инструментов (субсидии, гранты, региональные фонды занятости) для быстрого реагирования на резкие изменения в структуре рынка труда. Приоритетами могут являться расширение категорий участия

(женщины, молодежь) через инфраструктуру социального ухода и дошкольного образования, обучение и мягкий переход в формальную занятость через создание официального спроса на трудовые ресурсы (поддержка малых и средних форм предпринимательства, развитие индустриальных парков, поддержка занятости у частного работодателя).

Детализация кластеров А, В и С и их характеристик на основе методов машинного обучения, использующих комплексные признаки классификации, позволит разработать более точечные меры регулирования структурных дисбалансов на рынках труда отдельно взятых регионов. Для дальнейшего совершенствования анализа структурных дисбалансов рынка труда целесообразно расширить число учитываемых факторов за пределы базовых показателей занятости и безработицы. В частности, в модель могут быть интегрированы демографические, миграционные и отраслевые характеристики, а также данные о заработной плате, доле неформальной занятости. Использование методов факторного анализа или главных компонент позволит выявить скрытые зависимости между переменными и повысить интерпретируемость кластерной структуры.

Кроме того, применение динамической кластеризации на временных рядах обеспечит выявление изменений пространственной конфигурации дисбалансов во времени. Перспективным направлением является использование байесовских иерархических моделей и моделей пространственной автокорреляции (Moran's I, LISA), что позволит учесть взаимное влияние соседних регионов. Комплексное сочетание статистических и геоинформационных методов создаст основу для мониторинга и прогнозирования эволюции структурных различий на рынке труда России.

Выводы. Санкционное давление, адаптация к новым логистическим маршрутам, переход к цифровым платформам, развитие дистанционной занятости и автоматизация производств привели к существенному изменению профиля компетенций, востребованных на рынке труда. Эти изменения усилили необходимость непрерывной адаптации региональных систем занятости, которая невозможна без научно обоснованной оценки структурных и пространственных особенностей дисбалансов. Разработанные карты как инструменты первичной визуализации могут обеспечить органам власти оперативную диагностику ситуации на рынке труда, что повысит качество и скорость управленческих решений. Дальнейшим направлением научных исследований может выступать выявление устойчивых паттернов структурных дисбалансов и факторов, детерминирующих напряженность на региональных рынках труда, с учетом их пространственной неоднородности, институциональных ограничений и внешнеэкономических шоков. Предполагается, что интеграция методов пространственного анализа, кластеризации, факторного моделирования и оценки потенциальной напряженности создаст основу для выявления скрытых закономерностей и формирования обоснованных предложений по территориально-дифференциированной политике занятости. Даные направления позволяют комплексно учесть взаимодействие макроэкономических, институциональных и пространственных факторов, оказывающих влияние на динамику дисбалансов.

Литература

1. Альмова А.С. Оценка влияния неформальной занятости на динамику показателей экономической безопасности // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 7. С. 167–170.
2. Градусова В.Н., Мамедова Р.Б. Ситуация на рынке труда как индикатор неравномерности пространственного развития // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2023. Т. 18, № 3. С. 777–784.
3. Зарубина Ю.В., Усынина С.А. Использование комбинированного и удаленного графика работы для снижения напряженности на современном рынке труда в России // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2024. № 11. С. 347–348.
4. Кошевой О.С. Методика прогнозирования ситуации на рынке труда региона // Организатор производства. 2023. Т. 31, № 1. С. 171–182. DOI: 10.36622/VSTU.2023.46.61.013.
5. Кошевой О.С. Оценка коэффициента напряженности на рынке труда. Региональный аспект // Статистика и экономика. 2023. Т. 20, № 2. С. 13–20. DOI: 10.21686/2500-3925-2023-2-13-20.
6. Купришин Г.Л., Дробышева Е.С. Депрессивные территории как объекты стратегического планирования // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 109. С. 167–184. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-109-2025-167-184.
7. Овеинкова Л.В., Сибирская Е.В. Анализ региональных демографических угроз в контексте обеспечения экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2025. Т. 21, № 1. С. 37–54. DOI: 10.24891/ni.21.1.37.
8. Слюпова М.С., Халикова С.С. Напряженность на рынке труда как индикатор экономической безопасности региона // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1(102). С. 70–78. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-102-1-70-78.
9. Узякова Е.С. Неформальная занятость и структурные дисбалансы на рынке труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 6. С. 167–183. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.9.
10. Численность безработных в возрасте 15–72 лет и уровень безработицы [Электронный ресурс] // Росстат: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/TRUD_3_15-72.xlsx (дата обращения: 08.09.2025).
11. Численность занятых в возрасте 15–72 лет и уровень занятости [Электронный ресурс] // Росстат: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/TRUD_1_15-72.xlsx (дата обращения: 08.09.2025).
12. Andabayeva G., Movchun V., Dubovik M. et al. Labor market dynamics in developing countries: analysis of employment transformation at the macro-level. *J Innov Entrep*, 2024, no. 13, p. 65. DOI: 10.1186/s13731-024-00417-0.
13. Azar J., Sanz-Espín J. Labor market power in Spain. *SERIES*, 2025. DOI: 10.1007/s13209-025-00307-y.
14. Butkus M., Dargenyte-Kacilevicien L., Matuzeviciute K. et al. The role of labor market regulations on the sensitivity of unemployment to economic growth. *Eurasian Econ Rev*, 2023, no. 13, pp. 373–427. DOI: 10.1007/s40822-023-00235-x.
15. El Ouazzani H., Ouakil H., Moustabchir A. Monetary Policy and Unemployment in Morocco: A DSGE Model Approach with Labor Market Frictions and Nash Wage Bargaining. *J. Quant. Econ.*, 2024, no. 22, pp. 823–850. DOI: 10.1007/s40953-024-00415-9.
16. Flores L. Zoning as a labor market regulation. *Theor Soc*, 2024, no. 53, pp. 357–394. DOI: 10.1007/s11186-023-09539-y.
17. Fu S. Labor Market Agglomeration Economies. In: *Handbook of Labor, Human Resources and Population Economics*. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-3-319-57365-6_386-2.
18. Gardeazabal J., Polo-Muro E. Household consumption responses to unanticipated labor market transitions. *Rev Econ Household*, 2025. DOI: 10.1007/s11150-025-09777-2.
19. Gravina A.F., Foster-McGregor N. Unraveling wage inequality: tangible and intangible assets, globalization and labor market regulations. *Empir Econ*, 2024, no. 67, pp. 1375–1420. DOI: 10.1007/s00181-024-02587-y.
20. Lebedintseva T.M., Nikitin A.V., Vasilieva A.M. et al. Impact of Neural Networks on the Labor Market. In: *University 4.0 and Educational Technology for Sustainable Development. Education in the*

Asia-Pacific Region: Issues, Concerns and Prospects. Springer, Singapore, 2025, vol. 75. DOI: 10.1007/978-981-96-7376-6_27.

21. Ozdemir M.C. Labor Market and Risks in the Digital Age. In: *Futurisks: Risk Management in the Digital Age. Accounting, Finance, Sustainability, Governance & Fraud: Theory and Application.* Springer, Singapore, 2025. DOI: 10.1007/978-981-96-6448-1_10.

22. Shanin A.A., Trusov N.V. The Model of the Human Capital Dynamics and Population Behavior in the Labor Market. *Lobachevskii J Math*, 2025, no. 46, pp. 326–340. DOI: 10.1134/S1995080224608452.

АРКАДЬЕВА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (knedlix@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4868-2365>).

Olga G. ARKADEVA

STRUCTURAL IMBALANCES IN EMPLOYMENT AND UNEMPLOYMENT IN REGIONAL LABOR MARKETS

Key words: regional differentiation, demographic factors, migration processes, industry specialization, state employment policy.

Modern Russian economy is characterized by a combination of demographic shifts, diverse industry specialization and steady migration flows, which creates structural imbalances in territorial labor markets. This study aims to identify structural imbalances in the development of Russia's regional labor markets based on the analysis of participation of population aged 15–72 years in the labor force and the unemployment rate.

The purpose of the study is to identify, based on generalized modern scientific experience, spatially heterogeneous forms of labor market response to demographic challenges and institutional measures.

Materials and methods. The empirical base is based on Rosstat data on employment and unemployment for 2024. The study used indicators of the level of population participation as part of the workforce, the unemployment rate and their ratio, which made it possible to reveal inter-territorial differences. The choice of the age range of 15–72 years is dictated by the need to minimize distortions associated with the aging of the population, as well as taking into account the institutional and economic characteristics of regional labor markets. Methods of comparative analysis, cartographic modeling and interpretation of statistical indicators were used. Implementation is made in Python using Pandas, NumPy, Matplotlib, Scikit-learn (KMeans, StandardScaler), Kneed (KneeLocator) libraries and modules for working with GeoJSON. Fixed parameters were used: IQR coefficient 1.5 for outlier detection; range k for elbow method 1–7; random_state = 42, n_init = 10 for K-means.

Results. The constructed cluster model made it possible to identify three stable groups of regions: cluster A – territories with high population involvement in the labor force and low unemployment; cluster B – regions with average employment and high unemployment; cluster C – subjects with relatively low labor force participation and moderate unemployment. Outlier regions (cluster D) with extreme values of indicators were singled out separately. The comparative analysis showed that the differences between the clusters are due to demographic structures, industry specialization, the scale of migration and the institutional features of regional employment.

Conclusions. The results confirmed the systemic nature of inter-regional differences and showed the need for a differentiated employment policy. For sustainable regions (cluster A), the focus should be made on maintaining human capital and stimulating innovative industries. Clusters B and C require active employment measures and entrepreneurship incentives, while cluster D requires adaptive federal-level programs, including mobility support and employment infrastructure development. The developed clustering makes it possible to identify stable types of regions in terms of employment and unemployment parameters, which can serve as the basis for a targeted labor market regulation policy. The methodological approach, including statistical and

cartographic analysis, showed effectiveness in identifying spatial heterogeneity and factors of structural imbalances reproduction. Further development of the research involves integration of cluster analysis with factor modeling using machine learning models and forecasting tension in regional labor markets.

References

1. Alyanova A.S. *Otsenka vliyaniya neformal'noi zanyatosti na dinamiku pokazatelei ekonomicheskoi bezopasnosti* [Assessing the impact of informal employment on the dynamics of economic security indicators]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii*, 2023, no. 7, pp. 167–170.
2. Gradusova V.N., Mamedova R.B. *Situatsiya na rynke truda kak indikator neravnomernosti prostranstvennogo razvitiya* [The situation on the labor market as an indicator of uneven spatial development]. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya*, 2023, vol. 18, no. 3, pp. 777–784.
3. Zarubina Yu.V., Usynina S.A. *Ispol'zovanie kombinirovannogo i udalennogo grafika raboty dlya snizheniya napryazhennosti na sovremenном rynke truda v Rossii* [Using a combined and remote work schedule to reduce tension in the modern labor market in Russia]. *Sovremennye tekhnologii i nauchno-tehnicheskii progress*, 2024, no. 11, pp. 347–348.
4. Koshevoi O.S. *Metodika prognozirovaniya situatsii na rynke truda regiona* [Methodology for forecasting the situation on the regional labor market]. *Organizator proizvodstva*, 2023, vol. 31, no. 1, pp. 171–182. DOI: 10.36622/VSTU.2023.46.61.013.
5. Koshevoi O.S. *Otsenka koeffitsienta napryazhennosti na rynke truda. Regional'nyi aspekt* [Assessment of the coefficient of tension in the labor market. Regional aspect]. *Statistika i Ekonomika*, 2023, vol. 20, no. 2, pp. 13–20. DOI: 10.21686/2500-3925-2023-2-13-20.
6. Kupryashin G.L., Drobysheva E.S. *Depressivnye territorii kak ob'ekty strategicheskogo planirovaniya* [Depressed territories as objects of strategic planning]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik*, 2025, no. 109, pp. 167–184. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-109-2025-167-184.
7. Oveshnikova L.V., Sibirskaya E.V. *Analiz regional'nykh demograficheskikh ugroz v kontekste obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti* [Analysis of regional demographic threats in the context of economic security]. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*, 2025, vol. 21, no. 1, pp. 37–54. DOI: 10.24891/ni.21.1.37.
8. Syupova M.S., Khalikova S.S. *Napryazhennost' na rynke truda kak indikator ekonomicheskoi bezopasnosti regiona* [Tension in the labor market as an indicator of the economic security of the region]. *Vlast' i upravlenie na Vostoche Rossii*, 2023, no. 1(102), pp. 70–78. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-102-1-70-78.
9. Uzyakova E.S. *Neformal'naya zanyatost' i strukturnye disbalansy na rynke truda* [Informal employment and structural imbalances in the labor market]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2024, vol. 17, no. 6, pp. 167–183. DOI: 10.15838/esc.2024.6.96.9.
10. *Chislennost' bezrabotnykh v vozraste 15–72 let i uroven' bezrabotitsy* [The number of unemployed people aged 15–72 years and the unemployment rate]. Available at: https://rosstat.gov.ru/-/storage/mediabank/TRUD_3_15-72.xlsx (Access Date: 2025, Sept. 08).
11. *Chislennost' zanyatykh v vozraste 15–72 let i uroven' zanyatosti* [Number of employed persons aged 15–72 years and employment rate]. Available at: https://rosstat.gov.ru/storage/-/mediabank/TRUD_1_15-72.xlsx (Access Date: 2025, Sept. 08).
12. Andabayeva G., Movchun V., Dubovik M. et al. Labor market dynamics in developing countries: analysis of employment transformation at the macro-level. *J Innov Entrep*, 2024, no. 13, pp. 65. DOI: 10.1186/s13731-024-00417-0.
13. Azar J., Sanz-Espín J. Labor market power in Spain. *SERIES*, 2025. DOI: 10.1007/s13209-025-00307-y.
14. Butkus M., Dargenyte-Kacilevicien L., Matuzeviciute K. et al. The role of labor market regulations on the sensitivity of unemployment to economic growth. *Eurasian Econ Rev*, 2023, no. 13, pp. 373–427. DOI: 10.1007/s40822-023-00235-x.
15. El Ouazzani H., Ouakil H., Moustabchir A. Monetary Policy and Unemployment in Morocco: A DSGE Model Approach with Labor Market Frictions and Nash Wage Bargaining. *J. Quant. Econ.*, 2024, no. 22, pp. 823–850. DOI: 10.1007/s40953-024-00415-9.

16. Flores L. Zoning as a labor market regulation. *Theor Soc*, 2024, no. 53, pp. 357–394. DOI: 10.1007/s11186-023-09539-y.
17. Fu S. Labor Market Agglomeration Economies. In: *Handbook of Labor, Human Resources and Population Economics*. Springer, Cham, 2023. DOI: 10.1007/978-3-319-57365-6_386-2.
18. Gardeazabal J., Polo-Muro E. Household consumption responses to unanticipated labor market transitions. *Rev Econ Household*, 2025. DOI: 10.1007/s11150-025-09777-2.
19. Gravina A.F., Foster-McGregor N. Unraveling wage inequality: tangible and intangible assets, globalization and labor market regulations. *Empir Econ*, 2024, no. 67, pp. 1375–1420. DOI: 10.1007/s00181-024-02587-y.
20. Lebedintseva T.M., Nikitin A.V., Vasilieva A.M. et al. Impact of Neural Networks on the Labor Market. In: *University 4.0 and Educational Technology for Sustainable Development. Education in the Asia-Pacific Region: Issues, Concerns and Prospects*. Springer, Singapore, 2025, vol. 75. DOI: 10.1007/978-981-96-7376-6_27.
21. Ozdemir M.C. Labor Market and Risks in the Digital Age. In: *Futurisks: Risk Management in the Digital Age. Accounting, Finance, Sustainability, Governance & Fraud: Theory and Application*. Springer, Singapore, 2025. DOI: 10.1007/978-981-96-6448-1_10.
22. Shaninin A.A., Trusov N.V. The Model of the Human Capital Dynamics and Population Behavior in the Labor Market. *Lobachevskii J Math*, 2025, no. 46, pp. 326–340. DOI: 10.1134/S1995080224608452.

OLGA G. ARKADEVA – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Department of Finance, Credit and Economic Security, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (knedlix@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4868-2365>).

Формат цитирования: Аркадьева О.Г. Структурные дисбалансы в занятости и безработице на региональных рынках труда [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 1–16. URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2025/4/1>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-1-16.

УДК 657

ББК 65.052.2

Т.Ю. ВАСИЛЬЕВА, А.В. МАСЛОВА

НАЛОГ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ ПРИ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: специальный налоговый режим, упрощенная система налогообложения, налог на добавленную стоимость, вычеты по налогу на добавленную стоимость, налоговая ставка, освобождение от налога на добавленную стоимость.

Обеспечение финансовой эффективности и законности деятельности, ведение достоверного учета в соответствии с требованиями законодательства являются одними из приоритетных задач субъекта предпринимательства. Важную роль в их решении играет теоретический анализ налоговых реформ и их практическая реализация в учете.

Цель исследования – выявление и систематизация особенностей обложения налогом на добавленную стоимость при применении упрощенной системы налогообложения и определение оптимальных подходов к организации учетной системы.

Материалы и методы. Основные источники информации – нормативно-правовые акты и публикации в области бухгалтерского учета и налогообложения. В ходе исследования применялись сравнительный и аналитический методы.

Результаты. Проведен анализ налоговой реформы, наделяющей налогоплательщика на упрощенной системе налогообложения, превысившего установленные лимиты, обязанностью по уплате налога на добавленную стоимость. Разработан комплексный алгоритм управленческих решений, состоящий из этапов диагностики, планирования и адаптации учетной системы. Определены факторы, влияющие на выбор оптимального режима налогообложения, – структура затрат, клиентская база, возможность применения налоговых вычетов. Разработанные рекомендации позволяют систематизировать учет, оптимизировать налоговую нагрузку и снизить издержки при смене системы налогообложения.

Выводы. Проведенное исследование демонстрирует, что перед налогоплательщиками в 2025 г. появилась задача, заключающаяся в выборе между сохранением «гибридного» статуса на упрощенной системе налогообложения с обязанностью уплаты налога на добавленную стоимость и переходом на общую систему налогообложения. Разработанный алгоритм действий дает возможность поэтапной адаптации с минимизацией рисков независимо от выбранного режима налогообложения и оценки налоговых последствий каждого сценария с учетом индивидуальных параметров – структуры затрат, клиентской базы, доли «входного» налога на добавленную стоимость.

Введение. Налоговая реформа 2025 г. создала принципиально новую экономическую реальность для субъектов предпринимательства, поскольку ранее упрощенная система налогообложения (УСН) рассматривалась как режим полного освобождения от уплаты части налогов, в том числе налога на добавленную стоимость (НДС). Сложность адаптации к новым условиям состоит в том, что необходимо одновременно соблюдать требования двух налоговых систем, что приводит к определенным практическим проблемам, таким как рост фискальных рисков, потенциальные финансовые потери для бизнеса. В связи с этим возникает необходимость в системном исследовании особенностей

обложения НДС при применении УСН и разработке практических механизмов адаптации учетных систем.

Целью исследования является выявление и систематизация особенностей обложения НДС при применении УСН и определение оптимальных подходов к организации учетной системы.

Научная новизна заключается в разработке комплексного алгоритма организации учетной системы и выявлении определяющих факторов эффективности обложения НДС при УСН в результате налоговой реформы.

Материалы и методы. Основные источники информации – нормативно-правовые акты и публикации в области бухгалтерского учета и налогообложения. В ходе исследования применялись сравнительный и аналитический методы.

Результаты исследования. Ранее УСН относилась к специальным режимам, предусматривающим освобождение от обязанности по уплате части налогов, в том числе НДС, за исключением ряда случаев. С 2025 г. в налоговом законодательстве Российской Федерации произошли значительные изменения, направленные преимущественно на стимулирование экономического роста [1. С. 238].

С 1 января 2025 г. изменились критерии для применения УСН, а именно:

1. Средняя численность работников организаций и индивидуальных предпринимателей не должна превышать 130 человек (вместо ранее установленного порога в 100 человек).

2. Ограничение по доходам с 200 млн руб. увеличилось и составило 450 млн руб.

3. Для того чтобы перейти на УСН с 2025 г., доходы за 9 месяцев предыдущего года не должны превышать 337,5 млн руб., тогда как в 2024 г. порог составлял 112,5 млн руб.¹

4. Остаточная стоимость основных средств ограничивается 200 млн руб. вместо ранее установленных 150 млн руб.

Установленные критерии должны соблюдаться в совокупности. Налогоплательщик теряет право на применение УСН с первого числа месяца, в котором один из лимитов был превышен.

Также с 1 января 2025 г. для УСН произошли следующие изменения²:

- для объекта «доходы» отменена повышенная ставка в размере 8%;
- для объекта «доходы минус расходы» исключена повышенная ставка в размере 20%.

Следует учесть, что наиболее часто организации и индивидуальные предприниматели отдают предпочтение объекту «доходы» – в три раза чаще, чем объекту «доходы минус расходы» [5. С. 679].

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. №117-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: офиц. сайт. URL: <http://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=500016&dst=4503&date=06.09.2025> (дата обращения: 06.09.2025).

² О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Фед. закон от 12.07.2024 № 176-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480697/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/ (дата обращения: 09.10.2025).

От обязанности по уплате НДС освобождаются организации и индивидуальные предприниматели на УСН, чей доход за предыдущий год не превысил 60 млн руб. Соответственно, у вновь зарегистрированных субъектов предпринимательства также отсутствует такая обязанность.

В сумму доходов при определении порогового значения входят определяемые кассовым методом выручка от реализации и внереализационные доходы (за вычетом необлагаемых поступлений). Налогоплательщик, совмещающий несколько специальных режимов налогообложения (например, упрощенную и патентную системы), для определения лимита учитывает общую сумму доходов по всем режимам.

НДС, в случае достижения порога в 60 млн руб. в течение года, исчисляется и уплачивается налогоплательщиком по хозяйственным операциям, совершенным с первого числа месяца, следующего за месяцем превышения.

В налоговую базу при исчислении НДС не включаются оплаты, полученные на расчетный счет после 1 января 2025 г., по реализациям, совершенным до этой даты. А в случае если оплата поступила в 2024 г., а реализация произошла в текущем, необходимо исчислить и уплатить налог в бюджет.

Для организаций и для индивидуальных предпринимателей, находящихся на УСН, у которых с 1 января 2025 г. появилась обязанность по уплате НДС, введен дифференцированный подход к применению ставок:

1. Исчислять налог по пониженной ставке 5% могут субъекты, чей доход за предыдущий год составил более 60 млн, но не превысил 250 млн руб.

2. Выбрать пониженную ставку 7% имеют право организации и индивидуальные предприниматели, доход которых находится в диапазоне от 250 млн до 450 млн руб.

3. Налогоплательщики могут без ограничений применять общеустановленные ставки, в том числе 20%.

Пониженные ставки должны применяться налогоплательщиком последовательно в течение 12 кварталов, т.е. до окончания указанного промежутка времени субъект предпринимательства не сможет перейти на ставку 20%. При этом изменение ставки с 5% до 7% в случае превышения лимитов в ходе установленного периода не прерывает его течение. Основанием для обнуления периода является возникновение права освобождения от уплаты НДС по итогам года. Тогда исчисление 12 кварталов начнется с начала, когда налогоплательщик превысит установленные лимиты.

Особенностью применения пониженных ставок является отсутствие возможности применения вычетов по НДС. Если же налогоплательщик применяет одну из стандартных ставок, налогооблагаемую базу можно уменьшить. Если и продавец, и покупатель являются плательщиками НДС, то наиболее выгодно для обеих сторон будет применение ставки 20% [4. С. 210].

Безопасными вычетами по НДС признаются вычеты, которые, как правило, налоговая инспекция не оспаривает в силу того, что они напрямую связаны с основной деятельностью налогоплательщика и соответствуют требованиям законодательства. Это определяется по следующим признакам:

– экономическая обоснованность: реальность, деловая цель хозяйственной операции, связь с облагаемой деятельностью;

– должна осмотрительность: подтверждение полномочий представителей, проверка контрагентов и мониторинг рисков по сделкам;

– документальное подтверждение: наличие счетов-фактур и достоверных первичных документов.

Уменьшить налогооблагаемую базу по НДС на сумму вычетов можно при соблюдении следующих условий:

1) использование для облагаемых операций, т.е. приобретенные товары / оплаченные работы, услуги должны использоваться в деятельности, облагаемой НДС;

2) наличие правильно оформленной счет-фактуры от поставщика;

3) оприходование товаров, услуг, т.е. приобретенные товары, оплаченные работы / услуги должны быть приняты к учету. С этого момента НДС может быть заявлен к вычету единожды в течение трех лет.

Критическое значение для вычетов составляет не более 89% от суммы начисленного НДС. В ином случае налоговая инспекция будет проверять их особо тщательно.

В случае если налогоплательщик на УСН со ставки 20% или 10% переходит на пониженную ставку, у него возникает обязанность восстановить и уплатить в бюджет «входной» НДС, ранее принятый к вычету, в отношении товаров и услуг, используемых для операций, облагаемых по пониженным ставкам.

Приведем ситуации для определения, в какой ситуации и какая ставка НДС является наиболее выгодной к применению для организаций и индивидуальных предпринимателей.

Ситуация 1. Налогоплательщик, применяющий УСН, имеет доход в размере 65 млн руб., а расходы, по которым можно принять НДС к вычету, составляют 10 млн руб.

Решение:

– ставка НДС = 5%:

$$\text{НДС к уплате} = \frac{65 \text{ млн руб.} \times 5\%}{100\%} = 3,25 \text{ млн руб.};$$

– ставка НДС = 20%:

$$\text{НДС к уплате} = \frac{(65 \text{ млн руб.} - 10 \text{ млн руб.}) \times 20\%}{100\%} = 11 \text{ млн руб.}$$

Следовательно, если расходы организации в соотношении с доходами имеют невысокое значение, применение общепринятой ставки НДС будет невыгодным, поскольку размер вычетов будет незначительным. В данном случае лучше применять пониженную ставку.

Ситуация 2. Налогоплательщик, применяющий УСН, имеет доход в размере 65 млн руб., а расходы, по которым можно принять НДС к вычету, составляют 45 млн руб.

Решение:

– ставка НДС = 5%:

$$\text{НДС к уплате} = \frac{65 \text{ млн руб.} \times 5\%}{100\%} = 3,25 \text{ млн руб.};$$

– ставка НДС = 20%:

$$\text{НДС к уплате} = \frac{(65 \text{ млн руб.} - 45 \text{ млн руб.}) \times 20\%}{100\%} = 4 \text{ млн руб.}$$

В данном случае расходы организации имеют весомый размер, разница между исчисленными по разным ставкам суммами НДС незначительна. Несмотря на то, что в рассмотренной ситуации размер налога по ставке 20% выше, при работе с контрагентами, также являющимися плательщиками НДС, применение общепринятой ставки будет наиболее целесообразным.

Ситуация 3. Налогоплательщик, применяющий УСН, имеет доход в размере 270 млн руб., а расходы, по которым можно принять НДС к вычету, составляют 60 млн руб.

Решение:

– ставка НДС = 7%:

$$\text{НДС к уплате} = \frac{270 \text{ млн руб.} \times 7\%}{100\%} = 18,9 \text{ млн руб.};$$

– ставка НДС = 20%:

$$\text{НДС к уплате} = \frac{(270 \text{ млн руб.} - 60 \text{ млн руб.}) \times 20\%}{100\%} = 42 \text{ млн руб.}$$

В данном случае так же, как в ситуации 1, при небольшом объеме расходов лучше применять пониженную ставку.

Ситуация 4. Налогоплательщик, применяющий УСН, имеет доход в размере 270 млн руб., а расходы, по которым можно принять НДС к вычету, составляют 240 млн руб.

Решение:

– ставка НДС = 7%:

$$\text{НДС к уплате} = \frac{270 \text{ млн руб.} \times 7\%}{100\%} = 18,9 \text{ млн руб.};$$

– ставка НДС = 20%:

$$\text{НДС к уплате} = \frac{(270 \text{ млн руб.} - 240 \text{ млн руб.}) \times 20\%}{100\%} = 6 \text{ млн руб.}$$

Таким образом, если расходы организации имеют весомое значение, применение общепринятой ставки наиболее приоритетно.

Исходя из приведенных примеров, можно сделать следующие выводы:

1. Применение льготных ставок наиболее выгодно, если:

– суммы облагаемых НДС расходов налогоплательщика по отношению к доходам имеют небольшие размеры;

– контрагенты в подавляющем большинстве являются физическими лицами или освобождены от уплаты НДС.

2. Применение общепринятых ставок НДС наиболее выгодно, если:

– доля принимаемых к вычету затрат имеет высокое значение;

– покупатели осуществляют облагаемую НДС деятельность.

Влияющая на принятие решений о ставке НДС доля материальных и привненных к ним ресурсов находится в диапазоне от 75 до 30% [3. С. 164].

Поскольку налоговое планирование, финансовый анализ и управлеченческий учет играют важную роль в обеспечении эффективности деятельности компаний, а также при минимизации налоговой нагрузки и снижении рисков, разработаем поэтапный алгоритм действий для руководства и финансовых служб организаций, которые столкнулись с перспективой превышения порога в размере 60 млн руб.

1-й этап. Диагностика и стратегическое планирование (задействуется, когда выручка достигает размера 40–50 млн руб.):

- 1) проведение анализа клиентской базы, а именно определение соотношения B2B и B2C клиентов;
- 2) проведение анализа поставщиков с целью определения контрагентов-пательщиков НДС и предварительного расчета доли налогового вычета по НДС;
- 3) определение доли материальных расходов в выручке, расчет показателей рентабельности;
- 4) расчет прироста административных затрат при введении НДС;
- 5) финансовое моделирование – расчет совокупной налоговой нагрузки при вариантах: «гибридная» система (сочетание НДС и УСН), переход на основную систему налогообложения (ОСНО).

2-й этап. Планирование – разработка плана действий в зависимости от выбранной стратегии (при достижении выручки в размере 50–55 млн руб.). Наиболее доступным методом налогового планирования является выбор оптимальной системы налогообложения [2. С. 636]. Могут быть следующие варианты:

- 1) в случае если будет принято решение остаться на «гибридной» системе:
 - провести анализ деятельности и определить, какая ставка НДС будет наиболее подходящей организации – пониженная или основная;
 - разработать график взаимодействия с B2B-клиентами с целью обсуждения пересмотра цен с учетом НДС;
 - определить базу клиентов, особое внимание уделив поэтапному увеличению доли поставщиков-пательщиков НДС для увеличения объема вычетов (при выборе ставки 20%);
 - организовать обучение бухгалтерской службы особенностям ведения учета в связи с налоговой реформой;
 - составить график платежей по НДС;
- 2) в случае если будет принято решение о переходе на ОСНО:
 - до 15 января следующего года необходимо сообщить в налоговые органы о данном решении путем подачи уведомления;
 - провести инвентаризацию активов и анализ кредиторской и дебиторской задолженности;
 - определить метод учета доходов и расходов.

3-й этап. Оперативное реагирование – исполнение законодательных требований и минимизация операционных сбоев (при превышении установленного порога):

- 1) корректное разделение операций, облагаемых и необлагаемых НДС, в процессе ведения бухгалтерского и налогового учета;

2) выставление счетов-фактур или универсальных передаточных документов, ведение книги покупок и книги продаж, своевременная сдача отчетности в налоговые органы.

При переходе на НДС уведомление в налоговые органы не подается, поскольку смена статуса налогоплательщика происходит автоматически.

4-й этап. Мониторинг эффективности выбранной организацией стратегии и своевременное внесение корректировок:

- ежеквартальный расчет фактической налоговой нагрузки, проведение сравнения плановых и фактических финансовых результатов;
- отслеживание доли вычетов по НДС;
- обеспечение корректного оформления первичных документов и регистров, регулярная проверка на предмет соответствия требованиям законодательства;
- оценка изменения поведения контрагентов;
- пересмотр ценовой политики (при необходимости).

Выводы. Таким образом, эффективность деятельности и уровень экономических показателей налогоплательщиков зависит от совокупности факторов. В данном вопросе комплексный подход к проведению анализа и выбору стратегии имеет очень важное значение. При выборе ставки должное внимание необходимо уделить целесообразности применения вычетов НДС и их соответствие критериям безопасности. В случае если «входной» НДС имеет невысокое значение, наиболее выгодно будет применять льготные ставки.

Разработанные подходы и алгоритмы могут быть использованы в деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей при организации учетной системы в результате налоговой реформы.

Литература

1. Андреева С.А., Рей А.Д., Воронина Т.С. Проблемы исчисления и уплаты налога на добавленную стоимость: проблемы и перспективы налоговой политики России // Вестник науки. 2025. № 4. С. 235–240.
2. Бочарова О.Ф., Ильенко В.А., Горулько Ю.А. Налоговое планирование как метод оптимизации налоговых платежей // ЕГИ. 2025. №3. С. 634–639.
3. Вылкова Е.С. Обоснование выбора ставки НДС налогоплательщиками упрощенной системы налогообложения // Экономика. Налоги. Право. 2025. №1. С. 159–166.
4. Зотиков Н.З. Налог на добавленную стоимость при упрощенной системе налогообложения: последствия для бизнеса и бюджета // Вестник университета. 2025. № 1. С. 201–211.
5. Пивоварова Н.В., Стеба Н.Д. Специальные налоговые режимы как инструмент развития и ограничений для бизнеса // ЕГИ. 2025. № 3. С. 676–682.

ВАСИЛЬЕВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и электронного бизнеса, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tanya-7878@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5667-6351>).

МАСЛОВА АННА ВАСИЛЬЕВНА – магистрантка экономического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (maslova-anна-2002@mail.ru).

Tatyana Yu. VASILYEVA, Anna V. MASLOVA

VALUE ADDED TAX UNDER THE SIMPLIFIED TAXATION SYSTEM: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Key words: special tax regime, simplified taxation system, value added tax, value added tax deductions, tax rate, exemption from value added tax.

Ensuring financial efficiency and legality of activities and maintaining reliable accounting records in accordance with legal requirements are among the priorities for a business entity. An important role in their solution is played by the theoretical analysis of tax reforms and their practical implementation in accounting.

The purpose of the study is to identify and systematize the features of value added tax in applying a simplified taxation system and to determine the optimal approaches to organization of the accounting system.

Materials and methods. The main sources of information are regulatory legal acts and publications in the field of accounting and taxation. Comparative and analytical methods were used in the course of the study.

Results. An analysis was conducted of the tax reform that imposes a value added tax obligation on taxpayers under the simplified taxation system who exceed the established limits. A comprehensive algorithm of management decisions was developed, consisting of the stages of diagnosis, planning and adaptation of the accounting system. The factors influencing the choice of the optimal tax regime are determined, such as cost structure, customer base and the possibility of applying tax deductions. The developed recommendations make it possible to systematize accounting, optimize the tax burden and reduce costs when changing the tax system.

Conclusions. The conducted research demonstrates that taxpayers in 2025 faced the challenge of choosing between maintaining a "hybrid" status under a simplified taxation system with the obligation to pay value-added tax and switching to a common taxation system. The developed algorithm of actions makes it possible to adapt step-by-step while minimizing risks, regardless of the chosen tax regime and assessing the tax consequences of each scenario, taking into account individual parameters – cost structure, customer base and the share of "input" value-added tax.

References

1. Andreeva S.A., Reu A.D., Voronina T.S. *Problemy ischisleniya i uplaty naloga na do-bavlennyu stoimost': problemy i perspektivy nalogovoi politiki Rossii* [Issues in the Calculation and Payment of Value Added Tax: Challenges and Prospects for Russia's Tax Policy]. *Vestnik nauki*, 2025, no. 4, pp. 235–240.
2. Bocharova O.F., Ilenko V.A., Gorulko Yu.A. *Nalogovoe planirovanie kak metod optimizatsii nalogovykh platezhei* [Tax planning as a method of optimizing tax payments]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, 2025, no. 3, pp. 634–639.
3. Vylkova E.S. *Obosnovanie vybora stavki NDS nalogoplatezhchikami uproshchennoi sistemy nalogoblozhenia* [Justification of the Choice of the VAT Rate by Taxpayers of the Simplified Taxation System]. *Ekonomika. Nalogi. Prav*, 2025, no. 1, pp. 159–166.
4. Zotikov N.Z. *Nalog na dobavленную стоимость при упрощенной системе налогообложения: последствия для бизнеса и бюджета* [Value added tax under the simplified taxation system: consequences for business and budget]. *Vestnik universiteta*, 2025, no. 1, pp. 201–211.
5. Pivovarova N.V., Steba N.D. *Spetsialnye nalogovye rezhimy kak instrument razvitiia i ogranicenii dlja biznesa* [Special tax regimes as a tool for business development and restriction]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya*, 2025, no. 3, pp. 676–682.

TATYANA Yu. VASILYEVA – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Department of Accounting and Electronic Business, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (tanya-7878@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5667-6351>).

ANNA V. MASLOVA – Master's Program Student, Economics Faculty, Chuvash State University, Cheboksary, Russia (maslova-anna-2002@mail.ru).

Формат цитирования: Васильева Т.Ю., Маслова А.В. Налог на добавленную стоимость при упрощенной системе налогообложения: теоретические и практические аспекты [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 17–24. URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2025/4/2>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-17-24.

УДК 332.1(470.344):[004.9:336.563.1]
ББК У9(2Рос.Чув)+А623:У261.54

Т.В. МИТРОФАНОВА, А.В. ХРИСТОФОРОВА

ТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ГРАНТОВЫХ ПРОЕКТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНА

Ключевые слова: социальные системы, анализ грантовых проектов, Чувашская Республика, тематическое моделирование, LDA, BERTopic, управление развитием, обработка естественного языка (NLP).

Управление социальным развитием региона в условиях цифровизации требует эффективных аналитических инструментов и точных рейтинговых систем. В качестве одного из таких инструментов может выступать тематическое моделирование, которое позволяет проводить автоматическое обобщение и структуризацию больших текстовых массивов. Статья посвящена применению методов тематического моделирования для анализа грантовых проектов в Чувашской Республике. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа тематик грантовых проектов для определения ключевых направлений общественно значимой деятельности и их соответствия региональным стратегическим целям.

Цель исследования – выявление ключевых тематических направлений поддержанных грантовых проектов с использованием методов тематического моделирования (LDA и BERTopic) для повышения эффективности управления социальным развитием региона.

Материалы и методы. Для анализа использовался датасет, содержащий описания проектов-победителей грантовых конкурсов в Чувашской Республике за 2023–2025 годы. Тексты прошли предобработку, включая очистку от стоп-слов, нормализацию и лемматизацию с использованием библиотеки Stanza. Методы LDA и BERTopic были применены для выявления тематических кластеров, а визуализация результатов выполнена с помощью библиотеки pyLDAvis.

Результаты. В результате анализа выявлено пять основных тематических направлений: поддержка и социальная помощь уязвимым группам населения, спортивные и масовые мероприятия, развитие и здоровье детей, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, обучение и развитие молодежи, психологическая и социальная поддержка участников программ. Выявлены ключевые направления развития региона, что позволяет повысить эффективность стратегического планирования грантовой поддержки будущих заявок. Исследование подтвердило, что темы имеют высокую степень соответствия целям Стратегии развития Чувашской Республики до 2035 г. и федеральным национальным проектам. Результаты проведенного исследования могут быть использованы грантодателями для изменения и адаптации конкурсных условий и критериев оценки, а также для введения новых актуальных запросов направлений. Кроме того, организации могут применять результаты исследования для подготовки более релевантных заявок, отвечающих актуальным социальным потребностям региона.

Выводы. Выявлено пять ключевых направлений грантовой поддержки в Чувашской Республике, что предоставляет органам управления объективную и структурированную основу для корректировки региональной политики и оценки результативности механизмов ресурсного распределения. Исследование подтвердило высокую эффективность применения методов тематического моделирования для анализа корпуса текстовых описаний грантовых проектов. Выявленные авторами с помощью методов LDA и BERTopic тематические направления поддержки грантов в Чувашской Республике за 2023–2025 гг. соответствуют целям, заявленным в стратегических региональных документах. Результаты работы могут служить основой для совершенствования конкурсных механизмов грантовой поддержки в области управления социальным развитием региона.

Введение. Существующий разрыв между номинальными целями региональной стратегии и фактическим распределением ресурсов на микроуровне создает системную методологическую проблему в управленческом цикле. Традиционные подходы к мониторингу, базирующиеся на агрегированных статистических показателях, не позволяют осуществить содержательный анализ качественных параметров развития, выраженных в текстовых массивах проектной документации. Возникает необходимость в инструментарии, способном обеспечить верифицируемое соотнесение дискретных инициатив некоммерческого сектора со стратегическими ориентирами территориального развития. Отсутствие формализованных процедур для выявления латентных тематических структур в корпусе поддерживаемых проектов ограничивает возможность корректной оценки результативности таких механизмов региональной политики, как грантовая поддержка.

Разрешение указанной методологической проблемы лежит в плоскости применения алгоритмов обработки естественного языка к анализу проектных заявок. Получаемая тематическая модель позволяет не только верифицировать степень соответствия реализуемых проектов стратегическим приоритетам, но и идентифицировать латентные диспропорции в распределении ресурсов между различными направлениями развития.

Таким образом, разработка и апробация специализированного методического инструментария для контент-анализа документов регионального развития являются актуальными с точки зрения решения фундаментальной задачи региональной экономики – создания релевантных механизмов обратной связи между стратегическим планированием и практикой ресурсного распределения на субнациональном уровне. Полученная тематическая карта позволит органам власти не только констатировать текущие приоритеты некоммерческого сектора, но и выявлять стратегически важные для экономики региона направления, оказавшиеся на периферии грантовой активности, и целенаправленно стимулировать подачу заявок по данным темам через адаптацию конкурсных условий.

Современные методы анализа текстов, основанные на алгоритмах обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP), находят все большее применение в различных прикладных задачах, включая анализ содержательных направлений грантовой и проектной деятельности. Одним из эффективных инструментов является тематическое моделирование, позволяющее выявлять скрытые смысловые структуры в корпусах текстов. Это особенно актуально в контексте анализа грантовых заявок, где тексты проектов отражают приоритеты и направления общественно значимой деятельности.

Методы тематического моделирования находят широкое применение в социальных науках, предоставляя мощные инструменты для анализа больших текстовых коллекций и извлечения значимой информации [6]. Латентное размещение Дирихле, являющееся одним из наиболее распространенных методов тематического моделирования, направлено на выявление скрытых тем в наборе документов на основе анализируемых слов [7, 8]. Этот подход основывается на принципе, согласно которому каждый документ представляет собой

смесь тем, а каждая тема, в свою очередь, является распределением слов [9]. Как неконтролируемый метод, LDA автоматически выявляет и маркирует темы в больших текстовых наборах, не требуя предварительной аннотации данных [10]. Тематическое моделирование ориентировано на анализ текстов с целью выявления значений терминов в их контексте на естественном языке [11]. Таким образом, скрытое распределение Дирихле позволяет моделировать документ как комбинацию скрытых тем.

Более поздняя разработка BERTopic использует возможности языковых моделей на основе transformer, таких как BERT, для создания плотных вложений документов, а затем применяет методы кластеризации для определения тем. BERTopic – это подход к моделированию тем, который использует языковые модели на основе трансформаторов для получения плотных вкраплений документов, которые впоследствии кластеризуются для поиска тем. Этот подход, по сравнению с традиционными методами, часто приводит к получению более связных и интерпретируемых тем.

В сфере исследований психического здоровья методы тематического моделирования используются для выявления преобладающих тем в материалах о психическом здоровье [12]. Например, исследователи использовали LDA для анализа онлайн-форумов, посвященных психическому здоровью, выявляя такие темы, как тревога, депрессия и суицидальные мысли. Применение тематического моделирования распространяется и на другие области, включая политологию, медиаисследования и социологию, предлагая ценное понимание сложных социальных явлений [1].

Тематическое моделирование может выявлять скрытые закономерности и доминирующие темы в текстовых данных, связанных с предложениями о грантах и отчетами по проектам, предоставляя информацию, которая может быть неочевидна при традиционном статистическом анализе или проверке вручную [13]. Такой подход позволяет проводить всестороннюю оценку деятельности по предоставлению грантов на основе данных, способствуя более обоснованному и стратегическому распределению ресурсов в будущем.

Оценка социально-экономического развития такого региона, как Чувашская Республика, требует детального подхода, учитывавшего различные взаимосвязанные факторы [14]. Анализ грантовых проектов дает ценное представление о приоритетах развития и стратегиях распределения ресурсов в регионе. Система распределения грантов ведущим грантовым оператором России – Фондом президентских грантов анализируется в работах [2-4].

Способность эффективно интерпретировать и использовать огромные объемы информации стала критически важным фактором, определяющим стратегическое преимущество и операционную эффективность, и в этом контексте тематическое моделирование и кластеризация становятся мощными аналитическими инструментами, способными превратить необработанные данные в действенные знания, способствующие принятию более обоснованных и эффективных управлеченческих решений.

Тематическое моделирование – набор алгоритмов, предназначенных для выявления тематической структуры, лежащей в основе коллекции документов, –

является мощным средством обобщения и понимания больших объемов текстовых данных [15].

Латентное распределение Дирихле [16], широко используемый метод моделирования тем, предполагает, что каждый документ представляет собой смесь нескольких тем и что каждая тема характеризуется распределением по словам. Этот подход позволяет менеджерам автоматически определять ключевые темы и подтемы, присутствующие в их данных, предлагая ценные сведения о предпочтениях клиентов, рыночных тенденциях и конкурентной среде.

Цель исследования – выявление ключевых содержательных направлений поддержанных проектов на основе автоматизированного анализа текстов с использованием инструментов NLP и тематического моделирования.

Материалы и методы. Объектом исследования выступает корпус текстовых описаний проектов-победителей грантовых конкурсов для некоммерческих организаций, реализуемых на территории Чувашской Республики в период 2023–2025 гг. Эмпирическую базу исследования составили данные, сформированные на основе информации, размещенной в открытом доступе на официальном портале Фонда президентских грантов¹. На основе этих данных был подготовлен датасет общим объемом 35 поддержанных проектов, включающий информацию о названии проекта, его кратком описании, где проведения, размере поддержки и тематике (табл. 1).

Таблица 1
Основные поля датасета

Поле	Описание
Название проекта	Полное название поддержанного проекта
Организация	Организация, получившая финансирование
Сумма гранта	Размер предоставленного гранта в рублях
Год	Год проведения конкурса (2023, 2024, 2025)
Тематика	Тематическое направление проекта
Краткое описание	Краткое описание содержания проекта

Для анализа текстов использовались методы обработки естественного языка, включая очистку текстов от стоп-слов и пунктуации, нормализацию (приведение к нижнему регистру), векторизацию с помощью CountVectorizer.

Для лингвистической нормализации текстов использовалась лемматизация с применением библиотеки Stanza, разработанная Стэнфордским университетом. Выбор был обусловлен тем, что, в отличие от простых словарных подходов ruymorphy2, Mystem, Stanza использует обученные нейросетевые модели, демонстрирующие более высокую точность в разрешении морфологических амбиграмм, особенно в контексте социальных и проектных текстов.

Тематическое моделирование проводилось на основе комбинированного подхода, сочетающего классический метод LDA и современный нейросетевой подход BERTopic. Такой синтез методов позволил максимально полно выявить

¹ Фонд президентских грантов: сайт. URL: <https://президентскиегранты.рф> (дата обращения: 16.05.2025).

тематическую структуру описаний грантовых проектов. LDA был выбран благодаря своей прозрачности, хорошей интерпретируемости результатов и удобству визуализации с использованием pyLDAvis. В то же время BERTopic, основанный на трансформерных моделях, обеспечивает более глубокий семантический анализ и лучше учитывает контекстные взаимосвязи между словами.

Результаты исследования. В результате тематического моделирования было выявлено пять основных тем, каждая из которых характеризуется набором ключевых слов, отражающих содержание соответствующей группы проектов (табл. 2).

Таблица 2
Выявленные темы в результате использования метода LDA

Тема	Ключевые слова	Интерпретация
Поддержка и социальная помощь	Помощь, ребенок, центр, республика, инвалид, регион	Тема связана с социальной поддержкой уязвимых групп населения, особенно детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) или инвалидностью. Упоминаются такие аспекты, как помощь на уровне региона (Чувашия), участие центров реабилитации и комплексного сопровождения. Особое внимание уделяется значимости региональных программ и межведомственных коалиций
Спортивные и массовые мероприятия	Спортивный, мероприятие, чувашский, школьник, проведение, участие	Содержание темы составляют спортивные и образовательные мероприятия, направленные на привлечение школьников, студентов и других групп населения. Основное внимание уделяется проведению мероприятий в рамках республиканских программ, таких как спортивные соревнования, форумы или тренинги. Выявлена связь с популяризацией здорового образа жизни и вовлечением молодежи
Дети, развитие и здоровье	Ребенок, занятие, спорт, развитие, родитель, ОВЗ, здоровье	Тема посвящена развитию детей, особенно тех, кто имеет ограничения по здоровью (ОВЗ). Основное внимание уделяется занятиям, направленным на улучшение физического и психического здоровья, а также на поддержку родителей. Обсуждаются адаптированные программы для детей с расстройствами аутистического спектра (PAC) и другие формы реабилитации
Молодежь и обучение	Молодой, проведение, развитие, обучение, ребенок, помощь, взрослый	Тема связана с обучением и развитием молодых людей, включая подростков и молодых взрослых. Обсуждаются вопросы профессионального роста, подготовки к самостоятельной жизни и предоставления возможностей для обучения, а также затрагиваются аспекты помощи молодым людям с ОВЗ
Психологическая и социальная поддержка	Человек, участник, поддержка, жизнь, психологический, физический, социальный	Тема затрагивает аспекты психологической и социальной поддержки участников различных программ. Основное внимание уделяется улучшению качества жизни через физические и психологические практики. Упоминаются групповые занятия, консультации и другие формы работы с участниками проектов

Визуализация результатов тематического моделирования с использованием библиотеки pyLDAvis позволила более детально интерпретировать структуру полученных тем и их взаимосвязи (рис. 1). На карте межтематических расстояний

(Intertopic Distance Map) каждая тема представлена в виде круга, площадь которого пропорциональна доле соответствующей темы в корпусе текстов.

Было выявлено пять основных тем, различающихся по объему и степени взаимосвязи. Темы 1 и 3 частично пересекаются, что свидетельствует о наличии общих лексических маркеров, отражающих родственные направления в описаниях проектов. Тема 2 располагается в непосредственной близости к этим кластерам, демонстрируя тематическую сопряженность при сохранении собственной семантической автономии. Тема 4 находится ближе к теме 1, что может свидетельствовать о пересечении отдельных аспектов содержания. Тема 5 выделяется наиболее отчетливо, занимая изолированное положение на карте, что указывает на ее семантическую уникальность и тематическую специфичность (рис. 1).

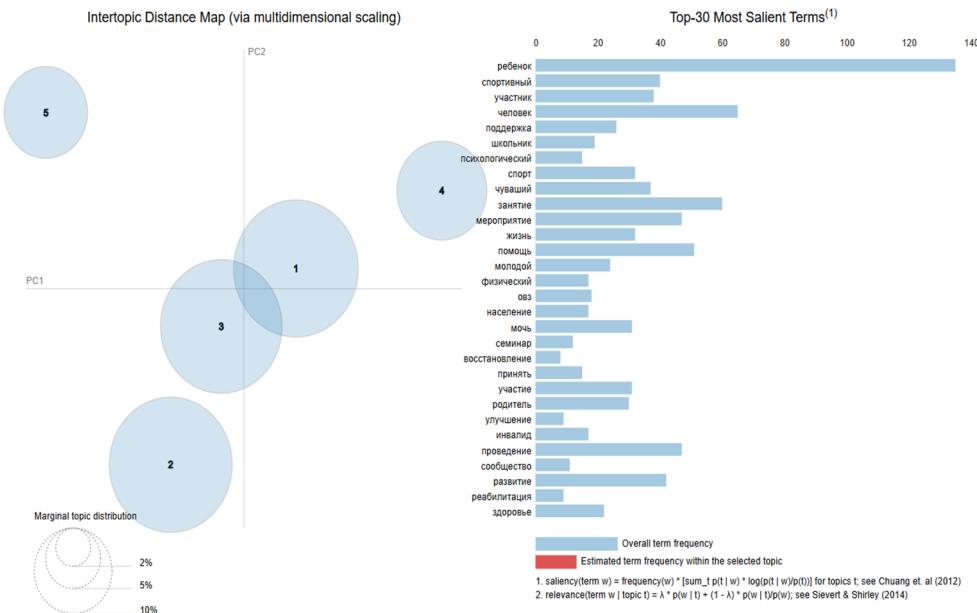

Рис. 1. Визуализация результатов тематического моделирования LDA:
1 – поддержка и социальная помощь; 2 – спортивные и массовые мероприятия;
3 – дети, развитие и здоровье; 4 – молодежь и обучение;
5 – психологическая и социальная поддержка

На правой панели (рис. 1) визуализированы 30 наиболее значимых (salient) терминов, определенных с учетом их частоты и различимости между темами. К числу ключевых слов, характеризующих корпус в целом, относятся: «ребенок», «человек», «спорт», «здравье», «поддержка», «участник», «ОВЗ», «психологический», «семинар», «реабилитация», «восстановление», что подтверждает ориентированность проектов преимущественно на социальную, оздоровительную и инклюзивную повестку.

Для углубленного анализа тематической структуры был дополнительно применен метод BERTopic, основанный на трансформерных языковых моделях (рис. 2). Темы, выделенные в результате моделирования BERTopic, обладают интерпретируемостью и логической связностью. Повторяющееся слово «проект» отражает специфику корпуса, ориентированного на описание инициатив.

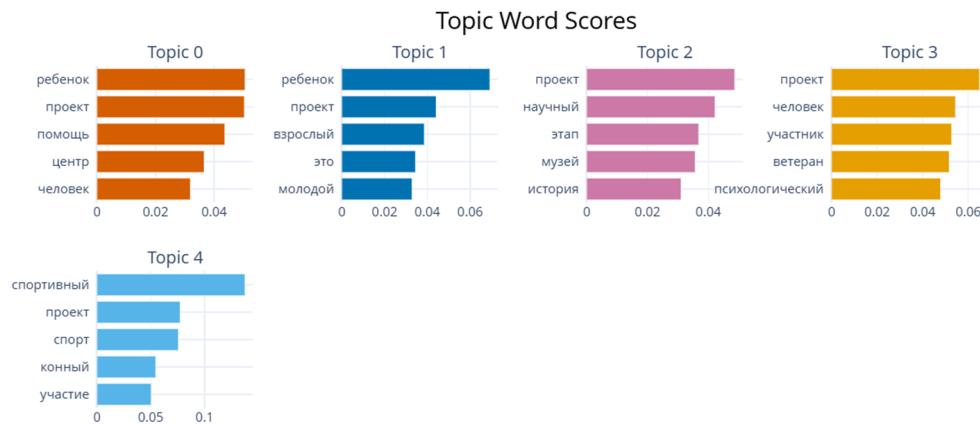

Рис. 2. Визуализация результатов тематического моделирования BERTopic

Сравнение результатов, полученных с помощью LDA и BERTopic, показало как совпадения, так и различия в структуре тематических кластеров (табл. 3).

Таблица 3
Сопоставление результатов тематического моделирования методами LDA и BERTopic

Тематика	Ключевые слова LDA	Ключевые слова BERTopic
Социальная помощь и поддержка	Помощь, ребенок, центр, инвалид, регион	Ребенок, проект, помощь, центр, человек
Спортивные и массовые мероприятия	Спортивный, мероприятие, школьник, участие	Спортивный, спорт, проект, участие
Развитие и здоровье детей	Ребенок, занятие, спорт, развитие, здоровье	Ребенок, здоровье, развитие
Молодежь и обучение	Молодой, развитие, обучение, помощь	Проект, взрослый, молодой
Психологическая и социальная поддержка	Человек, участник, поддержка, жизнь, психологический	Участник, ветеран, психологический, человек

Таким образом, тематическое моделирование позволило структурировать содержательное пространство грантовых проектов и выделить доминирующие направления, что дает основание говорить о приоритетах региональной поддержки в социальной сфере.

Для повышения надежности результатов тематического моделирования текстов описаний социальных проектов были применены два метода – BERTopic и LDA. Оба алгоритма позволили выявить релевантные тематические кластеры, однако в силу различий в подходах к построению тем наблюдаются как совпадения, так и расхождения.

Совпадающие темы включают социальную помощь и поддержку. В BERTopic это тема с ключевыми словами «ребенок», «помощь», «проект», «центр», а в LDA – тема «Поддержка и социальная помощь» с ключевыми словами «ребенок», «инвалид», «центр», «регион». Интерпретация идентична – оказание социальной поддержки уязвимым категориям, в первую очередь

детям с ОВЗ. Еще одно совпадение касается темы спорта и мероприятий. В BERTopic присутствует тема с ключевыми словами «спортивный», «спорт», «проект», а в LDA – «спортивные и массовые мероприятия». Оба подхода фиксируют активное участие детей и молодежи в спортивной и просветительской активности. Кроме того, при применении моделей BERTopic и LDA была зафиксирована конвергенция результатов, выражаясь в выделении темы, связанной с детским развитием, физическим и психологическим здоровьем. Анализ показывает терминологическое перекрытие, включающее лексемы «ребенок», «здравье», «развитие», «занятие», «ОВЗ».

Наблюдаемые расхождения заключаются в следующем: с помощью BERTopic удалось достичь более отчетливого тематического разделения между кластерами «ветераны и участники» и «научные проекты». В то же время при использовании LDA основной акцент смешен в сторону вопросов обучения молодежи и психологической поддержки. Тематические кластеры, полученные по результатам LDA, интерпретируются как более обобщенные категории, такие как «молодежь и обучение» и «психологическая поддержка», тогда как на основе BERTopic были сформированы более сжатые, но конкретные лексические ядра.

Проведенный анализ позволил установить, что ключевые темы описаний социальных проектов коррелируют с целевыми ориентирами Стратегии развития Чувашской Республики до 2035 г. (далее – Стратегия) [5]. Выявленная проблематика – развитие человеческого капитала, укрепление социальной сплоченности и создание условий для активного долголетия – непосредственно соответствует формулировкам цели 4 «Развитие человеческого капитала и социальной сферы в Чувашской Республике. Повышение уровня и качества жизни населения» указанного документа (табл. 4).

Таблица 4

Социальные задачи и тематика проектов

Задачи социального развития Чувашии	Проектные акценты
Задача 4.1. Демографическое развитие, улучшение здоровья населения и поддержание его долголетней активной жизни	Акцент на оздоровительных, профилактических, спортивных проектах и проектах реабилитации
Задача 4.3. Создание конкурентоспособного образования, кадровое обеспечение реального сектора экономики и приоритетные направления работы с молодежью	Проекты, связанные с обучением, занятиями для школьников, молодежными инициативами и дополнительным образованием
Задача 4.5. Развитие социальной защиты населения	Тематика поддержки инвалидов, семей с детьми, пожилых людей, оказание помощи в трудной жизненной ситуации
Задача 4.7. Развитие культуры, укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Чувашской Республики	Темы патриотического воспитания, региональной идентичности и сохранения культурного наследия
Задача 4.9. Развитие физической культуры и спорта	Проекты, направленные на расширение доступа населения к спорту, особенно в детской и школьной среде

Проведенный тематический анализ позволяет утверждать, что тематика поддержанных проектов соответствует стратегическим ориентирам региона в социальной политике.

Результаты исследования свидетельствуют также и об ограниченности тематического спектра грантовых проектов в аспекте отражения в них полного перечня стратегических целей развития Чувашской Республики. Так, например, некоторые направления, закрепленные в Стратегии, практически не нашли отражения в грантовой активности.

В корпусе проектов отсутствуют инициативы, напрямую связанные с первой целью Стратегии, касающейся роста конкурентоспособности экономики, а именно: развитие высокотехнологичных производств и ИТ-кластера и создание инфраструктуры для инноваций. Кроме того, не представлены проекты, направленные на достижение цели совершенствования институциональной среды (привлечение инвестиций, улучшение предпринимательского климата), а также на реализацию пятой цели Стратегии, касающейся сбалансированного пространственного развития территорий. Тематический анализ не выявил в массиве поддержанных проектов, ориентированных на развитие туристической отрасли. Выявление стратегических направлений, не представленных в тематике грантов, демонстрирует, что тематическое моделирование является не просто инструментом классификации, а аналитическим ресурсом для диагностики дисбалансов в распределении ресурсов. Полученные результаты указывают на то, что механизм грантовой поддержки в его текущем виде не в полной мере задействован для стимулирования проектов, которые напрямую ориентированы на диверсификацию и рост конкурентоспособности региональной экономики.

Приоритетные темы поддержанных проектов грантов также согласуются с целями таких национальных проектов, как «Демография» (развитие здравоохранения, поддержка семей с детьми), «Образование» (дополнительное образование, развитие профессиональных навыков молодежи), «Культура» (сохранение историко-культурного наследия, развитие культурной идентичности), «Спорт – норма жизни» (популяризация массового спорта среди детей и молодежи). Такое соответствие усиливает стратегическую значимость выявленных направлений проектной деятельности и подтверждает эффективность региональных инициатив в контексте общенациональных задач.

Полученные результаты тематического моделирования могут быть использованы для динамической адаптации грантовых программ под изменяющиеся социальные потребности региона. Регулярный анализ тематики проектов позволит выявлять новые приоритеты и тренды в гражданских инициативах, оперативно реагировать на социальные вызовы. Это даст возможность органам власти и операторам грантов обновлять условия конкурсов, вводить специальные грантовые направления и корректировать критерии оценки заявок в соответствии с актуальной социальной повесткой.

Выводы. Выявлены пять основных тематических направлений, которые отражают ключевые приоритеты региональной поддержки: это социальная помощь, развитие и поддержка детей и молодежи, вопросы здоровья и инклюзии, а также просветительская и образовательная деятельность. Данная типологизация предоставляет органам управления объективную и структурированную основу для корректировки региональной политики и оценки результативности механизмов ресурсного распределения. Установлено, что тематики проектов

соответствуют целям Стратегии социально-экономического развития Чувашской Республики до 2035 г. Это свидетельствует о целенаправленном и эффективном использовании грантовых механизмов для решения стратегических задач региона.

Проведенное исследование подтвердило высокую эффективность применения комбинации методов тематического моделирования, таких как LDA и BERTopic, для анализа содержания грантовых проектов, реализованных в Чувашской Республике в 2023–2025 гг. Метод LDA обеспечил ясную интерпретацию тем, а метод BERTopic раскрыл дополнительные семантические аспекты грантовых тематик.

Результаты исследования обладают практической значимостью как для грантодавающих организаций, осуществляющих экспертизу проектов, так и для некоммерческих структур, планирующих участие в конкурсах. На основе выявленных тематических дисбалансов могут быть разработаны целевые меры управленческого воздействия, например, установление специальных номинаций, повышающих коэффициентов для заявок, соответствующих «непокрытым» стратегическим задачам экономического развития, а также проведение информационных кампаний для привлечения организаций из соответствующих секторов. Это позволит перейти от пассивной модели грантовой поддержки, адаптирующейся к сложившимся запросам, к активной модели, выступающей в роли катализатора структурных преобразований в экономике региона в соответствии со стратегическими приоритетами.

Кроме того, работа формирует методологическую основу для дальнейших научных изысканий. В будущем планируется расширение исследования за счет увеличения объема данных, применения дополнительных методов обработки естественного языка (например, анализа тональности) и изучения взаимосвязей между тематикой проектов и их социально-экономическими результатами.

Литература

1. Методы анализа письменной коммуникации скулштеров для прогнозирования предупреждающего поведения / А.О. Савельев, А.Ю. Карпова, Д.А. Третьяков, Н.Г. Максимова // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2024): труды Семнадцатой междунар. конф., 24–26 сентября 2024 г. / под общ. ред. С.Н. Васильева, А.Д. Цвиркуна; Ин-т проблем упр. им. В.А. Трапезникова Рос. акад. наук. М.: ИПУ РАН, 2024. С. 1399–1405.
2. Смирнов В.А. Эффективность грантовой поддержки российских социально-ориентированных некоммерческих организаций (на примере Фонда президентских грантов) // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 79–89.
3. Старшинова А.В., Бородкина О.И. Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 5. С. 221–236.
4. Тарасова А.Н., Ижик А.В. Грантовая поддержка проектов социально ориентированных некоммерческих организаций Свердловской области // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 78–85.
5. Стратегия развития Чувашской Республики до 2035 года [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития и имущественных отношений Чувашской Республики: офиц. сайт. URL: <https://minec.cap.ru/action/activity/soc-econom-razvitiie/strategiya-socialjno-ekonomicheskogo-razvitiya-chu/strategiya-socialjno-ekonomicheskogo-razvitiya-chu> (дата обращения: 16.02.2025).
6. Egger R., Yu J. A Topic Modeling Comparison Between LDA, NMF, Top2Vec, and BERTopic to Demystify Twitter Posts. *Frontiers in Sociology*, 2022, vol. 7, 886498. DOI: 10.3389/fsoc.2022.886498.

7. Ghanem R., Erbay H. Context-dependent model for spam detection on social networks. *SN Applied Sciences*, 2020, vol. 2, 1587. DOI: 10.1007/s42452-020-03374-x.
8. Lancichinetti A., Sicer M.I., Wang J.X. et al. A high-reproducibility and high-accuracy method for automated topic classification. ArXiv. 2014. arXiv: 1402.0422. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1402.0422.pdf>.
9. Sangaraju V.R., Bolla B.K., Nayak D.K., Kh J. Topic Modelling on Consumer Financial Protection Bureau Data: An Approach Using BERT Based Embeddings. ArXiv. 2022. arXiv:2205.07259. Available at: <https://arxiv.org/abs/2205.07259>.
10. Wang L., Miloslavsky E., Stone J.H. et al. Topic modeling to characterize the natural history of ANCA-Associated vasculitis from clinical notes: A proof of concept study. *Seminars in Arthritis and Rheumatism*, 2021, vol. 51, no. 1, pp. 150–157.
11. Bellaouar S., Bellaouar M.M., Ghada I.E. Topic Modeling: Comparison of LSA and LDA on Scientific Publications. In: Proc. of the 4th International Conference on Data Storage and Data Engineering (DSDE'21). New York, Association for Computing Machinery, 2021, pp. 59–64. DOI: 10.1145/3456146.3456156.
12. Gao X., Sazara C. Discovering Mental Health Research Topics with Topic Modeling. ArXiv. 2023. arXiv:2308.13569. Available at: <https://arxiv.org/abs/2308.13569>.
13. Tohalino J.A.V., Quispe L.V.C., Amancio D.R. Analyzing the relationship between text features and grants productivity. *Scientometrics*, 2021, vol. 126, pp. 4255–4275.
14. Gorbunova P., Denisov G., Perfilova E., Zakharova A. Assessment of the socio-economic development of the region (on the example of the Chuvash Republic). *SHS Web of Conferences*, 2021, vol. 110, 01027. DOI: 10.1051/shsconf/202111001027.
15. Knorr K., Hein-Pensel F. Since Albert and Whetten: the dissemination of Albert and Whetten's conceptualization of organizational identity. *Management Review Quarterly*, 2024, vol. 74, pp. 597–625.
16. Oprea S.-V., Bâra A. Is Artificial Intelligence a Game-Changer in Steering E-Business into the Future? Uncovering Latent Topics with Probabilistic Generative Models. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, 2025, vol. 20, no. 1, 16. DOI: 10.3390/jtaer20010016.

МИТРОФАНОВА ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического и аппаратного обеспечения информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mitrofanova_tv@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5750-7991>).

ХРИСТОФОРОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического и аппаратного обеспечения информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kristofav@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3534-8747>).

Tatiana V. MITROFANOVA, Anastasiia V. KHRISTOFOROVA

THEMATIC MODELING OF GRANT PROJECTS AS A TOOL FOR MANAGING THE SOCIAL DEVELOPMENT OF A REGION

Key words: social systems, grant project analysis, the Chuvash Republic, thematic modeling, LDA, BERTopic, development management, natural language processing (NLP).

Managing the social development of a region in the context of digitalization requires effective analytical tools and accurate rating systems. One of these tools can be thematic modeling, which enables to carry out automatic generalization and structuring of large text arrays. The article is devoted to applying thematic modeling methods for the analysis of grant projects in the Chuvash Republic. The relevance of the research is due to the need to analyze the topics of grant projects in order to identify key areas of socially significant activities and their compliance with regional strategic goals.

The purpose of the study is to identify the key thematic areas of supported grant projects using thematic modeling methods (LDA and BERTopic) to improve the effectiveness of managing the social development of the region.

Materials and methods. For the analysis, a dataset containing descriptions of the winning projects of grant competitions in the Chuvash Republic for 2023–2025 was used. The texts were pre-processed, including purification from stop words, normalization and lemmatization using the Stanza library. The LDA and BERTopic methods were applied to identify thematic clusters, and visualization of the results was performed using the pyLDAvis library.

Results. As a result of the analysis, five main thematic areas were identified: support and social assistance to vulnerable groups of the population, sports and mass events, development and health of children, including those with disabilities, education and youth development, psychological and social support for program participants. The key directions of the region's development were identified, which makes it possible to increase the effectiveness of strategic planning for grant support for future applications. The study confirmed that the topics have a high degree of compliance with the goals of the Development Strategy of the Chuvash Republic until 2035 and federal national projects. The results of the conducted research can be used by grant-givers to change and adapt the competitive conditions and evaluation criteria, as well as to introduce new relevant research areas. In addition, organizations can apply the results of the study to prepare more relevant applications that meet current social needs of the region.

Conclusions. Five key areas of grant support in the Chuvash Republic were identified, which provides the governing bodies with an objective and structured basis for adjusting regional policy and evaluating the effectiveness of resource allocation mechanisms. The study confirmed high efficiency of using thematic modeling methods to analyze the corpus of text descriptions of grant projects. The thematic areas of grant support in the Chuvash Republic in 2023–2025 identified by the authors using LDA and BERTopic methods correspond to the goals stated in the strategic regional documents. The results of the work can serve as a basis for improving competitive grant support mechanisms in the field of managing the social development of the region.

References

1. Savel'ev A.O., Karpova A.Yu., Tret'yakov D.A., Maksimova N.G. *Metody analiza pis'mennoi kommunikatsii skulshuterov dlya prognozirovaniya preduprezhdayushchego povedeniya* [Methods for analyzing written communication of school shooters to predict warning behavior]. In: Vasil'eva S.N., Tsvirkuna A.D., ed. *Upravlenie razvitiem krupnomasshtabnykh sistem (MLSD'2024): trudy Semnadtsatoi mezhdunarodnoi konferentsii* [Proc. of 17th Int. Sci. Conf. "Management of Large-Scale Systems Development (MLAD'2024)"]. Moscow, 2024, pp. 1399–1405.
2. Smirnov V.A. *Efektivnost' grantovoi podderzhki rossiiskikh sotsial'no-orientirovannykh nekommerseskikh organizatsii (na primere Fonda prezidentskikh grantov)* [The Effectiveness of Grant Support for Russian Socially-Oriented Non-Profit Organizations (Based on the Example of the Presidential Grants Fund)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020, no. 9, pp. 79–89.
3. Starshinova A.V., Borodkina O.I. *Strategii ustoichivosti sotsial'no orientirovannykh NKO: mehanizm grantovoi podderzhki* [Sustainability Strategies for Socially Oriented Non-Profit Organizations: A Grant Support Mechanism]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, progonoz*, 2022, no. 5, pp. 221–236.
4. Tarasova A.N., Izhik A.V. *Grantovaya podderzhka proektorov sotsial'no orientirovannykh nekommerseskikh organizatsii Sverdlovskoi oblasti* [Grant support for projects of socially oriented non-profit organizations in the Sverdlovsk region]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2021, no. 11, pp. 78–85.
5. *Strategiya razvitiya Chuvashskoi Respubliki do 2035 goda* [Development Strategy of the Chuvash Republic until 2035]. Available at: [https://minec.cap.ru/action/activity/soc-econom-razvitiye-strategiya-socialjno-ekonomiceskogo-razvitiya-chu](https://minec.cap.ru/action/activity/soc-econom-razvitiye-strategiya-socialjno-ekonomiceskogo-razvitiya-chu/strategiya-socialjno-ekonomiceskogo-razvitiya-chu) (Access Date: 2025, Feb. 16).
6. Egger R., Yu J. A Topic Modeling Comparison Between LDA, NMF, Top2Vec, and BERTopic to Demystify Twitter Posts. *Frontiers in Sociology*, 2022, vol. 7, 886498. DOI: 10.3389/fsoc.2022.886498.
7. Ghanem R., Erbay H. Context-dependent model for spam detection on social networks. *SN Applied Sciences*, 2020, vol. 2, 1587. DOI: 10.1007/s42452-020-03374-x.
8. Lancichinetti A., Sirer M.I., Wang J.X. et al. A high-reproducibility and high-accuracy method for automated topic classification. *ArXiv*. 2014. arXiv: 1402.0422. Available at: <https://arxiv.org/pdf/1402.0422.pdf>.

9. Sangaraju V.R., Bolla B.K., Nayak D.K., Kh J. Topic Modelling on Consumer Financial Protection Bureau Data: An Approach Using BERT Based Embeddings. ArXiv. 2022. arXiv:2205.07259. Available at: <https://arxiv.org/abs/2205.07259>.
10. Wang L., Miloslavsky E., Stone J. H. et al. Topic modeling to characterize the natural history of ANCA-Associated vasculitis from clinical notes: A proof of concept study. *Seminars in Arthritis and Rheumatism*, 2021, vol. 51, no. 1, pp. 150–157.
11. Bellaouar S., Bellaouar M.M., Ghada I.E. Topic Modeling: Comparison of LSA and LDA on Scientific Publications. In: Proc. of the 4th International Conference on Data Storage and Data Engineering (DSDE'21). New York, Association for Computing Machinery, 2021, pp. 59–64. DOI: 10.1145/3456146.3456156.
12. Gao X., Sazara C. Discovering Mental Health Research Topics with Topic Modeling. ArXiv. 2023. arXiv:2308.13569. Available at: <https://arxiv.org/abs/2308.13569>.
13. Tohalino J.A.V., Quispe L.V.C., Amancio D.R. Analyzing the relationship between text features and grants productivity. *Scientometrics*, 2021, vol. 126, pp. 4255–4275.
14. Gorbunova P., Denisov G., Perfilova E., Zakharova A. Assessment of the socio-economic development of the region (on the example of the Chuvash Republic). *SHS Web of Conferences*, 2021, vol. 110, 01027. DOI: 10.1051/shsconf/202111001027.
15. Knorr K., Hein-Pensel F. Since Albert and Whetten: the dissemination of Albert and Whetten's conceptualization of organizational identity. *Management Review Quarterly*, 2024, vol. 74, pp. 597–625.
16. Oprea S.-V., Bâra A. Is Artificial Intelligence a Game-Changer in Steering E-Business into the Future? Uncovering Latent Topics with Probabilistic Generative Models. *Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research*, 2025, vol. 20, no. 1, 16. DOI: 10.3390/jtaer20010016.

TATIANA V. MITROFANOVA – Candidate of Physics and Mathematics Sciences, Associate Professor, Department of Mathematical and Hardware Support for Information Systems, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (mitrofanova_tv@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5750-7991>).

ANASTASIIA V. KHRISTOFOROVA – Candidate of Physics and Mathematics Sciences, Associate Professor, Department of Mathematical and Hardware Support for Information Systems, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (khristofav@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3534-8747>).

Формат цитирования: Митрофанова Т.В., Христофорова А.В. Тематическое моделирование грантовых проектов как инструмент управления социальным развитием региона [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 25–37. URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2025/4/3>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-25-37.

УДК 339.138

ББК У291.3

Т.В. СУВОРОВА

СПЕЦИФИКА ПРОДВИЖЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРОДУКТА – ЦИФРОВОЙ ОДЕЖДЫ

Ключевые слова: инновационный продукт, тренды индустрии моды, цифровая одежда, трансформация поведения потребителей, метод глубинного интервью, специфика продвижения инновационного продукта, цифровая среда, целевая аудитория, блогер.

В условиях интенсивной цифровизации экономики и общества наблюдается существенная трансформация индустрии моды, характеризующаяся появлением инновационных продуктов, в частности цифровой одежды. Данный феномен обусловлен несколькими факторами: увеличением числа пользователей сети Интернет в мире, стремительным ростом числа блогеров и инфлюенсеров, стремлением покупателей к индивидуализации и уникальному пользовательскому опыту, развитием тренда на экологичное производство и этичное потребление одежды. Трансформация потребительского поведения создает благоприятную среду для развития рынка инновационного продукта – цифровой одежды, т.е. создания привлекательного контента в Интернете без физического приобретения одежды.

Цель исследования – выявить тренды, специфику продвижения инновационного продукта – цифровой одежды и предложить комплекс инструментов продвижения.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные публикации и отраслевые отчеты по теме специфики продвижения инновационного продукта, статистические данные относительно трендов развития индустрии моды. Были применены метод анализа и обобщения аналитических материалов и статистики в развитии фешен-индустрии в эпоху цифровизации; метод сегментирования целевой аудитории цифровой одежды; метод маркетинговых исследований – глубинное интервью (*Customer Development*) с 43 респондентами (блогерами) для получения первичной информации и дальнейшей разработки рекомендаций по продвижению цифровой одежды.

Результаты. В результате анализа источников вторичной информации: данных мирового отчета глобального рынка цифровой одежды, прогноза международного консалтингового агентства *Lucintel* о развитии рынка цифровой одежды, информации международной исследовательской компании *Techracker* по прогнозам развития цифровой моды в России и мире – мы пришли к следующим умозаключениям. Цифровая одежда становится новым трендом, отвечающим запросам современных потребителей на экологичность, разнообразие и инновационность. Увеличение числа блогеров и инфлюенсеров создает спрос на разнообразный визуальный контент. Усиление экологической парадигмы в обществе стимулирует поиск альтернативных, ресурсоэффективных подходов в индустрии моды, где цифровая одежда выступает как потенциальное решение проблемы избыточного потребления. В отечественных и зарубежных научных источниках широко освещаются вопросы понятия цифровой одежды, общие вопросы продвижения любого инновационного продукта, однако специфика продвижения цифровой одежды остается слабо изученной областью. После получения в результате глубинного интервью первичной информации было выявлено отношение 43 респондентов к использованию цифровой одежды для создания контента в Интернете, обозначены поведенческие барьеры целевой аудитории применительно к инновационному продукту – цифровой одежде. С учетом выявленных в результате интервьюирования паттернов поведения составлен обобщенный профиль клиента – потребителя данного цифрового продукта, на основе которого были предложены оптимальные форматы и каналы его продвижения, а также разработан комплекс мероприятий, охватывающий онлайн- и офлайн-форматы рекламной и PR-коммуникации и учитывающий его инновационность и специфику.

Выводы. Цифровизация индустрии моды и стремление к экологическому производству и потреблению дало толчок развитию такого инновационного продукта, как цифровая одежда. Для понимания отношения блогеров к цифровой одежде нами было проведено глубинное интервью и обнаружено, что респонденты тратят много времени и финансовых средств на одежду для создания контента, они готовы к замене физической одежды на цифровую; ценят удобство и понятность приложения для использования цифровой одежды. Стратегия продвижения цифровой одежды должна быть персонализированной и основываться на интегрированном использовании возможностей (например, таргетированной рекламы) онлайн-платформ (социальных сетей и блогов), а также онлайн-инструментов, включая работу на выставках, взаимодействие со средствами массовой информации, размещение нативной рекламы и применение колабораций с другими брендами.

Введение. Рынок цифровой одежды представляет собой динамично развивающийся сегмент современной индустрии моды. Данная область характеризуется высокими темпами роста и формированием устойчивой экосистемы производителей. По данным аналитических исследований, глобальный рынок цифровой одежды достиг значительного объема в 53,12 млн долл. США в 2023 г. [14]. Согласно прогнозам экспертов, данный показатель продемонстрирует существенный рост в среднесрочной перспективе. Ожидается, что к 2029 г. объем рынка увеличится до 126,77 млн долл. США, что соответствует среднегодовому темпу роста в 15,60%. Подобная динамика обусловлена влиянием трех ключевых факторов: развитием метавселенной, растущим спросом на экологическое производство одежды и обуви, глобальной цифровизацией.

В настоящее время рынок цифровой одежды представлен рядом инновационных компаний, формирующих основные тенденции отрасли. Среди лидеров индустрии следует выделить такие компании, как DRESSX, The Fabricant и Tribute Brand. Существенный вклад в развитие данного сегмента также вносят компании Republique, Auroboros, XR Couture, Replicant, The Dematerialised и UNXD. В России данный тренд активно набирает популярность среди блогеров и геймеров.

Исследования рынка свидетельствуют о том, что наиболее интенсивный рост компаний ожидается в сфере создания цифрового контента [10], поскольку растет число блогеров и инфлюенсеров, соответственно, растет устойчивый спрос на визуальный контент. Цифровая одежда предоставляет уникальные возможности для создания привлекательного контента без необходимости физического приобретения одежды. Усиление экологической парадигмы в обществе стимулирует использование экологичных инновационных технологий при производстве одежды и обуви. В данном ключе цифровая одежда может быть вариантом экологического подхода в мире моды, так как это несуществующая одежда, которую можно примерить только в цифровом мире [6].

Цифровизация стимулирует технологическое развитие и создание инновационных инструментов продвижения, что расширяет маркетинговый инструментарий компаний. Интеграция традиционных медиа и цифровых решений в маркетинговую стратегию обеспечивает высокую степень персонализации коммуникационного воздействия. Кроме того, с помощью автоматизации сбора данных появились возможности для формирования детализированных потребительских профилей. Специализированное программное обеспечение

осуществляет обработку и фильтрацию данных для оптимизации маркетинговых кампаний.

Наиболее динамичный рост демонстрирует сегмент программного обеспечения для 3D-графики, что обусловлено его фундаментальным значением для создания цифровой, т.е. виртуальной, одежды в виде пикселей. Важной характеристикой рынка цифровой одежды является возможность индивидуализации продукции. Современные технологические решения позволяют осуществлять 100%-ю кастомизацию цифровых модных активов без дополнительных финансовых затрат, что существенно повышает привлекательность данного сегмента для потребителей.

Создание персонализированных цифровых аватаров на основе антропометрических данных потребителя повышает релевантность виртуальных примерок и снижает риск возвратов, что особенно актуально для инновационных продуктов с нестандартными характеристиками. Параллельно развивается концепция эмпирической розничной торговли, интегрирующая технологии виртуальной и дополненной реальности для моделирования уникального покупательского опыта [16].

Вопросы продвижения инновационного продукта достаточно активно и широко обсуждаются в научных кругах.

О феномене цифровой одежды сообщают многие отечественные исследователи [4, 5, 7]. Т.С. Алексеева и О.Г. Тихомирова выделяют такие методы продвижения инновационной продукции, как «метод демонстрации виртуальной модели, метод аналогий и метод свободного испытания инновационной продукции» [1. С. 117], исследователь Е.В. Ситников с соавт. указывают в качестве основного канала продвижения инновационного товара социальные сети [11]. Специалисты Э.Д. Салагубова, Л.В. Гирш и Д.В. Соловьева сообщают о важности продвижения сложного инновационного продукта по технологии лонч-маркетинга, т.е. запуска нового продукта на рынок или вывода на рынок нового товара, сопровождающегося интенсивным маркетинговым продвижением [12. С. 53]. Для продвижения инновационного товара за рубежом эксперт В.И. Журавлева предлагает использовать рекламу, связи с общественностью, дистрибуцию, сервисное обслуживание и стимулирование продаж [2]. Об использовании геймификационных технологий при продвижении одежды в Интернете рассуждают исследователи Н.С. Мушкетова и А.С. Аникушина [8]. Значимость сети Интернет, в частности инструментов цифрового маркетинга, при продвижении одежды также подчеркивают зарубежные авторы [13, 15].

Таким образом, рынок цифровой одежды находится на стадии активного формирования и характеризуется значительным потенциалом роста, что требует эффективного позиционирования участников рынка, однако вопрос продвижения цифровой одежды остается непроработанным.

Цель исследования – выявить тренды, специфику продвижения инновационного продукта – цифровой одежды и предложить комплекс инструментов продвижения.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались научная литература, аналитические материалы по проблематике продвижения инновационного продукта, статистические данные относительно трендов и прогнозов

развития фэшн-индустрии в мире и России. Были применены метод анализа и обобщения вторичной информации: аналитических данных и статистики в развитии фэшн-индустрии в эпоху цифровизации; метод сегментирования целевой аудитории потребителей цифровой одежды; метод глубинного интервью (Customer Development) с 43 респондентами (блогерами) с целью выявления отношения к цифровой одежде.

Результаты исследования. Инновационная продукция представляет собой результат внедрения продуктовых инноваций, характеризующийся новизной потребительских и функциональных свойств, а также экономической эффективностью. Данный тип продукции включает в себя как новые или усовершенствованные изделия, так и инновационные методы производства [3]. В законодательстве Российской Федерации отсутствует четкое определение инновационной продукции, что создает определенные трудности при ее идентификации и закупке. Согласно федеральному закону от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹, перечень случаев отнесения продукции к инновационной устанавливается Правительством Российской Федерации². Тем не менее можно четко выделить признаки инновационности продукции: наличие патентов или ноу-хау, акт приемки результатов разработки, срок появления на рынке (не более трех лет) и принадлежность к новому виду продукции/услуг.

Сущность инновационного продукта – цифровой одежды – заключается в использовании цифровых образов при создании онлайн-контента и производстве одежды, позволяющей заказчикам проявить свою индивидуальность. Создание и продажа цифровой одежды для съемки фото и видео происходит в режиме реального времени с помощью приложения с функционалом surf-тосар (серфинг-мокап, т.е. создание в режиме реального времени трехмерной модели для визуализации продукта/контента). Кроме того, для самих дизайнеров «открываются безграничные возможности» [9. С. 190] создания и конструирования фасонов одежды.

Продвижение – это рассказ компании о себе, своих товарах и услугах с целью создания положительного имиджа в глазах клиентов, общественности, партнеров. Продвижение инновационного продукта ориентировано прежде всего на узкую целевую аудиторию в Интернете и требует индивидуального подхода.

В рамках исследования был применен метод каастдев (Customer Development – качественный метод, который используется до запуска товара),

¹ О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Фед. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=494990&dst=1000000001&cacheid=11777BD3A8571E564D18E1ED40B936E0&mode=splus&rnd=Wnl4ruUIH8GEA1WB#DVo4ruUHF1TkNq35> (дата обращения: 09.08.2025).

² Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW144624/> (дата обращения: 09.08.2025).

реализованный посредством проведения глубинных интервью с представителями целевой аудитории. Исследовательская работа, начатая в октябре 2024 г., включала серию структурированных бесед продолжительностью около двух часов, проводимых как в дистанционном формате с использованием платформы Zoom, так и при непосредственном взаимодействии с респондентами.

Совокупная выборка составила 43 человека. В качестве респондентов были приглашены женщины-блогеры в возрасте от 21 до 28 лет, имеющие аудиторию не менее 5 000 подписчиков в Интернете и ежемесячный доход более 80 000 руб. Интервью проводилось с целью выявления отношения блогеров к цифровой одежде и для понимания продвижения конкретного инновационного проекта цифровой одежды под брендом «Vnutri», ориентированного преимущественно на блогеров.

Представим некоторые гипотезы, используемые в рамках проведения глубинного интервью, и проанализируем результаты полученной первичной информации, важные для данного исследования.

Гипотезы для глубинного интервью:

1. Блогеры из экспертной или развлекательной сферы имеют потребность меньше времени тратить на создание контента.

2. Блогерам из экспертной или развлекательной сферы важно выпускать контент минимум 5 дней в неделю (при этом есть желание расходовать в 2 раза меньше времени и денежных средств).

3. Блогеры из экспертной или развлекательной сферы минимум 1 раз каждый месяц покупают одежду для одноразового использования при съемке контента.

4. Блогеры из экспертной или развлекательной сферы хотели бы сократить расходы (материальные и временные) на создание контента в социальных сетях.

5. У блогеров из экспертной или развлекательной сферы есть цель и желание являться новаторами и следовать современным тенденциям и применять в контенте новые технологии (например, технологии дополненной реальности).

6. Блогерам из экспертной или развлекательной сферы важно часто появляться в социальных сетях в новом образе.

7. Блогерам важно выглядеть стильно на фото и видео в социальных сетях.

8. Блогеры из экспертной или развлекательной сферы готовы снимать контент в одежде нового, еще не популярного бренда.

9. Блогеры из экспертной или развлекательной сферы знают о рынке цифровой одежды, видели примеры и имеют представление о том, как это работает.

10. У 5% опрошенных блогеров из экспертной или развлекательной сферы был положительный опыт создания контента с цифровой одеждой.

11. Блогеры готовы покупать цифровую одежду, снимать контент в ней и транслировать своей аудитории.

12. Блогеры купили бы цифровую одежду и снимали бы в ней контент, если это устранит проблему наполнения чемодана одеждой для фото и видео в путешествии.

13. Чек-лист по созданию образов и идей для социальных сетей решает проблему траты временного ресурса на реализацию контента у блогеров.

14. Услуга наложения цифровой одежды на готовые фото и видео будет пользоваться спросом у блогеров из экспертной или развлекательной сферы.
15. Цена, за которую респонденты готовы покупать один предмет цифровой одежды (например, жакет).
16. Тариф, который чаще всего выбирают респонденты при подписке на приложение цифровой одежды (полгода и месяц).
17. Сумма, которую респонденты готовы тратить в месяц на цифровую одежду.
18. Сумма, которую респонденты готовы тратить в месяц на подписку (с учетом привилегий за подписку).
19. Количество купленных образов цифровой одежды в месяц.
20. Для блогеров важна эстетическая составляющая одежды. Они будут готовы доплатить за стильный/модный образ в приложении 3D.
21. Преимущества использования приложения и цифровой одежды по сравнению с традиционной одеждой заключаются в быстроте примерки, удобстве, возможности кастомизации.
22. Девушки готовы дополнительно купить функцию 3D-макияжа (маску) в приложении.
23. Возрастает желание и доверие со стороны блогера покупать коллекцию цифровой одежды – коллаборацию с брендом.

Результаты исследования показали, что значительная часть женской аудитории-блогеров тратят достаточно много времени на формирование своего визуального образа для создания контента. В частности, при ответе на вопрос «Сколько времени уходит у вас на подбор гардероба для создания контента?» (вопрос № 1 из списка гипотез для глубинного интервью) более половины респондентов, 60%, указали на необходимость ежедневного выделения от 1 до 3 ч исключительно на подбор гардероба для съемок, в то время как 10% опрошенных затрачивают на указанную деятельность свыше 4 ч рабочего времени, а 30% опрошенных тратят до 30 мин рабочего времени. Анализ частоты смены одежды для создания фото- и видеоматериалов (вопрос № 11 из списка гипотез для глубинного интервью) показал, что в среднем (40% опрашиваемых) блогеры осуществляют данную процедуру 2-3 раза в течение дня.

Особого внимания заслуживает финансовый вопрос создания имиджа для стрима (вещание в режиме онлайн) (вопрос № 6 из списка гипотез для глубинного интервью): существенная доля респондентов, а именно 46%, тратит от 20 до 30% своего ежемесячного дохода на одежду; 30% направляет от 30 до 50%, т.е. до половины своего ежемесячного дохода, на приобретение одежды для формирования визуального образа в контенте. Наиболее значимым выводом проведенного исследования является готовность почти половины опрошенных к замещению физического гардероба цифровыми аналогами (вопрос № 12 из списка гипотез для глубинного интервью) при создании контента, 13% опрошенных не готовы использовать, 30% блогеров сомневаются, 45% респондентов готовы использовать цифровую одежду вместо физической, что свидетельствует о наличии сформированного спроса на инновационный продукт – цифровую одежду.

Для выявления эффективных каналов и инструментов, а также формата продвижения цифровой одежды были установлены ключевые параметры профиля клиента (самый яркий представитель целевой аудитории), представленные в табл. 1.

Таблица 1

Профиль клиента бренда цифровой одежды

Характеристика	Описание
Имя	Александра
Возраст	23 года
Должность	Девушка-блогер (инфлюенсер) в экспертной сфере (саморазвитие, образование, контент в социальных сетях). Создает информационный и визуальный контент (фото и видео) в Instagram*, TikTok, ВКонтакте, YouTube, Telegram
Место проживания	Город Москва
Потребности	Стремится к большему количеству подписчиков в социальных сетях, есть потребность выходить в топ и получать большее количество лайков и охватов (органический рост). Важно появляться перед аудиторией в необычных и запоминающихся образах, каждый раз в новых. Есть потребность в покупке виртуальной одежды, чтобы отличаться от других блогеров. Хочет быстро и недорого менять образы для съемок, а также не брать тяжелые чемоданы с одеждой в поездку. Мечтает тратить как можно меньше времени на образ и создание контента
Личная жизнь	Ежедневно реализует контент на тематику экспертины, любит создавать совместный контент с другими блогерами, ходить на мероприятия для блогеров, проводить онлайн-консультации и встречи. Часто путешествует и меняет локации, около 50% времени в день тратит на создание контента
Поведение в Интернете	Известный блогер с аудиторией от 50 000 подписчиков. Ежедневно выкладывает информационный контент в социальных сетях: фото и рилсы (истории); любит выделяться, быть запоминающейся и создавать положительные инфоповоды. Стремится к большому количеству подписчиков и высоким охватам в Сети
Финансовая самостоятельность	Девушка зарабатывает самостоятельно от 150 000 руб. в месяц на своем блоге и экспертины
Характеристики личности	Общительная, открытая, любит привлекать внимание и получать положительную обратную связь, уверенная в себе
Возражение против продукта	В первое время предоставлено небольшое количество изделий на продажу. Создание собственного дизайна дороже и, возможно, не для всех моделей
Предпочтительные каналы и виды взаимодействия	Сайт, приложение, Instagram*, Telegram
Основные мотивы использования цифрового продукта компании	Возможность подобрать образ и купить его моментально, создать цифровую одежду по собственному дизайну. Решение проблемы, связанной с необходимостью брать большое количество вещей в путешествие (так как контент нужно создавать ежедневно). Контент компании хорошего качества. Есть чек-лист идей для контента и сочетания образов

* Запрещен на территории Российской Федерации

Окончание табл. 1

Характеристика	Описание
Сложности, возникшие при взаимодействии с компанией или при использовании ее продукта	Непонимание, как пользоваться приложением. Непривычный формат одежды
Проблемы, которые решает продукт компании	Необходимость тратить большое количество денег, времени и сил на покупку физической одежды и создание в ней контента, брать в поездки большое количество вещей для создания контента в новом образе ежедневно. Непонимание, что делать с вещами, в которых уже был отснят контент, какую одежду выбрать, чтобы выделяться среди блогеров. Сложно и долго создавать необычный контент

На основе табл. 1 в результате составления обобщенного портрета клиента можно сделать вывод, что существенной характеристикой данного сегмента является активная вовлеченность клиента в конкретные тематические области с готовностью к трансляции экспертных знаний. Тематический спектр интересов охватывает саморазвитие, образование, контент в социальных сетях, модную индустрию и другие формы досуга.

Детальный анализ указанных характеристик позволил сформировать комплексное представление о потребностях и ожиданиях целевой аудитории, а также разработать рекомендации по эффективному продвижению инновационного продукта с учетом специфики восприятия и поведенческих паттернов потенциальных потребителей.

Предлагаем компаниям по созданию цифровой одежды использовать интегрированную стратегию продвижения, охватывающую онлайн- и офлайн-форматы рекламной и PR-коммуникаций.

Реализация онлайн-рекламы ориентирована на взаимодействие с тематическими сообществами в социальной сети ВКонтакте, включая «Touch woman» и «Lookbook», профильными Telegram-каналами, такими как Liza Gusevskaia и Mir, а также размещение короткометражного видеоконтента на платформах Liza Rudkevich и «Fashion factory». Дополнительным механизмом продвижения выступает сотрудничество с блогерами через специализированные биржи, в частности «Uforce», «Labelup», «Get blogger» и «Insense», а также прямое взаимодействие с влиятельными представителями блогосферы, например с Кариной Нигай и Аликой.

Представим в табл. 2 предлагаемые каналы и инструменты продвижения цифровой одежды.

Таблица 2
Каналы и инструменты продвижения цифровой одежды

Каналы продвижения	Инструменты продвижения цифровой одежды
ВКонтакте (блогеры)	Покупка рекламы у топовых блогеров и медийных личностей в направлениях: фешен, инновации, новостные модные паблики, фото и видео
Telegram	Покупка рекламы у крупных каналов в сфере IT- и фешен-индустрии
Блогеры, в том числе блогеры коротких роликов	Покупка рекламы у топовых блогеров коротких роликов
Яндекс Директ	Создание нативной рекламы на поисковике Яндекс

Таким образом, для продвижения цифровой одежды наиболее эффективны социальные сети, такие как ВКонтакте и Telegram, реклама у топовых блогеров и инфлюенсеров, нативная и поисковая реклама.

Выводы. Инновационные продукты обладают уникальными характеристиками, требующими индивидуального подхода при взаимодействии с целевой аудиторией, поскольку сама целевая аудитория – это блогеры.

Рынок цифровой одежды сегодня активно развивается и занимает определенную рыночную нишу. Данная область характеризуется высокими темпами роста и формированием устойчивой экосистемы производителей. Основными факторами, стимулирующими развитие рынка цифровой одежды, выступают:

– активное формирование метавселенной как пространства для цифровой самопрезентации;

- растущий спрос на экологические решения в индустрии моды;
- прогрессивное развитие цифровых технологий.

Феномен цифровой одежды демонстрирует устойчивый рост популярности, что связано с трансформацией традиционных потребительских представлений.

В результате проведения глубинного интервью определили потребительские предпочтения и опасения целевой аудитории (блогеров) при использовании цифровой одежды. Было выявлено, что более половины респондентов тратят до 3 ч в день на подбор одежды для съемок контента. Кроме того, 46% респондентов расходуют от 20 до 30% своего ежемесячного дохода на одежду, 30% респондентов – от 30 до 50%, т.е. около половины своего ежемесячного дохода. Около 50% респондентов готовы заменить физическую одежду на цифровую, что говорит о наличии спроса на цифровую одежду.

Также было обнаружено, что блогеры хотят использовать интуитивно понятное и удобное в использовании приложение 3D, что обусловлено отсутствием сформированных навыков взаимодействия с информационно-технологическими решениями в данной специфической сфере.

При продвижении цифровой одежды следует использовать комплексную стратегию развития компании онлайн и онлайн, включающую связи с общественностью, участие в профессиональных мероприятиях, публикацию нативных рекламных материалов в средствах массовой информации, проведение интервью и подкастов; стимулирование неформального распространения информации через блогеров и инфлюенсеров; размещение таргетированной рекламы в профильных Telegram-каналах и тематических сообществах ВКонтакте, ориентированных на фешен-индустрию.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования предлагаемых рекомендаций для эффективного продвижения брендов цифровой одежды на российском и международном рынках.

Благодарность

Автор выражает благодарность основателю и дизайнеру бренда «Vnutri» Анастасии Павловне Корсун за содействие и личное участие в подготовке и проведении серии глубинных интервью.

Литература

1. Алексеева Т.С., Тихомирова О.Г. Исследование особенностей и специфики продвижения инновационного продукта // Синергия Наук. 2018. № 22. С. 115–124.
2. Журавлева В.И. Инструменты продвижения высокотехнологичной продукции на зарубежные рынки // E-scio. 2021. № 2 (53). С. 205–211.
3. Иванова В.О. Понятие инновационной продукции и особенности ее закупки // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 5-6. С. 10–24.
4. Коробцева Н.А., Холкина М.В. К вопросу цифровизации сферы моды и проектирования одежды [Электронный ресурс] // Journal of Clothing Science. 2025. Т. 10, № 1. URL: <https://kostumologiya.ru/PDF/09IVKL125.pdf> (дата обращения: 09.08.2025).
5. Кудрина Е.В. Цифровая мода: социологические аспекты исследования // Петербургская социология сегодня. 2023. № 21. С. 117–134.
6. Курбанова Н. Не тактильный вопрос: как происходит развитие цифровой моды в России. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1580622/naina-kurbanova/ne-taktilyui-vopros-kak-proisk-hodit-razvitiie-tcifrovoy-mody-v-rossii> (дата обращения: 09.08.2025).
7. Музалевская Ю.Е. Цифровой образ в диджитал моде как часть виртуальной реальности будущего // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2024. Т. 7, № 2. С. 121–132.
8. Мушкетова Н.С., Аникушина А.С. Методы, технологии, инструменты разработки стратегий продвижения товаров одежды и обуви в цифровом обществе // Наукосфера. 2021. № 6-1. С. 324–332. DOI: 10.5281/zenodo.4922610.
9. Особенности проектирования одежды в цифровой среде / Г.И. Борзунов, Л.Б. Каршакова, М.А. Груздева и др. // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2022. № 2(398). С. 183–191.
10. Отчет о рынке цифровой одежды, тенденции и прогноз до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lucintel.com/digital-clothing-market.aspx> (дата обращения: 09.08.2025).
11. Продвижение инновационных промышленных товаров, технологий и услуг в социальных сетях / Е.В. Ситников, Д.С. Лопаткин, В.Ф. Вакуленко и др. // Финансовые рынки и банки. 2021. № 6. С. 13–21.
12. Сагаубова Э.Д., Гириш Л.В., Соловьева Д.В. Управление продвижением сложных товаров и продуктов на основе концепции лонч-маркетинга // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2023. № 3. С. 50–59.
13. Asiri A., Isyanto P., Yani D. Digital marketing in promotion clothing «cottonstyles». Jurnal Ekonomi, 2022, vol. 11, no. 02, pp. 670–681.
14. Global Digital Clothing Market 2024. Available at: <https://www.grandresearchstore.com/consumer-goods-and-services/global-digital-clothing-2024-870> (Access Date: 2025, Aug. 9).
15. Hänninen J. Digital marketing strategy: a case study of a Finnish clothing company. 2024. Available at: https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/820283/Hanninen_Joonatan.pdf?sequence=2 (Access Date: 2025, Aug. 9).
16. Top 9 Fashion Technology Trends. Available at: <https://techpacker.com/blog/design/top-09-fashion-technology-trends/> (Access Date: 2025, Aug. 9).

СУВОРОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры маркетинга, Московский университет «Синергия», Россия, Москва (suvori.suvorova@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-1678>).

Tatyana V. SUVOROVA

THE SPECIFICS OF PROMOTING AN INNOVATIVE PRODUCT – DIGITAL CLOTHING

Key words: innovative product, fashion industry trends, digital clothing, transformation of consumer behavior, in-depth interview method, specifics of innovative product promotion, digital environment, target audience, blogger.

In the context of intensive digitalization of the economy and the society, a significant transformation of the fashion industry is observed, which characterized by the emergence of innovative products, in particular digital clothing. This phenomenon is caused by several factors: the increase in the number of Internet users in the world, a rapid growth in the number of bloggers and influencers, the desire of customers for individualization and a unique user experience, the development of a trend towards environmentally friendly production and ethical consumption of clothing. Transformation of consumer behavior creates a favorable environment for the development of an innovative product market – digital clothing, i.e. creation of attractive content in the Internet without the physical purchase of clothing.

The purpose of the study is to identify trends and specifics of promoting an innovative product – digital clothing and to offer a range of promotion tools.

Materials and methods. The research materials were scientific publications and industry reports on the specifics of the innovative product promotion, statistical data on trends in the development of fashion industry. The method of analyzing and summarizing analytical materials and statistics in the development of the fashion industry in the era of digitalization was applied; the method of segmenting the target audience of digital clothing; the method of marketing research – in-depth interview (Customer Development) – with 43 respondents (bloggers) to obtain primary information and further develop recommendations to promote digital clothing.

Results. As a result of the analysis of secondary information sources: data from the global report on the global digital clothing market, the forecast of Lucintel international consulting agency on the development of the digital clothing market, information from Techpacker international research company on the forecasts of the development of digital fashion in Russia and in the world, we came to the following conclusions: digital clothing is becoming a new trend that meets the demands of modern consumers for environmental friendliness, diversity and innovation. The increase in the number of bloggers and influencers creates a demand for diverse visual content. The ecological paradigm strengthening in the society stimulates the search for alternative, resource-efficient approaches in the fashion industry, where digital clothing acts as a potential solution to the problem of excessive consumption. The issues of the concept of digital clothing and general issues of promoting any innovative product are widely covered in domestic and foreign scientific sources; however, the specifics of promoting digital clothing remain a poorly studied area. After receiving primary information as a result of an in-depth interview, 43 respondents' attitude to the use of digital clothing for creating content on the Internet was revealed, and behavioral barriers of the target audience in relation to an innovative product – digital clothing – were identified. Taking into account the patterns of behavior identified as a result of the interview, a generalized profile of the customer – consumer of this digital product was compiled, on the basis of which optimal formats and channels for its promotion were proposed, as well as a set of measures covering online and off-line formats of advertising and PR communication and taking into account its innovativeness and specifics was developed.

Conclusions. Digitalization of the fashion industry and the drive towards environmentally friendly production and consumption gave rise to the development of innovative products such as digital clothing. To understand the attitude of bloggers to digital clothing, we conducted an in-depth interview and found that respondents spend a lot of time and money on clothing to create content, they are ready to replace physical clothing with digital one; they appreciate convenience and clarity of the application for using digital clothing. The digital clothing promotion strategy should be personalized and based on the integrated use of opportunities (for example, targeted advertising) of online platforms (social networks and blogs), as well as off-line tools, including work at exhibitions, interaction with the media, native advertising and the use of collaborations with other brands.

References

1. Alekseeva T.S., Tikhomirova O.G. *Issledovanie osobennosti i spetsifiki prodvizheniya inovatsionnogo produkta* [Study of the features and specifics of promoting an innovative product]. *Sinergiya Nauk*, 2018, no. 22, pp. 115–124.

2. Zhuravleva V.I. *Instrumenty prodvizheniya vysokotekhnologichnoi produktsii na zarubezhnye rynki* [Tools for promoting high-tech products to foreign markets]. *E-scio*, 2021, no. 2(53), pp. 205–211.
3. Ivanova V.O. *Ponyatie innovatsionnoi produktsii i osobennosti ee zakupki* [The concept of innovative products and the features of its purchase]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 2013, no. 5-6, pp. 10–24.
4. Korobtseva N.A., Kholkina M.V. *K voprosu tsifrovizatsii sfery mody i proektirovaniya odezhdy* [On the issue of digitalization of fashion and clothing design]. *Journal of Clothing Science*, 2025, vol. 10, no. 1. Available at: <https://kostumologiya.ru/PDF/09IVKL125.pdf> (Accessed Date: 2025, Aug. 9).
5. Kudrina E.V. *Tsifrovaya moda: sotsiologicheskie aspekty issledovaniya* [Digital fashion: sociological aspects of research]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 2023, no. 21, pp. 117–134.
6. Kurbanova N. *Ne taktil'nyi vopros: kak proiskhodit razvitiye tsifrovoi mody v Rossii* [A non-tactile question: how is digital fashion developing in Russia?]. Available at: <https://iz.ru/1580622/naina-kurbanova/ne-taktilnyi-vopros-kak-proiskhodit-razvitiye-tsifrovoi-mody-v-rossii> (Accessed Date: 2025, Aug. 9).
7. Muzalevskaya Yu.E. *Tsifrovoi obraz v didzhital mode kak chast' virtual'noi re-al'nosti budushchego* [The digital image in digital fashion as part of the virtual reality of the future]. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2024, vol. 7, no. 2, pp. 121–132.
8. Mushketova N.S., Anikushina A.S. *Metody, tekhnologii, instrumenty razrabotki strategii prodvizheniya tovarov odezhdy i obuvi v tsifrovom obshchestve* [Methods, technologies, tools for developing strategies for the movement of clothing and footwear in a digital society]. *Naukosfera*, 2021, no. 6-1, pp. 324–332. DOI: 10.5281/zenodo.4922610.
9. Borzunov G.I., Karshakova L.B., Gruzdeva M.A. et al. *Osobennosti proektirovaniya odezhdy v tsifrovoi srede* [Features of clothing design in a digital environment]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Tekhnologiya tekstil'noi promyshlennosti*, 2022, no. 2(398), pp. 183–191.
10. *Otchet o rynke tsifrovoi odezhdy, tendentsii i prognoz do 2030 goda* [Digital Apparel Market Report, Trends and Forecast to 2030]. Available at: <https://www.lucintel.com/digital-clothing-market.aspx> (Accessed Date: 2025, Aug. 9).
11. Sitnikov E.V., Lopatkin D.S., Vakulenko V.F. et al. *Prodvizhenie innovatsionnykh promyshlennykh tovarov, tekhnologii i uslug v sotsial'nykh setyakh* [Promotion of innovative industrial goods, technologies and services in social networks]. *Finansovye rynki i banki*, 2021, no. 6, pp. 13–21.
12. Salagubova E.D., Girsh L.V., Solov'eva D.V. *Upravlenie prodvizheniem slozhnykh tovarov I produktov na osnove kontseptsii lonch-marketinga* [Promotion management of complex goods and products based on the concept of launch marketing]. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Ser. Ekonomika i ekologicheskii menedzhment*, 2023, no. 3, pp. 50–59.
13. Asiri A., Isyanto P., Yani D. Digital marketing in promotion clothing «cottonstyles». *Jurnal Ekonomi*, 2022, vol. 11, no. 02, pp. 670–681.
14. Global Digital Clothing Market 2024. Available at: <https://www.grandresearchstore.com/consumer-goods-and-services/global-digital-clothing-2024-870> (Access Date: 2025, Aug. 9).
15. Hänninen J. Digital marketing strategy: a case study of a Finnish clothing company. 2024. Available at: https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/820283/Hanninen_Joonatan.pdf?sequence=2 (Access Date: 2025, Aug. 9).
16. Top 9 Fashion Technology Trends. Available at: <https://techpacker.com/blog/design/top-09-fashion-technology-trends/> (Access Date: 2025, Aug. 9).

TATYANA V. SUVOROVA – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Marketing, Moscow University «Synergy», Russia, Moscow (suvori.suvorova@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1844-1678>).

Формат цитирования: Суворова Т.В. Специфика продвижения инновационного продукта – цифровой одежды [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 38–49. URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2025/4/4>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-38-49.

Н.В. АЛЕКСАНДРОВА, А.В. КАРПОВ

ОГРАНИЧЕНИЯ И ОБРЕМЕНЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ НЕДВИЖИМОСТИ

Ключевые слова: собственность, имущество, недвижимость, ограничения, обременения, Гражданский кодекс Российской Федерации, объекты недвижимости.

В российской правовой системе актуальный круг вопросов связан с институтом недвижимости. В зависимости от целевого назначения объекта недвижимости законодателем могут быть установлены ограничения или обременения для их использования. Они направлены на защиту интересов как собственников, так и иных участников гражданского оборота: физических и юридических лиц, публичных органов. Большая часть трудностей в реализации прав в сфере недвижимости носит гражданско-правовой характер и вызвана коллизионным содержанием правовых норм и их действием на правоотношения. Обобщение и анализ действующей практики в указанной сфере отношений свидетельствуют о наличии некоторых проблем и необходимости их разрешения путем внесения изменений и дополнений в действующие законы и отраслевые акты. Это, в свою очередь, должно способствовать созданию эффективных механизмов и способов защиты интересов собственников в сфере реализации права на имущество, снятия ограничения и обременения прав на объекты недвижимости.

Цель исследования – комплексный анализ правовой природы и видов ограничений права собственности на недвижимое имущество в российском гражданском праве, а также выявление их соотношения с обременениями и определение их влияния на объем правомочий собственника.

Материалы и методы. Применены методы общенаучного и частного анализа, обобщения, что позволило выявить особенности исследуемой тематики и сформулировать выводы для изучения проблемных аспектов ограничения и обременения права собственности в сфере недвижимости. Методология работы базируется на применении комплексного подхода, ориентированного на всесторонний правовой анализ заявленной проблемы. При рассмотрении и анализе поставленных вопросов использовались нормы гражданского законодательства, научные публикации и труды по проблемам недвижимости. В качестве методологической основы применяется системный подход, включающий сравнительно-правовой и формально-юридический анализ норм Гражданского кодекса Российской Федерации, федерального законодательства и судебной практики.

Результаты. В ходе исследования была выявлена правовая природа данных институтов как механизма сдерживания, обеспечивающего баланс между правомочиями собственника и публичными или частными интересами. На основе научной доктрины (С.А. Чаркин, Т.Е. Колосова) рассмотрены и применены критерии для классификации ограничений и обременений, а также определено их соотношение: ограничения понимаются как установленные законом общие объективные границы права, тогда как обременения выступают их конкретными формами, непосредственно сужающими объем правомочий в отношении конкретного объекта. Анализ нормативного материала и разбора судебного дела позволил установить, что воздействие ограничений и обременений проявляется преимущественно в сфере правомочий пользования и распоряжения. Одновременно доказан комплексный межотраслевой характер института, регулируемого нормами не только гражданского, но и земельного, жилищного, в отдельных аспектах – экологического и градостроительного права. Исследование также выявило ряд таких актуальных проблем правоприменения, как трудности, связанные с объектами на неотмежеванных земельных участках, недооформленностью прав в новостройках и необходимостью усиления ответственности за скрытие информации об обременениях.

Выводы. Ограничения представляют собой механизм сдерживания, обеспечивающего баланс между правомочиями собственника и публичными или частными интересами. Они устанавливают общие границы прав. Конкретными формами ограничений, напрямую сужающими объем правомочия, являются обременения. Их воздействие на правомочия собственника проявляется преимущественно в сфере распоряжения и пользования имуществом. Право собственности есть правовой институт, имеющий комплексный межотраслевой характер, нормы которого регулируются гражданским, земельным и жилищным законодательством. Решение проблем правоприменительной практики требует дальнейшей конкретизации законодательных конструкций ограничений и обременений, а также развития их единообразного понимания в судебной практике.

Введение. Правовое регулирование института права собственности является одним из центральных в системе гражданского законодательства. Оно представлено во II разделе общей части структуры Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ). Наиболее полно указанная позиция нашла свое закрепление в нормах ст. 209 ГК РФ, согласно которой право собственности порождает правомочия, благодаря которым собственник по своему усмотрению и в своих интересах владеет имуществом и осуществляет свои права. В комплексе представлена триада правомочий: владения, пользования и распоряжения имуществом. В частности, владение включает в себя физическое обладание имуществом и направлено на возможность иметь неограниченный доступ к вещи. Функция пользования позволяет извлечь выгоду от обладания вещью или имуществом. Распоряжение выступает как способность решать судьбу конкретной вещи или имущества, что предполагает возможность как отчуждения, так и приобретения имущества и оформления в частную собственность.

В сфере практической реализации правомочий собственника, а именно владения, пользования и распоряжения имуществом, может возникнуть ряд ограничений и обременений, что может существенно повлиять на совершение сделок с имуществом, в которых участвуют как граждане, так и юридические лица. И здесь необходимо учитывать влияние специфики и особенностей объектов недвижимости на возможность распоряжения ими в полном объеме. Актуальность проблемы ограничения имущественных прав и обременений права собственности в сфере недвижимости связана с тем обстоятельством, что до настоящего времени в ГК РФ нет четкого определения указанных понятий [4. С. 139].

Цель исследования – комплексный анализ правовой природы и видов ограничений права собственности на недвижимое имущество в российском гражданском праве, а также выявление их соотношения с обременениями и определение их влияния на объем правомочий собственника.

Материалы и методы. При рассмотрении и анализе поставленных вопросов использовались нормы гражданского, земельного и жилищного законодательства, научные публикации по проблемам недвижимости, что позволило выявить особенности исследуемой тематики и сформулировать общие выводы

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142.

для изучения общетеоретических и проблемных аспектов ограничения и обременения права собственности в сфере недвижимости.

Результаты исследования. В ГК РФ закреплены права собственника имущества. Кроме того, п. 1. ст. 213 ГК РФ указывает на особенность того, что «в собственности граждан и юридических лиц может находиться любое имущество, за исключением отдельных видов имущества...». Такая норма применима и к сфере целевого назначения имущества, например, если речь идет об ограничениях на земельные участки: п. 2. ст. 260 ГК РФ «на основании закона и в установленном им порядке определяются земли сельскохозяйственного и иного целевого назначения, использование которых для других целей не допускается или ограничивается». Более того, п. 3 ст. 212 ГК РФ содержит императивную норму, указывающую, что «законом определяются виды имущества, которые могут находиться только в государственной или муниципальной собственности». Законом четко определены категории земель, участков недр, лесов, водных объектов и т.д. Если собственник нарушает установленные требования, то, как право-применитель, государство вправе изымать имущество, например, в общественных интересах (ст. 49, 56 Земельного кодекса Российской Федерации¹, ст. 279 ГК РФ). Есть мнение, что «ограничения права собственности на земельную недвижимость – это совокупность установленных в федеральных законах запретов и дополнительных обязанностей граждан и юридических лиц, сужающих объем их правомочий по пользованию и/или распоряжению земельными участками для обеспечения публичных целей и интересов. В ряде случаев такие ограничения могут затрагивать государственную (или муниципальную) собственность» [6. С. 87]. В частности, пределы права собственности установлены по отношению к отдельным категориям земель, например, к землям сельскохозяйственного назначения (ст. 260 и 285 ГК РФ).

В данном контексте общепризнанным является то, что недвижимое имущество включает в себя объекты, которые непосредственно связаны с землей. Отношения в сфере недвижимости регулируются институтом права собственности, который закрепляет индивидуальный (личный) статус собственника. Следовательно, имущество представляет определенную материальную ценность для его собственника. Реализация права собственности в сфере недвижимости, помимо участия в гражданском обороте, создает и обязанности, например, бережного содержания вещи и его сохранения (ст. 259.4 ГК РФ).

При этом подобные нормативные положения не будут считаться основанием для ограничения в отношении свободы правомочий собственника. В ряде других норм сформированы специальные пределы (ограничения или обременения) прав владения, пользования и распоряжения имуществом. Жилищный кодекс Российской Федерации установил норму, в соответствии с которой «земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, может быть обременен правом ограниченного пользования другими лицами»² (п. 5 ст. 36).

¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773.

² Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057.

Данное положение, по мнению ряда современных исследователей, наглядно отражает факт того, что российским законодателем нормативно зафиксированы границы, в пределах которых собственники правомочны владеть, пользоваться и распоряжаться жилыми помещениями [2. С. 295].

Залогодатель сохраняет право пользования имуществом, заложенным по договору об ипотеке, в соответствии с его назначением. В то же время условия договора об ипотеке, ограничивающие это право залогодателя, ничтожны по п. 1 ст. 29 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)¹. В ст. 288 ГК РФ указаны пределы или условные границы права собственности на жилые помещения, а в диспозиции ст. 240 ГК РФ некоторые пределы разграничения собственности, называемой на практике «культурной ценностью», но также регулируемой законом. В данных примерах прослеживается правовая грань действия законов, когда возникает необходимость их разграничения либо отчуждения собственником как владельца недвижимости.

В современном аспекте собственность, являясь комплексным институтом, объединяет в себе нормы смежных отраслей права, в вышеописанных случаях объекты недвижимости представлены в рамках комплексного предметного регулирования.

В терминологическом смысле предел ограничения предполагает собой правовые границы, в которых собственник по своему усмотрению владеет и пользуется принадлежащим имуществом исключительно в своих целях.

С.А. Чаркин выделяет, что «ограничения и обременения – разные характеристики сужения объема правомочий частного или публичного собственника земельной недвижимости, имеющие как ряд общих параметров, так и существенных отличий» [6. С. 88].

Интересна и высказанная Т.Е. Колосовой позиция о том, что «законодатель, рассматривая ограничения, отсылает к основанной на законе воле собственника и субъекта, вступающего с ним в соглашение, или к воле судебных органов. По мнению автора, пределы объективны в том смысле, что они не зависят от воли собственника и иных лиц, а предопределены законом; ограничения же субъективны, потому что зависят от основанной на законе воле субъектов или судебных органов; поскольку пределы осуществления права собственности объективны, поскольку ограничения права собственности также возможны только в этих пределах» [3. С. 217].

Несмотря на то, что право собственности является одним из главных в цивилистике, также имеется целый ряд оснований для ограничения права собственности. Ограничения прав собственника в ряде случаев могут быть и временного действия, например, запрет совершать сделки по продаже земельного участка, находящегося в залоге. В то же время ограничение права не означает лишение правомочий собственника владеть и пользоваться имуществом, это может указывать лишь на ограниченный объем этих правомочий. Устранение

¹ Об ипотеке (залоге недвижимости): Фед. закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

ограничения прав собственника в части пользования имуществом возможно, например, решением суда.

Рассмотрим пример из практики судов. Солнечногорский городской суд Московской области рассмотрел гражданское дело по иску гражданина к юридическому лицу об устранении препятствий в пользовании и владении земельным участком путем демонтажа двух опор линий электропередач и их переноса с земельного участка на расстояние, исключающее наложение охранной зоны линии электропередач на земельный участок. В обоснование требований истец указал, что им и третьим лицом приобретен земельный участок из категории земель сельскохозяйственного назначения, вид разрешенного использования для дачного строительства. Такой земельный участок был приобретен без каких-либо ограничений и обременений, право собственности зарегистрировано, до и после оформления собственности на земельный участок он никому в пользование не передавался, какие-либо соглашения об использовании земельного участка не заключались. На момент передачи земельного участка и в начале его использования участок был свободен. Ответчиком на данном земельном участке производились работы по установке опоры воздушной линии электропередачи. По мнению истца, наличие на земельном участке двух опор линий электропередач и охранной зоны препятствует ему в полной мере осуществлять права владения и распоряжения принадлежащим земельным участком, включая посадку деревьев, кустарников, установление ограждающих конструкций, строительство хозяйственной постройки или объекта недвижимого имущества, накладывает на него ограничение прав владения земельным участком. Считает, что возведение ответчиком двух опор линий электропередач на земельном участке без его согласия является самовольным занятием участка, поскольку возникло против воли истца, не соответствует слугам, прямо установленным законом.

Изучив материалы дела, в совокупности оценив представленные по делу доказательства, суд приходит к выводу, что «спорные опоры линии электропередач возведены в непосредственной близости от границы земельного участка, принадлежащего истцу. Наличие охранной зоны, которая, очевидно, налагается на земельный участок истца, создает обременения в использовании земельного участка, что, безусловно, ущемляет права истца, ограничивает его личную хозяйственную деятельность, в связи с чем способ защиты прав истцом об устранении препятствий путем демонтажа спорных опор избран верно, требования в этой части подлежат удовлетворению»¹.

Представляется вполне разумным, что право распоряжения недвижимым имуществом практически все же имеет свои пределы, которые можно охарактеризовать в виде существенных ограничений и даже обременения в отношении конкретных объектов недвижимости, например ипотека (залог недвижимости).

¹ Решение № 2-452/2025 2-452/2025(2-5684/2024);~M-4497/2024 2-5684/2024 М-4497/2024 от 23.03.2025 г. по делу № 2-452/2025 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/UVrhf7RBkLZi/> (дата обращения 23.09.2025).

Так, «без разрешения залогодержателя залогодатель не вправе передавать имущество, относящееся к предприятию, в залог, совершать сделки, направленные на отчуждение недвижимого имущества, относящегося к предприятию, если иное не установлено договором об ипотеке» (п. 1 ст. 72 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Нужно учитывать и то, что такие ограничения, безусловно, представлены объективными обстоятельствами. Свобода собственника в отношении объекта недвижимости ограничивается мерами, установленными и закрепленными в правовых актах.

Федеральный закон № 218-ФЗ от 13 июля 2025 г. «О государственной регистрации недвижимости»¹ включает ограничения прав (пределов) на недвижимое имущество. Одним из распространенных примеров является ипотека (залог недвижимости), что исключает возможность распоряжения жильем до определенного периода или момента. Такой период обусловлен действием ипотечных обязательств, необходимо погашение задолженности, чтобы банк снял все виды обременения на недвижимость для последующего оформления права собственности. Такие обременения на объекты недвижимости, безусловно, создают проблемы на практике. В правовом смысле у собственника нет возможности свободно реализовывать свои правомочия относительно объекта недвижимости.

Как отмечает Н.А. Болдырев, «пределы ограничений прав и свобод, в том числе права собственности, лежат в плоскости общих правовых и моральных границ, а также специальных существенных характеристиках права, которые не могут быть безвозвратно утеряны при ограничении права» [1. С. 28].

Ограничения в осуществлении права собственности на недвижимое имущество регламентированы нормами закона и носят нормативный характер, в связи с чем, на наш взгляд, они не должны регистрироваться в реестре прав на недвижимое имущество в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости». При этом ограничения, которые установлены в интересах прав собственников и предусмотрены в законодательстве, – это субъективное право.

Как было указано, институт права собственности включает меры ограничения на право распоряжения недвижимым имуществом. Такое законодательное положение не исключение и для иных практик, например в качестве мер имущественной защиты прав собственника. Так, согласно п. 1. ст. 281 ГК РФ, «за земельный участок, изымаемый для государственных или муниципальных нужд, его правообладателю предоставляется возмещение». Пределы ограничения в отношении права собственности существуют и дополняются особенностями их практического содержания. Однако если эти ограничения установлены государством, то с целью решения общеполезных вопросов (дороги, энергетика, инфраструктурная часть и т.д.). Подобные примеры в сфере недвижимости и в пределах частной собственности достаточно конкретны и могут оказаться на обременении самого объекта недвижимости.

¹ О государственной регистрации недвижимости: Фед. закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

В качестве ограничений права собственности на недвижимость учитываются и другие условия. На практике это нормы вещного и обязательственного права, в которых есть проблемы с реализацией прав на совершение сделок с недвижимостью в сфере договорных и обязательственных отношений. Подтверждением сказанному является п. 1 ст. 174.1 ГК РФ: «сделка, совершенная с нарушением запрета или ограничения распоряжения имуществом, вытекающих из закона, в частности из законодательства о несостоятельности (банкротстве), ничтожна в той части, в какой она предусматривает распоряжение таким имуществом».

Однако имущество «не ограничивается только вещными и обязательственными правами». Есть и другие аспекты, характерные для пределов ограничения, например по субъектному составу. В сделках с недвижимостью ограничены права малолетних и несовершеннолетних, недееспособных и ограниченных в дееспособности лиц. Подобное совершение сделок по отчуждению имущества подопечного лица возможно только с предварительного разрешения органов опеки, например, приобретение в собственность подопечного или опекаемого лица иного недвижимого имущества взамен отчуждаемого.

Весьма важным с практической точки зрения нам представляется, что принимаемые ограничения права собственности на недвижимость затрагивают частные интересы субъектов права. Они установлены, чтобы ограничить сделки с конкретным объектом недвижимости и сохранить права участников, например при участии в долевом строительстве многоквартирных домов и жилых помещений и т.д.

В 2025 г. в Росреестре Чувашии проанализировали объекты недвижимости в новых многоквартирных домах, где имеются недооформленные должным образом объекты недвижимости (квартиры, кладовки, машино-места). По данным Управления, «насчитывается 1 416 квартир без оформленных прав. Данные жилые помещения не имеют в ЕГРН зарегистрированных сведений о том, кто является собственником этого жилья»¹.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что собственники имущества имеют право владеть, пользоваться и распоряжаться им. Но ряд ограничений установлен для соблюдения прав иных лиц, которые имеют долю в имуществе или права пользования. Конечно же, можно говорить об ограничениях обременительного характера для собственников недвижимости при совершении ряда гражданско-правовых договоров.

«Кроме того, требуется усиление ответственности за нарушение прав третьих лиц в сделках с недвижимостью, включая ужесточение санкций за скрытие информации о наличии обременений или других ограничений на имущество» [5. С. 414].

С 1 марта 2025 г. действуют изменения в законодательстве, поправки внесены в ч. 8 ст. 69 Федерального закона № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Учетно-регистрационные действия с земельными

¹ Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр): офиц. офиц. сайт: URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/reg/v-chuvashii-1416-kvartir-bez-zaregistrirovannykh-prav/> (дата обращения: 23.09.2025).

участками, границы которых не установлены, не могут быть совершены в пользу заявителя. Соответственно, ограничения касаются зданий и сооружений, расположенных на неотмежеванных земельных участках. Применение положений не зависит ни от категории земельного участка, ни от вида его разрешенного использования, что может означать, если земельный участок планируется продавать, дарить или передавать по наследству, то без межевания границ в регистрации такого объекта будет отказано.

Нельзя не отметить, что ограничения или обременения включают запрет на действия либо сдерживание неправомерных действий. Но исключением будет ограничение либо обременение на объект недвижимости, если имеется право притязания третьих лиц на такое имущество. Так, гражданское законодательство может предусматривать запрет для собственников жилого помещения предоставлять его в аренду либо отчуждать. В этом случае, как закрепляет п. 3 ст. 292 ГК РФ, члены семьи собственника жилого помещения могут требовать устранения нарушений их прав на жилое помещение от любых лиц, включая собственника помещения. Следует отметить то обстоятельство, что ограничения или обременения права собственности на жилое помещение достаточно конкретные и направлены на создание действенных механизмов для сохранения жилищных правоотношений.

Собственники недвижимого имущества распоряжаются правами на свое усмотрение. Однако важность таких норм требует соблюдения прав и третьих лиц. Институт права собственности на недвижимое имущество включает в себя условные и предполагаемые законодательные обременения или ограничения (рисунок). Они возможны при любых гражданских правоотношениях (п. 3 ст. 287.3 ГК РФ) при реализации прав на недвижимость. Права, связанные с недвижимостью, стали сегодня действительно непростыми в условиях, когда меняются законы и создаются новые правила.

Таким образом, гражданское законодательство содержит в себе базовые положения, которые ориентированы на реализацию права собственности граждан. Более того, закреплены нормы по регламентации способов приобретения и прекращения права собственности на недвижимое имущество. Необходимо сказать, что законодательством регламентированы важнейшие сферы собственности

и вещных прав, в рамках которых реализуются права на приобретение и отчуждение имущества. Особенности внесения изменений в действующие законы продиктованы потребностями и условиями современного имущественного оборота, расширением объектов недвижимости.

Выводы. Анализ норм гражданского, земельного и жилищного законодательства позволил выявить специфику и проблемные аспекты правоприменительной практики. Правовое регулирование института права собственности в сфере недвижимости не исчерпывается закреплением классической триады правомочий: владения, пользования и распоряжения имуществом. При этом важнейшим элементом данного института выступает система ограничений и обременений прав собственника в целях обеспечения баланса частных и публичных интересов. Несмотря на отсутствие нормативно закрепленных определений понятий ограничений и обременений в сфере недвижимости, исследование позволяет сделать вывод о том, что они представляют собой различные правовые характеристики: ограничения носят нормативный характер, определяя общие границы осуществления права, в то время как обременения носят конкретно-определенный характер, что находит свое отражение в ЕГРН. При практической реализации права собственности в сфере недвижимости возникает ряд проблем. К ним, в частности, относятся неправомерное обременение права без согласия собственника недвижимости, что требует судебной защиты, а также проблемы, порождаемые динамикой законодательства, такие как запрет на распоряжение неотмежеванными земельными участками. Кроме того, сохраняется актуальность проблемы обременений, нарушающих права добросовестных приобретателей недвижимости. Таким образом, свобода усмотрения собственника в осуществлении правомочий владения, пользования и распоряжения недвижимым имуществом не является абсолютной. Она закономерно ограничивается в публичных целях для защиты прав и интересов третьих лиц и обеспечения устойчивости гражданского оборота. Совершенствование правового регулирования отношений в данной сфере видится в дальнейшей конкретизации понятийного аппарата и усилении гарантий защиты прав собственников недвижимости от неправомерных ограничений и обременений в законодательстве.

Литература

1. Болдырев Н.А. Пределы ограничения права собственности и иных конституционных прав // Аграрное и земельное право. 2023. № 5(221). С. 28–30.
2. Зейналова Л.М., Журавлева А.В. Проблемы ограничения и обременения права собственности граждан на жилое помещение в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1(205). С. 294–296.
3. Колосова Т.Е. Пределы и ограничения права собственности на землю // Modern Science. 2021. № 12–13. С. 215–219.
4. Никиташина Н.А., Чебодаева Е.А. Обременения и ограничения права собственности и иных вещных прав // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2023. № 4(46). С. 137–142.
5. Орлова Е.А. Защита прав третьих лиц при совершении сделок с недвижимостью // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 1(82). С. 411–416.
6. Чаркин С.А. О понятии и юридической природе ограничений права собственности на земельную недвижимость // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 2. С. 85–92.

АЛЕКСАНДРОВА НАДЕЖДА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nadyaalex@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-3010>).

КАРПОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alekkarp@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0770-5129>).

Nadezhda V. ALEKSANDROVA, Alexey V. KARPOV

RESTRICTIONS AND ENCUMBRANCES ON PROPERTY RIGHTS IN THE REAL ESTATE SECTOR

Key words: property, assets, real estate, restrictions, encumbrances, the Civil Code of the Russian Federation, real estate objects.

In the Russian legal system, a relevant range of issues is related to the institution of real estate. Depending on the intended purpose of the real estate object, the legislator may set restrictions or encumbrances for their use. They are aimed at protecting the interests of both owners and other participants in civil turnover: individuals and legal entities, public authorities. Most of the difficulties in implementing the real estate rights are of a civil law nature, which are caused by the conflicting content of legal norms and their effect on legal relations. Generalization and analysis of current practice in this area of relations indicates that there are some problems and the need to resolve them by making amendments and additions to existing laws and industry acts. This, in turn, should contribute to creating effective mechanisms and ways to protect the interests of owners in the field of exercising the right to property, removing restrictions and encumbrances of rights to real estate.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the legal nature and types of restrictions on ownership of real estate in the Russian civil law, as well as identifying their relationship to encumbrances and determining their impact on the scope of the owner's powers.

Materials and methods. The methods of general scientific and specific analysis, generalization were applied, which made it possible to identify the features of the topic under study and formulate conclusions for studying problematic aspects of restrictions and encumbrances of property rights in the real estate sector. The methodology of the work is based on applying an integrated approach focused on a comprehensive legal analysis of the stated problem. When considering and analyzing the issues raised, civil law provisions, scientific publications and works on real estate issues were used. A systemic approach is used as a methodological basis, including comparative legal and formal legal analysis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation, federal legislation and judicial practice.

Results. The study revealed the legal nature of these institutions as a deterrent mechanism that provides a balance between the rights of the owner and public or private interests. Based on scientific doctrine (S.A. Charkin, T.E. Kolosova) the authors considered and applied criteria for classifying restrictions and encumbrances, and determined their relationship: restrictions are understood as general objective limits of rights established by law, while encumbrances act as their specific forms, directly narrowing the scope of authority in relation to a particular object. The analysis of the regulatory material and the analysis of the court case made it possible to establish that the impact of restrictions and encumbrances is manifested mainly in the sphere of powers of use and disposal. At the same time, a comprehensive interdisciplinary nature of the institution was proved, which is regulated not only by the civil law, but also by land, housing law, and, in certain aspects, by the environmental and urban planning law. The study also revealed a number of such urgent law enforcement problems as difficulties associated with facilities on non-demarcated land plots, under-registration of rights in new buildings and the need to strengthen responsibility for concealing information about encumbrances.

Conclusions. Restrictions are a deterrent mechanism that provides a balance between the rights of the owner and public or private interests. They establish common boundaries for rights. Specific forms of restrictions that directly narrow the scope of authority are encumbrances. Their

impact on the rights of the owner is mainly manifested in the sphere of disposal and use of property. Ownership rights are a legal institution of a comprehensive, cross-sectoral nature, the norms of which are regulated by civil, land and housing legislation. Solving the problems of law enforcement practice requires further specification of legislative structures of restrictions and encumbrances, as well as the development of their uniform understanding in judicial practice.

References

1. Boldyrev N.A. *Predely ograniceniya prava sobstvennosti i inykh konstitutsionnykh prav* [Limits of restriction of property rights and other constitutional rights]. *Agrarnoe i zemel'noe parvo*, 2023, no. 5(221), pp. 28–30.
2. Zeinalova L.M., Zhuravleva A.V. *Problemy ograniceniya i obremeneniya prava sobstvennosti grazhdan na zhiloe pomeshchenie v Rossiiskoi Federatsii* [Problems of limiting and encumbering the right of ownership of citizens to residential premises in the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2022, no. 1(205), pp. 294–296.
3. Kolosova T.E. *Predely i ograniceniya prava sobstvennosti na zemlyu* [Limits and restrictions of land ownership]. *Modern Science*, 2021, no. 12-3, pp. 215–219.
4. Nikitashina N.A., Chebodaeva E.A. *Obremeneniya i ograniceniya prava sobstvennosti i inykh veshchnykh prav* [Encumbrances and restrictions on the right of ownership and other property rights]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, 2023, no. 4(46), pp. 137–142.
5. Orlova E.A. *Zashchita prav tret'ikh lits pri sovershenii sdelok s nedvizhimost'yu* [Protecting the rights of third parties in real estate transactions]. *Vestnik nauki*, 2025, vol. 3, no. 1(82), pp. 411–416.
6. Charkin S.A. *O ponyatii i yuridicheskoi prirode ogranicenii prava sobstvennosti na zemel'nyu nedvizhimost'* [On the concept and legal nature of restrictions on the right of ownership of land]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2024, no. 2, pp. 85–92.

NADEZHDA V. ALEKSANDROVA – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of Civil and Legal Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (nadyaalex@list.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7145-3010>).

ALEXEY V. KARPOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alekkarp@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0770-5129>).

Формат цитирования: Александрова Н.В., Карпов А.В. Ограничения и обременения права собственности в сфере недвижимости [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 50–60. URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2025/4/5>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-50-60.

УДК 347.964:004

ББК Х403.24+Ч486.93

Н.И. ДАНИЛОВ, М.Л. ТОЛСТОВА

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Ключевые слова: цифровые технологии, доказывание, доказательственное право, цифровизация, гражданский процесс, цифровые доказательства, электронные доказательства, допустимость доказательств, достоверность доказательств.

Исследование обусловлено интенсивной цифровизацией правоприменительной практики и широким использованием сторонами гражданского процесса данных, полученных с помощью цифровых технологий, при отсутствии их системного законодательного регулирования. Его содержание определяется системным противоречием между стремительным развитием и активным внедрением цифровых технологий в доказательственную деятельность участников гражданского судопроизводства и отсутствием процессуально-правового регулирования возникающих при этом отношений. Разрешение этого противоречия обладает значительной научной новизной и практической востребованностью, поскольку позволит создать эффективный механизм интеграции цифровых технологий в гражданское судопроизводство.

Цель исследования – проведение комплексного анализа возможностей и правовых рисков применения цифровых технологий в доказательственном процессе гражданского судопроизводства, а также разработка научно-практических рекомендаций по их использованию.

Материалы и методы. Исследование основано на анализе научных трудов по процессуальному праву, гражданскому законодательству и обобщении современной судебной практики российских судов общей юрисдикции. Использовался комплекс общенакальных и частнонаучных методов: диалектический, анализа и синтеза, сравнительно-правовой, формально-юридический и метод моделирования.

Результаты. Сформулирован авторское определение цифровых технологий в доказательном процессе гражданского судопроизводства. Цифровые технологии в доказательном процессе гражданского судопроизводства – это комплекс технологических средств, методов и алгоритмов, используемых для создания, сбора, обработки, хранения и представления доказательственной информации в цифровой форме, оказывающих преобразующее воздействие на традиционный доказательственный процесс и требующих специальных правовых механизмов регулирования. Выявлена и систематизирована практика применения цифровых технологий, на основе которой разработана расширенная классификация цифровых технологий, применяемых в доказывании. Уникальность приведенной расширенной классификации цифровых технологий в доказывании заключается в ее многомерности и процессуальной ориентированности, что выгодно отличает ее от существующих подходов. Определена специфика цифровых доказательств, показаны их отличия от классических электронных доказательств, которые могут стать основой для дополнения статьи 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Выявленные и проанализированные правовые риски, связанные с использованием цифровых технологий в доказывании, были систематизированы по трем ключевым для доказывания критериям: риски нарушения допустимости, связанные с незаконностью способов получения цифровой информации; риски недостоверности, обусловленные возможностью технологической фальсификации (дипфейки) и нарушения целостности данных; риски утраты относимости, вызванные сложностью установления связи цифрового доказательства с предметом доказывания.

Выводы. Проведенное исследование доказывает необходимость законодательного закрепления дефиниции «цифровые доказательства» и их процессуального режима

в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации. Это позволит унифицировать судебную практику и минимизировать риски, связанные с допустимостью, достоверностью и относимостью цифровых доказательств. Перспективы дальнейших научных изысканий видятся в развитии методик верификации цифрового контента и формировании этико-правовых стандартов применения цифровых технологий в доказательственной деятельности.

Введение. Современный этап развития общества характеризуется глубокой цифровой трансформацией всех сфер общественной жизни, включая правосудие. В гражданском судопроизводстве это проявляется в том числе в активном проникновении цифровых технологий в доказательственный процесс. Формируется новая цифровая парадигма доказывания, которая бросает вызов традиционным институтам доказательственного права.

Актуальность темы обусловлена наличием системных противоречий между стремительным развитием цифровых технологий и консервативностью гражданского процессуального законодательства. С одной стороны, стороны по делу все активнее используют данные из облачных хранилищ, историю браузера, информацию с устройств интернета вещей (IoT), блокчейн-реестры и иные цифровые артефакты для обоснования своей позиции, с другой – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹ не содержит понятия «цифровые доказательства», не установлены специальные правила их оценки и исследования, что создает правовой вакuum и порождает риски нарушения прав участников процесса.

Степень научной разработанности проблемы можно охарактеризовать как недостаточную. В научной литературе вопросы цифровизации затрагиваются преимущественно применительно к арбитражному процессу (труды А.В. Юдина [6], Д.Б. Абушенко [1]) или к уголовному судопроизводству (исследования Н.Н. Апостоловой [2], Е.Н. Кузнецовой [4]). Проблемы использования именно в гражданском процессе, где стороны обладают меньшими ресурсами и процессуальными возможностями, исследованы фрагментарно.

Цель исследования – провести комплексный анализ возможностей и правовых рисков применения цифровых технологий в доказательственном процессе гражданского судопроизводства, сформулировать понятие и признаки цифровых доказательств, разработать их классификацию и предложить систему принципов их использования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать эволюцию средств доказывания в гражданском процессе в контексте цифровой трансформации;
- сформулировать авторское определение «цифровых доказательств» и произвести их разграничение со смежными понятиями, прежде всего с «электронными доказательствами»;

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/-document/cons_doc_LAW_39570/

- разработать развернутую классификацию цифровых технологий, применяемых в доказывании, и привести примеры из судебной практики;
- выявить и систематизировать правовые риски, связанные с использованием цифровых доказательств;
- сформулировать принципы использования цифровых технологий в доказывании и предложить конкретные меры по совершенствованию гражданского процессуального законодательства и правоприменительной практики.

Научная проблема заключается в необходимости теоретического осмысления места цифровых технологий в системе средств доказывания гражданского процесса, выработки критерии их допустимости и достоверности, а также разработки на этой основе предложений по совершенствованию законодательства. Центральная проблема исследования заключается в необходимости разработки целостной концепции использования цифровых технологий в доказательственном процессе гражданского судопроизводства, обеспечивающей баланс между эффективностью правосудия, свободой сторон в доказывании, а также соблюдением фундаментальных процессуальных принципов. Данная проблематика обладает значительной научной новизной и практической востребованностью, поскольку ее разрешение позволит преодолеть имеющиеся правовые пробелы и создать эффективный механизм интеграции цифровых технологий в гражданское судопроизводство.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. Ведущую роль сыграл диалектический метод, позволивший рассмотреть цифровые технологии в доказывании как развивающееся явление, характеризующееся внутренними противоречиями (например, между необходимостью доказывания и защитой права на частную жизнь).

С помощью формально-юридического метода проанализированы нормы ГПК РФ, Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и иных нормативных правовых актов, регулирующих порядок представления и исследования доказательств¹. Сравнительно-правовой метод был использован для сопоставления подходов к регулированию цифровых доказательств в гражданском, арбитражном и уголовном процессах, а также для выявления зарубежного опыта.

Метод анализа применялся при изучении научной литературы и судебной практики, а синтез – для формулирования обобщенных выводов и предложений. Метод моделирования был использован для построения классификаций и разработки процессуальных механизмов использования цифровых доказательств.

Эмпирическую базу исследования составили:

- 1) научные труды отечественных авторов, посвященные проблемам доказательственного права и цифровизации правосудия (Н.Н. Апостолова [2], Е.Н. Кузнецова [4], Я.А. Куликова [5], А.В. Юдин [6], Д.Б. Абушенко [1] и др.);

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Фед. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

2) судебная практика судов общей юрисдикции Российской Федерации, в частности, решения Ленинского районного суда г. Самары по делу № 2-3130/2024¹, Октябрьского районного суда г. Иваново по делу № 2-1808/2024², Нижегородского районного суда по делу № 2-6334/2024³ и др.;

3) нормативные правовые акты, регулирующие вопросы информационных технологий и гражданского судопроизводства.

Результаты исследования. Цифровые технологии в доказательном процессе гражданского судопроизводства – это комплекс технологических средств, методов и алгоритмов, используемых для создания, сбора, обработки, хранения и представления доказательственной информации в цифровой форме, оказывающих преобразующее воздействие на традиционный доказательственный процесс и требующих специальных правовых механизмов регулирования.

Цифровые технологии в гражданском процессе выполняют целый ряд важных функций:

- 1) инструменты сбора цифровой информации (скрейпинг, парсинг, мониторинг);
- 2) средства фиксации и хранения информации (облачные хранилища, блокчейн);
- 3) технологии анализа информации (Big Data, искусственный интеллект);
- 4) способы представления информации (визуализация, интерактивные модели).

В процессуальном аспекте цифровые технологии являются средством реализации доказательственных действий, способом обеспечения достоверности и допустимости, механизмом исследования доказательств в суде, а также формой сохранения доказательственной ценности [3]. Тем не менее гражданское процессуальное законодательство не выделяет цифровые технологии как самостоятельную правовую категорию. Рассмотрим эволюцию средств доказывания: от письменных к цифровым доказательствам для разграничения с электронными доказательствами.

Исторически система средств доказывания развивалась вслед за технологическим прогрессом. Появление письменности привело к формированию письменных доказательств, развитие фото- и кинотехники – к вещественным

¹ Решение Ленинского районного суда г. Самары Самарской области по делу № 2-3130/2024 от 25.11.2024. URL: [https://leninsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=121961623&case_uid=02b26d9a-ad70-42f0-b983-9702e155704f&delo_id=1-540005&new=].

² Решение Октябрьского районного суда г. Иваново Ивановской области по делу № 2-1808/2024 от 22.10.2024. URL: https://oktyabrsky--iwn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=152610664&case_uid=669ad534-cd49-44c8-a9e2-c6923626f927&delo_id=1540005&new=.

³ Решение Нижегородского районного суда г. Нижний Новгород по делу № 2-6334/2024 от 25.11.2024. URL: https://nizegorodsky--nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&case_id=25268800&case_uid=5422005e-ecfa-44a0-961d-3e5a42c92001&delo_id=41&case_type=0&new=0- &srv_num=1.

доказательствам в виде фонограмм и видеозаписей [5]. Современная цифровая эпоха знаменует следующий этап этой эволюции.

Ключевым отличием цифровых доказательств является их природа. Если традиционные доказательства (включая электронные) имеют статичную форму и привязаны к конкретному носителю (бумага, диск, флеш-накопитель), то цифровые доказательства зачастую децентрализованы, динамичны и процессуальны. Они существуют в распределенной сетевой среде (блокчейн, облако), их содержание может зависеть от метаданных, алгоритмов обработки и момента доступа.

На основе проведенного анализа предлагается следующее определение цифровых доказательств. Цифровые доказательства – это информация, созданная, обработанная, переданная или хранимая с использованием цифровых технологий, которая имеет значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданского дела и для обеспечения достоверности которой требуются специальные средства и методы верификации. Таким образом, цифровые доказательства не тождественны электронным.

Разграничение цифровых и электронных доказательств представлено в таблице.

Соотношение электронных и цифровых доказательств

Критерий	Электронные доказательства	Цифровые доказательства
Правовая основа	ст. 71 ГПК РФ («иные документы и материалы»)	Законодательно не закреплены
Форма	Информация на электронном носителе (файл)	Данные в сетевой среде, алгоритм, цифровой след
Основная функция	Документирование фактов (аналог письменного доказательства)	Фиксация процесса, взаимодействия, состояния
Пример	Файл с видеозаписью с камеры наблюдения	Динамика интернет-трафика; запись в блокчейне о времени совершения действия; данные геолокации с метаданными

На основе проведенного анализа предлагается следующая развернутая классификация цифровых технологий, применяемых в гражданском процессе [2]:

- 1) по функциональному назначению:
 - технологии сбора и фиксации (парсинг данных, скрейпинг веб-страниц, использование API для получения данных из открытых источников, запись потокового видео);
 - технологии хранения и обеспечения целостности (облачные хранилища (Google Drive, Yandex Disk), технология блокчейн (создание неизменяемых и верифицируемых записей), распределенные реестры);
 - технологии анализа и обработки (большие данные (Big Data) и искусственный интеллект (ИИ) для выявления паттернов и прогнозирования; специализированное программное обеспечение для анализа аудио- и видеозаписей на предмет модификаций – детекция дипфейков);
 - технологии представления и визуализации (интерактивные 3D-модели местности или объектов; дашборды и графики, сгенерированные в режиме

реального времени; технологии виртуальной реальности (VR) для воссоздания обстановки происшествия);

2) по источнику формирования данных:

– пользовательские данные (история браузера, кэш приложений, логины с устройств);

– данные автоматизированных систем (показания счетчиков, данные с IoT-устройств («умный дом», телеметрия транспорта), записи автоматических кол-центров);

– публичные цифровые ресурсы (данные из веб-архивов (например, Wayback Machine), открытые государственные реестры, сведения из социальных сетей и мессенджеров);

– данные, генерируемые алгоритмами (криптографические хеши в блокчейне, результаты работы AI-моделей).

Внедрение цифровых доказательств порождает комплекс новых правовых рисков. С теоретико-прикладных позиций правовые риски использования цифровых доказательств проявляются в нескольких взаимосвязанных аспектах, среди них:

– риск нарушения допустимости. Ярким примером является использование истории браузера. Теоретически она может подтверждать совершение определенных действий (посещение сайта, осуществление платежа) [3]. Однако ее получение часто сопряжено с нарушением тайны частной жизни (ст. 23 Конституции Российской Федерации¹) или несанкционированным доступом к информации (ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации²). Суды справедливо исключают такие доказательства, добытые с нарушением закона (ч. 2 ст. 55 ГПК РФ);

– риск недостоверности (фальсификации). Технологии «дипфейк» (Deepfake) достигли такого уровня развития, что позволяют создавать высококачественные поддельные аудио- и видеоматериалы. Борьба с этим риском требует развития судебной экспертизы, специализирующейся на выявлении цифровых подделок, закрепления в законодательстве презумпции недостоверности цифрового доказательства при отсутствии возможности его независимой верификации, внедрения технологий цифрового водяного знака и сквозного шифрования для важных записей;

– риск нарушения принципа равноправия сторон. Технологии анализа Big Data и использования ИИ дороги и малодоступны для обычного гражданина. Крупная корпорация в споре с физическим лицом может иметь несправедливое преимущество, используя сложные аналитические инструменты. Для нивелирования этого риска возможно развитие системы процессуальной помощи, в том числе за счет государственных цифровых сервисов;

– риск «цифрового разрыва» в компетенциях. Суды и адвокаты старшего поколения могут испытывать трудности с оценкой цифровых доказательств,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ-прав. системы КонсультантПлюс.

что ведет к судебным ошибкам. Необходимо внедрение программ постоянного повышения квалификации в сфере цифровых технологий для всех участников процесса [4].

Для минимизации указанных рисков и обеспечения эффективности цифрового доказывания предлагается система принципов:

1. Принцип допустимости и законности способа получения. Цифровое доказательство не должно быть получено путем взлома, несанкционированного доступа или иного нарушения законодательства.

2. Принцип верифицируемости и достоверности. Должна быть обеспечена возможность проверки подлинности цифрового доказательства и отсутствия его модификации с момента создания. Ключевую роль здесь играют технологии блокчейн и электронной подписи.

3. Принцип обеспечения прав субъектов данных. Сбор и использование цифровых доказательств не должны ущемлять права граждан на неприкосновенность частной жизни, защиту персональных данных и т.д.

4. Принцип технологического нейтралитета суда. Суд должен оценивать не технологию как таковую, а информацию, полученную с ее помощью, на соответствие общим критериям относимости, допустимости и достоверности.

5. Принцип добросовестности. Стороны обязаны воздерживаться от злоупотребления цифровыми технологиями, в том числе от представления дипфейков, целенаправленного «загрязнения» цифрового пространства ложными данными и иных форм процессуального саботажа.

Выводы. Цифровые технологии стали неотъемлемым элементом современного доказательственного процесса в гражданском судопроизводстве, выполняющим двоякую функцию: с одной стороны, инструмента для собирания доказательств, с другой – самостоятельного источника доказательственной информации (цифровых доказательств).

Сформировавшаяся судебная практика подтверждает востребованность цифровых доказательств, однако их правовой режим остается неурегулированным, что порождает риски их недооценки, недопущения и нарушения прав участников процесса.

Для обеспечения единообразия судебной практики и эффективного использования потенциала цифровых технологий необходимо внесение изменений в гражданско-процессуальное законодательство. Целесообразно дополнить ст. 55 ГПК РФ понятием «цифровые доказательства». Кроме того, предполагается закрепить в отдельной статье (например, в ст. 71.1 ГПК РФ) критерии их допустимости, включая учет законности способа получения и возможности верификации. Также необходимо установить особенности их исследования в суде, предусмотрев при необходимости привлечение специалистов в сфере ИТ.

Перспективой дальнейших исследований является разработка процессуальных механизмов проверки цифровых доказательств на подлинность, в том числе с привлечением судебных экспертов – ИТ-специалистов, а также анализ этических аспектов использования искусственного интеллекта для прогнозирования судебных решений и оценки доказательств.

Литература

1. Абушенко Д.Б. Цифровые доказательства в гражданском и арбитражном процессе. М.: Статут, 2022. 256 с.
2. Апостолова Н.Н. Доказывание по гражданским делам с помощью цифровых технологий // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 2. С. 104–109.
3. Борисова Е.А., Зайцев А.В. Проблемы использования цифровых доказательств в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 4. С. 25–41.
4. Кузнецова Е.Н. Цифровые доказательства в гражданском процессе: понятие, критерии и проблемы правоприменения // Sci-lead.ru. 2025. № 5(206). С. 12–19. URL: <https://scilead.ru/article/8028-tsifrovie-dokazatelstva-v-ugolovnom-protsesse>.
5. Куликова Я.А. Цифровые технологии в процессе доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2024. № 6. С. 81–98.
6. Юдин А.В. Цифровая трансформация арбитражного процесса: проблемы и перспективы // Арбитражные споры. 2024. № 1. С. 45–63.

ДАНИЛОВ НИКИТА ИГОРЕВИЧ – ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Danilov2397@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6827-7825>).

ТОЛСТОВА МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Maryaleon@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9821-2404>).

Nikita I. DANILOV, Maria L. TOLSTOVA

DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE EVIDENTIARY PROCESS OF CIVIL PROCEEDINGS

Key words: digital technologies, evidence, evidentiary law, digitalization, civil procedure, digital evidence, electronic evidence, admissibility of evidence, reliability of evidence.

The study is due to intensive digitalization of law enforcement practice and a widespread use of data obtained through digital technologies by the parties to the civil procedure, in the absence of their systemic legislative regulation. Its content is determined by the systemic contradiction between a rapid development and active introduction of digital technologies into the evidentiary activities of participants in civil proceedings and the lack of procedural and legal regulation of the relations arising in this case. Resolving this contradiction is of considerable scientific novelty and practical relevance, as it will enable to create an effective mechanism for integrating digital technologies into civil proceedings.

The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the opportunities and legal risks of using digital technologies in the evidentiary process of civil proceedings, as well as to develop scientific and practical recommendations on their use.

Materials and methods. The research is based on the analysis of scientific works on procedural law, civil legislation and generalization of contemporary judicial practice of Russian courts of general jurisdiction. A combination of general scientific and private scientific methods was used: dialectical, that of analysis and synthesis, comparative legal, formal legal, and modelling methods.

Results. The author's definition of digital technologies in the evidentiary process of civil proceedings is formulated. Digital technologies in the evidentiary process of civil proceedings are a set of technological tools, methods and algorithms used to create, collect, process, store and present evidentiary information in the digital form, which have a transformative effect on the traditional evidentiary process and require special legal regulatory mechanisms. The practice of using digital technologies was identified and systematized, on

the basis of which an expanded classification of digital technologies used in evidence was developed. The uniqueness of this expanded classification of digital technologies in evidence lies in its multidimensionality and procedural orientation, which distinguishes it favourably from existing approaches. The specifics of digital evidence are determined, their differences from classical electronic evidence are revealed, which can become the basis for supplementing Article 55 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation. The identified and analyzed legal risks associated with the use of digital technologies in evidence were systematized according to three key criteria for proof: the risks of admissibility violations associated with the illegality of ways to obtain digital information; the risks of unreliability due to the possibility of technological falsification (deepfake) and data integrity violations; the risks of loss of relevance caused by the difficulty of establishing the connection between digital evidence with the subject of the proof.

Conclusions. *The conducted research proves the need for legislative consolidation of the definition of "digital evidence" and its procedural regime in the Civil Procedure Code of the Russian Federation. This will make it possible to unify the judicial practice and minimize the risks associated with admissibility, reliability and relevance of digital evidence. The prospects for further scientific research are seen in the development of digital content verification techniques and the formation of ethical and legal standards for the use of digital technologies in evidentiary activities.*

References

1. Abushenko D.B. *Tsifrovye dokazatel'stva v grazhdanskom i arbitrazhnym protsesse* [Digital Evidence in Civil and Arbitration Proceedings]. Moscow, Statut Publ., 2022, 256 p.
2. Apostolova N.N. *Dokazyvanie po grazhdanskim delam s pomoshch'yu tsifrovych tekhnologii* [Proof in Civil Cases with the Help of Digital Technologies]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*, 2023, vol. 10, no. 2, pp. 104–109. DOI: 10.18522/2313-6138-2023-10-2-14.
3. Borisova E.A., Zaitsev A.V. *Problemy ispol'zovaniya tsifrovych dokazatel'stv v grazhdanskom protsesse* [Problems of Using Digital Evidence in Civil Proceedings]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 25–41.
4. Kuznetsova E.N. *Tsifrovye dokazatel'stva v grazhdanskom protsesse: ponyatie, kriterii i problemy pravoprimeneniya* [Digital Evidence in Civil Proceedings: Concept, Criteria and Problems of Law Enforcement]. *Sci-lead.ru*, 2025, no. 5 (206). Available at: <https://scilead.ru/article/8028-tsifrovie-dokazatelstva-v-ugolovnom-protsesse> (Accessed Date: 2025, May 15).
5. Kulikova Ya.A. *Tsifrovye tekhnologii v protsesse dokazyvaniya v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Digital Technologies in the Process of Proof in Proceedings on Administrative Offenses]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2024, no. 6, pp. 81–98. DOI: 10.7256/2454-0595.2024.6.71563.
6. Yudin A.V. *Tsifrovaya transformatsiya arbitrazhnogo protsessa: problemy i perspektivy* [Digital Transformation of Arbitration Proceedings: Problems and Prospects]. *Arbitrazhnye spory*, 2024, no. 1, pp. 45–63.

NIKITA I. DANILOV – Assistant Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (Danilov2397@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-6827-7825>).

MARIA L. TOLSTOVA – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Financial Law, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (Maryaleon@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9821-2404>).

Формат цитирования: Данилов Н.И., Толстова М.Л. Цифровые технологии в доказательственном процессе гражданского судопроизводства [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 61–69. URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2025/4/6>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-61-69.

УДК 343.57-048.66(091)(470)

ББК Х408.132.11-1

А.В. СИДОРОВ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В РОССИИ**

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги, уголовно-правовая политика, история уголовного законодательства, политика противодействия наркотикам.

Рост наркопреступности в России свидетельствует о системных проблемах в действующей государственной политике противодействия незаконному обороту наркотических средств. Сложившаяся ситуация требует глубокого изучения исторических предпосылок и факторов, определивших современное состояние уголовно-правового регулирования.

Цель исследования – на основе историко-правового анализа этапов и ключевых изменений в политике уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в России сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию государственной политики в данной сфере.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Эмпирическую базу образуют исторические нормативные акты России X–XXI вв., труды отечественных правоведов, а также зарубежное законодательство, использованное для проведения сравнительного анализа.

Результаты. Проведен многоуровневый анализ эволюции правового регулирования оборота наркотических средств в России. Исследование охватило период от церковных уставов X в., в которых ответственность за оборот опасных веществ («зелий») связывалась с колдовством и находилась в церковной юрисдикции, до современных норм Уголовного кодекса Российской Федерации и федерального законодательства. Особое внимание было уделено трансформации правовых подходов на различных исторических этапах: в допетровский период, во время имперских реформ XVIII–XIX вв., в советский и постсоветский периоды. Выявлены ключевые тенденции развития антинаркотического законодательства: последовательная криминализация деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков; усиление влияния международных конвенций на национальное законодательство; постепенный переход от исключительно репрессивных мер к комплексным стратегиям, сочетающим профилактические и реабилитационные подходы. Установлено, что расширение перечня контролируемых веществ и ужесточение санкций исторически являлись реакцией на рост наркопреступности, однако эти меры не всегда приводили к устойчивым положительным результатам. Анализ также показал, что для эффективного правового противодействия такому виду преступлений необходимо учитывать социально-экономические факторы и развивать международное сотрудничество.

Выводы. Проведенное историко-правовое исследование позволило выявить ключевые этапы, тенденции и проблемные точки в развитии государственной политики противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в России. Эффективное противодействие незаконному обороту наркотиков требует комплексного подхода, сочетающего современные правовые нормы, межведомственное взаимодействие и международное сотрудничество. Перспективным направлением является создание международных органов по противодействию наркотрафику с участием России и стран-соседей. Реализация принципа коллективной ответственности государств и разработка скоординированных мер на основе исторического опыта необходимы для достижения устойчивых результатов в борьбе с наркопреступностью.

Введение. Вопрос о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, берет свое начало в далеком прошлом и претерпевает изменения параллельно с прогрессом человеческой цивилизации. Данная статья посвящена анализу исторических этапов формирования современной политики уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотиков в России. В работе рассматриваются ключевые законодательные инициативы, правовые меры и изменения в уголовном законодательстве, отражающие эволюцию подходов к борьбе с наркопреступностью.

Проблематика затронутой темы кроется в сложной и многогранной природе проблемы наркопреступности и противодействия ей. Статья направлена не только на то, чтобы проследить историческую эволюцию законодательства, но и на то, чтобы проанализировать комплекс факторов, повлиявших на ее формирование, выявив как успехи, так и провалы в борьбе с этим явлением. При этом большинство существующих на сегодняшний день научных работ на данную тему только констатируют исторические факты, а важно также провести критический анализ, выявив причины исторических неудач, повлекших ежегодные увеличения количества наркопреступлений, сформировав возможные альтернативные подходы.

Актуальность затронутой темы состоит в том, что в последние годы в России наблюдается рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что свидетельствует о сохранении и росте наркоситуации. Эффективность борьбы во многом зависит от понимания исторических причин и особенностей формирования правовой политики, поскольку именно исторический опыт позволяет выявить причины существующих проблем и определить наиболее эффективные стратегии. Кроме того, анализ исторического пути формирования законодательства помогает понять, какие меры были наиболее результативными, а какие – недостаточными или ошибочными, что важно для дальнейшего совершенствования правовой системы.

Данное исследование было инициировано в целях более глубокого понимания политики Российской Федерации по вопросу противодействия наркотикам.

Цель исследования – на основе историко-правового анализа этапов и ключевых изменений в политике уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ в России сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию государственной политики в данной сфере.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили исторические нормативные правовые акты, регламентировавшие вопросы оборота наркотических средств на территории России с X по XXI в. Теоретическую базу составили труды отечественных правоведов, посвященные исследуемой проблематике, которые были использованы для доктринального толкования норм прошлого. Для проведения сравнительного анализа были привлечены нормативные акты зарубежных государств постсоветского периода.

Методологическую основу работы составили следующие общенаучные и частнонаучные методы познания:

– историко-правовой, примененный для реконструкции генезиса и поэтапного развития уголовной политики и законодательства в их связи с социально-политическим контекстом эпох;

– сравнительно-правовой, использованный для сопоставления правовых подходов разных исторических периодов в России, а также для сравнения российской модели регулирования с зарубежными аналогами;

– формально-юридический (догматический), примененный для анализа структуры и содержания правовых норм, их толкования и систематизации.

Результаты исследования. Древний и средневековый периоды в истории российского законодательства характеризуются недостаточной систематизацией и неглубоким анализом ответственности за преступления, связанные с использованием наркотических, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. На сегодняшний день отсутствует полноценное исследование, объединяющее как исторические, так и догматические аспекты эволюции законодательства, регулирующего ответственность за подобные правонарушения в X–XVII вв. Немногочисленные исследования показывают, что в российском правовом поле термины, обозначающие опасные вещества, начали закрепляться с XVIII в. Так, понятие «ядовитые вещества (вещи, материалы)» вошло в употребление с XVIII в., «сильнодействующие вещества» – с XIX в., а термины «наркотические вещества» и «психотропные вещества» закрепились в юридической практике лишь в XX в. Ранее, начиная с X в., использовались понятия «зелье» и «отрава», которые частично охватывали вещества, соответствующие современным определениям наркотиков, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Уже в Уставе князя Владимира¹ (период с 996 по 1011 г.) упоминалось «зелье» как лекарство и приворотное средство. Согласно этому документу, составление и применение зелий, подобно ереси и колдовству, карались церковным наказанием (ст. 9), а чародеев, колдунов и создателей ядов относили к подсудности церковного суда. В расширенной редакции этого устава, представленной в XIV в., к списку преступлений добавлено «зелийничество», обозначающее искусство исцеления и приворота с использованием трав и растений, что подчеркивает контроль церковных властей над медицинской практикой того времени. В этом контексте «лечеца» приравнивался к церковным служителям, что свидетельствует о значительной роли церкви в правовом регулировании деятельности, связанной с использованием трав и веществ [7].

На основе сопоставления текстов Устава Владимира и летописных источников исследователь К.А. Неволин делает вывод, что «зелье» означало яд или отраву, а «зелийничество» – отравление ими [3]. Также в литературе отмечается, что в древние времена использование зелий и колдовство воспринимались как проявление связей с нечистыми силами и рассматривались как преступные деяния, связанные с колдовством и магией [5]. Изготовление зелья считалось настолько опасным преступлением, что предусматривались суровые меры ответственности за ложные обвинения в его использовании, а также за клевету в отношении женщин, обвиняемых в распутстве. Таким образом, обвинение в колдовстве и использовании зелий приравнивалось по степени тяжести к клевете и религиозным ересям [2]. Особое значение имеет то, что

¹ Устав князя Владимира Святославича о десятинах, судах и людях церковных [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: сайт. URL: <http://музейреформ.рф/node/13619>.

в юридической практике этого периода термин «зелье» охватывал широкий спектр веществ, которые могли бы быть отнесены к современным наркотикам, психотропным, сильнодействующим или ядовитым. В частности, в источниках встречаются упоминания о конопле – растении, которое в дальнейшем получило статус наркотического средства. В некоторых случаях изготовление и применение зелий рассматривались как формы колдовства или ворожбы, что подчеркивало двойственный характер использования опасных веществ – и в медицинских, и в магических целях.

Древнерусские нормативные акты, такие как Устав Владимира и его расширенные редакции, а также летописные сведения, свидетельствуют о том, что ответственность за преступления, связанные с использованием опасных веществ, закреплялась на церковном уровне, а также в княжеских уставах, основанных на византийском праве. В частности, в них фиксировались случаи ответственности за отравление и убийство посредством зелий. Примером служит положение о казни за отравление, зафиксированное в Городских законах [10].

Указы XVI–XVII вв., в частности Соборное уложение 1649 г.¹, закрепляли ляли ответственность за умышленное отравление, убийство с помощью яда и использование зелий для совершения преступлений, включая смертную казнь за соответствующие деяния. Наиболее яркие свидетельства о юридической ответственности за преступления, связанные с ядами и зелиями, содержатся в судебных актах, таких как соборные указы и указы царских времен [8]. Например, указ 1689 г.² предусматривал казнь за колдовство и использование магии для предсказаний и обещаний, а также за такие преступления, как отравление и убийство с помощью зелий. Важным аспектом являлось то, что в то время отравление рассматривалось как опасное и рискованное преступление, требующее суровых мер, включая пытки и казнь.

В целом в рамках законодательства XVII в. ответственность за преступления, совершаемые с использованием опасных веществ и зелий и связанные с колдовством, чародейством и отравлением, закреплялась через нормативные акты церковного и княжеского права. Эти нормы основывались на византийском церковном праве и имели существенное влияние на развитие российского уголовного законодательства, формируя основы для последующих правовых систем, регулирующих ответственность за преступления с опасными веществами.

В XIX в. развитие российского законодательства в области оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ происходило под влиянием расширения международных связей и усиления их регулирования. До середины этого века наркосредства преимущественно использовались в медицинских целях и не имели широкого распространения. Однако

¹ Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина: сайт. URL: <http://музейреформ.рф/node/13632>.

² Именной указ от 25.12.1689 г. № 1362 Петра I «О казни волшебников за предсказывание возмущения и за обещание обратить, посредством чародейства, благорасположение царя Петра Алексеевича и матери его, царицы Наталии Кирилловны, к преступникам и о наказании соучастников в сих преступлениях» // Сперанский М.М. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. III. С. 48–52.

в условиях активного развития внешнеэкономических контактов и внутренней миграции, особенно с регионами с развитым производством и употреблением опиума, государство начало ужесточать контроль за обращением опасных веществ.

Уже с 1830-х гг. в России началось ужесточение правил обращения с наркотическими средствами. По мере расширения границ империи, в том числе за счет включения новых территорий на Дальнем Востоке, где употребление опия было традиционной бытовой практикой, возникла необходимость более строгого регулирования оборота наркотических веществ. В этот период наименование и классификация веществ стали конкретизироваться: морфин, изобретенный в 1803–1817 гг., с 1830 г. включался в список контролируемых веществ как сильнодействующее; кодеин, синтезированный в 1832 г., – в список «В» с 1852 г.; героин впервые получен в 1874 г., а метадон – в 1942 г. Классификация токсичных и наркотических веществ в России начала формироваться еще в 1892 г. Тогда впервые была введена система деления веществ по категориям «А», «Б» и «В», где к группе «А» относили кодеин, морфин и кокаин, а к группе «В» – каннабинон (гашиш) и опий. Всего в систему было включено около 197 видов опасных веществ [1].

Распространение наркотиков в дореволюционной России особенно ощущалось в Средней Азии и крупных городах, где гашиш и опиум получили широкое распространение. По оценкам ученых и официальным данным, в 1880-х гг. в Туркестане уже имелось значительное число наркопотребителей, что вызвало обеспокоенность властей. В 1841 г. по именному указу Николая I¹ были введены новые запретительные меры, в том числе и запрет продажи опиума в российских колониях, в Средней Азии и на Дальнем Востоке, что свидетельствовало о росте наркобизнеса, особенно в связи с активизацией поставок из Индии, организованных английской Ост-Индской компанией, и их обменом на китайский чай и шелк. В этот же период были приняты специальные нормативные акты, ужесточавшие контроль за продажей и использованием наркотиков, такие как правила, регламентирующие продажу кокаина без рецепта.

Правовая регламентация в этот период включала ответственность за нарушение правил оборота ядовитых и сильнодействующих веществ, что закреплялось в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.² (далее – Уложение). Статьи этого документа предусматривали административную и уголовную ответственность за незаконную продажу и распространение наркотиков, а также за изготовление и хранение опасных веществ без соответствующих разрешений. Например, ст. 1074 устанавливала наказание в виде лишения свободы на 3–6 месяцев, а при повторных нарушениях – до одного года. В 1885 г. в Уложении была либерализована система наказаний, а также закреплялись санкции за производство, хранение и сбыт опиума, а также за содерхание притонов.

¹ Именной указ Николая I «О непропуске в Китайские пределы опиума» от 12 апреля 1841 года [Электронный ресурс] // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1845. Т. 19. Ст. 14450. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: тип. Второго отд-ния Собств. е. и вел. канцелярии, 1845. III, 592, XIV, 37 с.

Таким образом, в XIX в. в России происходило постепенное развитие системы правового регулирования обращения с наркотическими и ядовитыми веществами. Указанный период характеризуется формированием классификаций запрещенных веществ, на свободный оборот многих из которых был установлен запрет, детализацией и расширением, ужесточением ответственности за незаконный оборот таких веществ. Ученые отмечают, что правоведы царской России считали необходимым средством борьбы с преступностью пытку или квалифицированную казнь [9]. Указанные предпринятые государствами меры послужили почвой для выстраивания системы борьбы с усугубившейся во всем мире наркоторговлей в связи с развитием международных путей сообщения. То есть глобализация, с одной стороны, способствовала росту наркопреступности, но с другой – укреплению сотрудничества между государствами для борьбы с ней. Уже в первой половине XIX в. начались важные международные мероприятия по контролю за оборотом наркотиков. В 1880 г. состоялась первая конференция, а в 1911 г. – Шанхайская конференция, посвященная вопросам регулирования опиума. Основным этапом стала Гаагская конференция 1912 г., на которой впервые предприняли усилия по систематизации мер борьбы с наркотизмом, а также установлению критерии легальности производства и оборота наркотических средств через международное право.

В XX в. развитие законодательства в сфере контроля за оборотом наркотических, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ прошло через ряд этапов, отражающих как глобальные вызовы, так и внутренние социально-правовые преобразования. Начальный этап связан с принятием Уголовного уложения 1903 г.¹, где гл. IX «О нарушении постановлений, ограждающих народное здравие» (ст. 195–221) предусматривалась ответственность за нарушение правил изготовления, хранения и сбыта лекарственных веществ, а также за несоблюдение требований к учету рецептов и хранению рецептурных книг, а также за хранение и продажу ядовитых и сильнодействующих веществ без разрешений.

Глобальное осознание общественной опасности наркоторговли и злоупотреблений впервые прозвучало на международной арене на Шанхайской конференции 1909 г. По результатам данной встречи, спустя 3 года была создана Гаагская конвенция 1912 г. об опиуме², в которой обозначили необходимость создания эффективных правовых мер, включая ограничения экспорта обработанного опиума, запрет поставок готового опиума в страны, вводящие запрет на его импорт, а также централизацию производства морфина, кокаина и их производных на лицензированных предприятиях с обязательным учетом объемов производства и оборота.

Внутри России эти инициативы нашли отражение в императорском указе Николая II 1915 г.³, который запретил выращивание мака в Приамурье и Забайкалье,

¹ Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. [Электронный ресурс] // DSpace: сайт. URL: <https://dspace.spbu.ru/items/a1756712-02ba-4dc5-afb3-bcb88472ff22/full>.

² International opium convention. Signed at The Hague, January 23rd, 1912 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://mddoc.mid.ru-/api/ia/download/?uuid=32886c7b-d0c6-4067-80bb-cc9d58f99f22>.

³ Указ Николая II «О мерах борьбы с опиумерением», 1915 [Электронный ресурс] // Дилетант: сайт. URL: <https://diletant.media/articles/36621700/>.

импорт курительного опия и сопутствующих устройств, а также предусматривал санкции за посевы и нарушение запрета. В последующие годы, в условиях социальных потрясений Первой мировой войны и революции 1917 г., наблюдалась рост наркозависимости, масштабные нелегальные поставки и активизация наркобизнеса, что привело к ужесточению нормативной базы.

Советская власть начала систематическую борьбу с наркопреступностью с 1918 г. Так, согласно декрету СНК «О борьбе со спекуляцией кокаином»¹, правоохранительные органы были наделены полномочиями пресекать незаконные операции. В 1919–1920-х гг. были предприняты меры по ограничению легальных посевов мака, а также предусмотрено уголовное преследование за продажу и употребление опиума и гашиша. В 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР (далее – УК РСФСР)², предусматривавший ответственность за немасштабный оборот опиума и содержание притонов, а в 1924 г. были созданы специальные комиссии по борьбе с наркотиками и криминализации пропаганды наркомании.

В условиях социально-экономических потрясений и международных договоров, таких как Женевская конвенция 1925 г.³ и последующие соглашения, Россия привела внутреннее законодательство к требованиям международных стандартов. В 1924 г. советское руководство криминализировало незаконное изготовление и оборот наркотиков, а в 1926 г. введена государственная монополия на опиум и усилены санкции за нарушение правил обращения с сильнодействующими веществами. В 1934 г. уголовное преследование распространялось на посевы опийного мака и выращивание конопли без разрешения [6].

Присоединение СССР к международным конвенциям о контроле за наркотиками, начиная с 1961 г., обусловило систематизацию перечня контролируемых веществ и введение дифференцированных режимов их оборота. В 1963 г. в рамках ратификации Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г.⁴ были закреплены обязательства по контролю за списками веществ, а в 1965 г. – дополнены нормы, касающиеся посевов и выращивания запрещенных культур. В последующие годы усиливались санкции и расширялись перечни запрещенных веществ, а к 1980-м гг. введены нормы, предусматривающие ответственность за незаконное хранение, транспортировку и сбыт наркотиков, а также за создание притонов и сбыточных схем.

¹ Предписание СНК РСФСР от 31 июля 1918 № 7206-7212 «О борьбе со спекуляцией кокаином» // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.) / сост. А.А. Герцензон; под ред. [и с предисл.] И.Т. Голякова. М.: Госюризат, 1953. С. 31.

² Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375>.

³ Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств (Женева, 17 июня 1925 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753260?section=text>.

⁴ Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 года о поправках к Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 года // Бюллетень международных договоров. 2000. № 8. С. 15–50.

Дальнейшее развитие законодательства сопровождалось дифференциацией подходов. В 1974 г. впервые введена административная ответственность за немедицинское потребление наркотиков, ужесточены санкции для рецидивистов и предусмотрена возможность освобождения при добровольной сдаче. В 1987 г. в рамках реформ были приняты новые нормативные акты, криминализирующие вовлечение несовершеннолетних в потребление наркотических средств (ст. 210-2 УК РСФСР), а также устанавливающие уголовную ответственность за повторное хранение и потребление после административных взысканий (ст. 224-3). Введены запреты на несанкционированное выращивание технических сортов мака и конопли (ст. 225-1).

В 1991 г. в связи с распадом СССР был отменен институт ответственности за потребление наркотиков без назначения врача, однако сохранялась ответственность за сбыт и производство.

Таким образом, эволюция советского законодательства демонстрирует постепенный переход от системы регулятивных мер к усиленной уголовной репрессии, что было вызвано ростом наркозависимости, международным давлением и необходимостью систематизации мер борьбы с наркопреступностью. В целом в течение XX в. формировались все более жесткие и системные нормы, закреплявшие ответственность за любые формы незаконного оборота и потребления наркотических и психотропных веществ.

Постсоветский период характеризуется значительной трансформацией национальной политики и законодательства в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков. В 1993 г. в России была утверждена Концепция государственной политики по контролю за наркотиками¹, а ключевым этапом систематизации правового регулирования стало принятие Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) 1996 г.² Этот нормативный акт закрепил широкий спектр уголовных статей, криминализирующих операции с наркотическими и психотропными веществами, включая их изготовление, приобретение, хранение, перевозку, сбыт, а также связанные с ними противоправные действия, такие как хищение и вымогательство. В числе основных статей – ст. 228, предусматривающая ответственность за незаконные операции с наркотиками и психотропными веществами, а также ст. 229–233 и 151, касающиеся смежных преступлений.

В 1998 г. был принят федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах»³, закрепивший государственную монополию в сфере оборота, уточнивший основные понятия и определивший принципы национальной антинаркотической политики. Этот нормативный документ также закрепил соответствие российского законодательства положениям международных конвенций,

¹ О Концепции государственной политики по контролю за наркотиками в Российской Федерации: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 22.07.1993 № 5494-І [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102025052&page=1&rdk=0&link_id=13#I0.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102041891>.

³ О наркотических средствах и психотропных веществах: Фед. закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons-doc_LAW_17437.

таких как Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г.¹, Конвенция о психотропных веществах 1971 г.² и Конвенция ООН против незаконного оборота наркотиков 1988 г.³, ратифицированная СССР в 1990 г.

Эволюция уголовного законодательства свидетельствует о зависимом от международных стандартов характере его развития. Каждое расширение международных соглашений, регламентирующих контроль за оборотом наркотиков, сопровождалось увеличением перечня уголовных статей и конкретизацией преступных деяний в УК РФ. Так, начиная с 1997 г., в связи с введением регулирования оборота психотропных веществ, российское законодательство стало более подробно отражать современные международные требования, что особенно проявилось в 1998 г., когда перечень контролируемых веществ расширился до 217 наименований.

Поворотным для этого периода стал 1998 г., отмеченный вступлением в силу закона о наркотических средствах и психотропных веществах⁴ и созданием Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. В этот год также был принят и первый обобщающий судебный акт – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 9 от 27 мая 1998 г.⁵, в котором даны разъяснения по квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, включая понятие «сбыт», и ответственности за преступные схемы.

Рост масштабов наркопреступности и необходимость более эффективных мер привели к реформе 2003 г., которая выделила сбыт наркотиков в отдельный состав преступления, усилив уголовную ответственность за него.

В то же время в контексте глобальных вызовов, связанных с движением за легализацию наркотиков, возникли новые угрозы. Наркокартели активно использовали информационно-психологические методы воздействия: медийные кампании, публичные акции, киберпространство и лоббирование среди чиновников. Одним из ключевых инициаторов легализаторских тенденций выступил Джордж Сорос и его сеть «Открытое общество», которая оказывала влияние на наркополитические процессы в ряде стран, в том числе в США и странах Латинской Америки.

¹ Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года // Бюллетень международных договоров. 2000. № 8. С. 15–50.

² Конвенция о психотропных веществах [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121091.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/-/document/1900535>.

⁴ О наркотических средствах и психотропных веществах: Фед. закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/.

⁵ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.05.1998 № 9 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/own/7787/?ysclid=mfcejylio267470502>.

В США в 2009 г. произошли существенные изменения: федеральное руководство сосредоточилось на преследовании производителей, а медицинское использование марихуаны в штатах де-факто получило статус легального. Некоторые страны Латинской Америки поддержали такой подход и утвердили правовое регулирование, согласно которому хранение и употребление небольшого количества запрещенных веществ было легализовано. По мнению законодателей тех стран, такой подход помогал сосредоточить силы правоохранительных органов за контролем над увеличением контрабанды наркотиков.

На международной арене в 2009 г. наблюдался скоординированный сдвиг в сторону либерализации, проявившийся в дискуссиях о концепции «снижения вреда» и необходимости пересмотра политики запретов. Ведущие СМИ, такие как журнал «The Economist», критиковали традиционные подходы, заявляя о провале «войны с наркотиками» и предлагая в качестве альтернативы переход к системе регулирования, налогообложения и профилактической работы. Европейский опыт, особенно в Нидерландах и Швейцарии, демонстрирует более либеральную модель: в Нидерландах традиционно практикуется терпимое отношение к «легким» наркотикам, а в Швейцарии с 2008 г. реализуется программа легальной продажи героина по рецептам, что вызывает повышенный интерес к возможности внедрения подобных мер и в других странах [4].

Постсоветский этап развития законодательства и политики в сфере наркотиков также характеризовался переходом от жесткой уголовной репрессии к более сложным и многоуровневым стратегиям, включающим элементы регулирования, профилактики и международного сотрудничества. Несмотря на неоднозначность антинаркотической политики иных стран, где важным аспектом остается влияние глобальных институтов и движений за либерализацию, полноценная борьба с наркопреступниками в условиях глобализации возможна только силами мирового сообщества.

Выводы. Анализ исторического развития законодательства и правоохранительной практики показывает, что формирование современной политики в области противодействия незаконному обороту наркотиков является результатом длительного эволюционного процесса, претерпевшего значительные изменения в ответ на меняющиеся социальные, экономические и международные вызовы. Из результатов исследования следует, что для достижения положительных и заметных результатов в борьбе с наркопреступлениями необходимо придерживаться комплексного подхода и мер, в основе которых должны быть заложены постоянно актуализируемые правовые нормы, взаимодействие между всеми ветвями власти и государствами, а также периодические исследования современных тенденций в обществе. Учитывая изложенное, для решения глобальной проблемы наркотизации населения предлагается придерживаться принципов общей и коллективной ответственности всех стран, создавать новые internationальные органы по борьбе с наркотрафиком, объединяющие уполномоченных лиц России и близлежащих стран, используемых для ввоза и вывоза наркотиков.

Литература

1. Ажакина Т.А., Бабаян Э.А., Гришико А.Я. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. М.: Щит-М, 2005. 901 с.

2. Духовской М.В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. Ярославль: Тип. губ. земск. управы, 1873. 255 с.
3. Неволин К.А. Полное собрание сочинений. Исследования о различных предметах законоведения. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. Т. VI. 278 с.
4. Овчинский В.С. Легализация смерти // Наркоконтроль. 2009. № 2. С. 29-30.
5. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. 430 с.
6. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917–1952 гг. М.: Госюриздан, 1953. 464 с.
7. Серафим Владимирович Юшков. М.: Юридическая литература, 1989. 464 с.
8. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс] // Исторический факультет МГУ им. Ломоносова: сайт. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (дата обращения 13.09.2025).
9. Тасаков С.В. Нравственные основы уголовного наказания // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 18-20.
10. Харабет К.В., Толкаченко А.А. Христианское учение о преступлении и наказании. М.: Норма, 2009. 335 с.

СИДОРОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары; адвокат, Московская коллегия адвокатов «SED LEX», Россия, Москва (Sidorov.msk.advokat@yandex.ru).

Andrey V. SIDOROV

THE HISTORICAL ASPECT OF THE FORMING THE MODERN POLICY OF CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO DRUG TRAFFICKING IN RUSSIA

Key words: narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues, criminal law policy, history of criminal legislation, anti-drug policy.

The growth of drug crime in Russia indicates systemic problems in current state policy of countering illicit drug trafficking. The current situation requires an in-depth study of the historical background and factors that determined the current state of criminal law regulation.

The purpose of the study is to formulate scientifically sound proposals for improving state policy in this area based on a historical and legal analysis of the stages and key changes in the policy of criminal law counteraction to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in Russia.

Materials and methods. The methodological basis of the research consists of historical-legal, comparative-legal and formal-legal methods. The empirical basis is formed by the historical normative acts of Russia of the X–XXI centuries, the works of domestic jurists, as well as foreign legislation used for comparative analysis.

Results. A multilevel analysis of the evolution of the legal regulation of drug trafficking in Russia was carried out. The study covered the period from the church charters of the X century, in which responsibility for dangerous substances trafficking ("concoctions") was associated with witchcraft and was under ecclesiastical jurisdiction, up to modern norms of the Criminal Code of the Russian Federation and federal legislation. Special attention was paid to transformation of legal approaches at various historical stages: in the pre-Petrine period, during the imperial reforms of the XVIII–XIX centuries, in the Soviet and post-Soviet periods. Key trends in the development of anti-drug legislation were identified: consistent criminalization of acts related to drug trafficking; increased influence of international conventions on national legislation; gradual transition from exclusively repressive measures to comprehensive strategies combining preventive and rehabilitative approaches. Expanding the list of controlled substances and tightening sanctions were established to be historically a response to the rise in drug-related crime, but these measures did not always result in sustainable positive results. The analysis also showed that in order to effectively counteract this type of crime, it is necessary to take into account socio-economic factors and develop international cooperation.

Conclusions. The conducted historical and legal research made it possible to identify key stages, trends and problematic points in the development of the state policy for countering illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances in Russia. Effective counteraction to drug trafficking requires an integrated approach combining modern legal norms, inter-agency cooperation and international cooperation. A promising area is creation of international bodies to counter drug trafficking with the participation of Russia and neighboring countries. Implementation of the principle of collective responsibility of States and the development of coordinated measures based on historical experience are necessary to achieve sustainable results in the fight against drug crime.

References

1. Azhakina T.A., Babayan E.A., Grishko A.Ya. *Protivodeistvie nezakonnому oborotu narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv: uchebno-metodicheskoe posobie* [Counteracting the illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances: educational and methodological guide]. Moscow, Shchit-M Publ., 2005, 901 p.
2. Dukhovskoi M.V. *Ponyatie klevety kak prestupleniya protiv chести chastykh lits po russkomu pravu* [The concept of slander as a crime against the honor of individuals under Russian law]. Yaroslavl, 1873, 255 p.
3. Nevolin K.A. *Polnoe sobranie sochinenii. Issledovaniya o razlichnykh predmetakh zakonovedeniya* [Complete Works. Research on Various Subjects of Legislation]. St. Petersburg, 1859, vol. 6, 278 p.
4. Ovchinskii V.S. *Legalizatsiya smerti* [Legalization of Death]. Narkokontrol', 2009, no. 2, pp. 29–30.
5. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t.* [Russian Legislation of the 10th – 20th Centuries. 9 vols.]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1984, 430 p.
6. *Sbornik dokumentov po istorii ugolovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR 1917–1952 gg.* [Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and RSFSR 1917–1952]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1953, 464 p.
7. *Serafim Vladimirovich Yushkov* [Serafim Vladimirovich Yushkov]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1989, 464 p.
8. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [The Cathedral Code of 1649]. Available at: <https://www.hist-msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (Accessed Date: 2025, Sep. 13).
9. Tasakov S.V. *Nravstvennye osnovy ugolovnogo nakazaniya* [Moral Foundations of Criminal Punishment]. Rossiiskaya yustitsiya, 2020, no. 1, pp. 18–20.
10. Kharabet K.V., Tolkachenko A.A. *Khristianskoe uchenie o prestuplenii i nakazanii* [Christian Doctrine of Crime and Punishment]. Moscow, Norma Publ., 2009, 335 p.

ANDREY V. SIDOROV – Post-Graduate Student, Department of Criminal Law Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary; Attorney-at-Law, Moscow Bar Association «SED LEX», Russia, Moscow (Sidorov.msk.advokat@yandex.ru).

Формат цитирования: Сидоров А.В. Исторический аспект формирования современной политики уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотиков в России [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 70–81. URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2025/4/7>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-70-81.

С.В. ТАСАКОВ, Ч.Ш. КУПИРОВА

ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ КОНЦЕПТА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И ФЕНОМЕНА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: уголовное право, социальная справедливость, административная преюдиция, ответственность, права человека.

Административная преюдиция является одним из феноменов, составляющих специфику отечественной правовой культуры. Под административной преюдицией понимаются процедуры установления уголовной ответственности за рецидивы административных правонарушений. При этом и у законодателя, и в академическом сообществе не сложилось единого варианта интерпретации сущности административной преюдиции, обоснованности ее внедрения в уголовное право (является ли совокупность административных правонарушений основанием их квалификации как элементов сложного правонарушения), критерии ее эффективности. Отсутствие теоретической определенности феномена административной преюдиции в истории отечественной юриспруденции актуализировало вопросы, связанные как с практической реализацией самой этой нормы, так и с ее соответствием принципу социальной справедливости – основополагающему параметру правовой культуры.

Цель исследования – определение соответствия институций административной преюдиции и концепта социальной справедливости в рамках совершенствования норм правовой культуры.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись общенаучные (анализ,dedукция) и специально-юридические методы (сравнительно-правовой анализ, метод юридической интерпретации). В качестве эмпирической базы были использованы нормативные акты, научные публикации, электронные ресурсы официальных сайтов юридических справочно-правовых систем.

Результаты. Вопросы корреляции концепта справедливости и формата практической реализации административной преюдиции обозначили проблему соответствия нормы трансформации административной ответственности в уголовную базовым принципам юридической культуры. В частности, был определен комплекс противоречий, связанных с проблемой двойного наказания, субъективной интерпретации личности правонарушителя, обеспечения норм юридического равенства, соответствия наказания тяжести совершенного правонарушения, презумпции невиновности в качестве имманентных составляющих административной преюдиции.

Выводы. В отечественной юридической культуре сложились антонимично-полярные, по сути, подходы к соответствию норм административной преюдиции и ресурсов их правоприменения с принципами социальной справедливости. Концепция сложения различных правонарушений как основы уголовного преследования противоречит закону и параметрам определения преступления, как множественного и как единичного. Основу характеристики правонарушения как преступления составляет деяние, составляющее значительную общественную опасность, что противоречит составу административного правонарушения. Нормы административной преюдиции представляют собой неоднозначную систему, базирующуюся на интерпретации комплекса повторяющихся правонарушений в качестве злонамеренного рецидива, что, очевидно, не может быть доказано и, следовательно, является нарушением базовых принципов уголовного права.

Введение. Идея социальной справедливости является базовым концептом наполнения правового пространства реальным содержанием. Принцип справедливости – безусловная идеологическая платформа идеальных императивов о необходимо-должной организации социального бытия, где право предстает в качестве универсальной институции регламентации значимых вопросов общественного взаимодействия. Право представляет собой зримое выражение общественных представлений об органичной модели социального взаимодействия, это специфический инструментарий воплощения идеалов справедливости в эмпирико-практическую плоскость бытия человека и общества. В свою очередь, эффективность правовых регламентов в значительной степени обусловлена степенью соответствия их содержания постулатам общественных представлений о справедливости. Справедливость – это определяющий принцип права, актуализированный в ответственности за нарушения положений, установленных законом. Заявленный принцип выражен в гл. 1 Конституции Российской Федерации¹ и нормативных актах. В действующем уголовном законе концепция справедливости содержится в ст. 6, ч. 2 ст. 43 и ч. 1 ст. 60 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ).

Политика Российской Федерации, как в международных отношениях, так и в сфере организации внутренней жизни общества, на современном этапе направлена на культтивирование принципов государственной суверенности, основанной на национальных представлениях о необходимости данной организации мира социального взаимодействия. Органы власти также уделяют внимание совершенствованию норм административной и уголовной ответственности, в частности их взаимосвязи, выраженной в феномене административной преюдиции. Административная преюдиция является специфическим инструментом юридической культуры, применение которого получило в среде специалистов-практиков и академическом сообществе широкий резонанс [5]. Институт административной преюдиции позиционируется как установление мер уголовной ответственности за неоднократное (повторное) совершение противоправных действий административного характера. Специфика значений заявленного феномена заключается как в территориально-локальном характере его реализации (формат возникновения, становления, развития административной преюдиции, ее теоретической разработки и практического применения связан прежде всего с отечественной школой юриспруденции и не получил широкого распространения на международном уровне), так и в темпорально-временном ракурсе (конституализация принципов административной преюдиции была введена в советский период, исключена из практики в 90-е гг. ХХ в. и вновь стала достоянием юридической культуры в 2009 г.).

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 24.08.2025).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 08.08.2025).

Институции англосаксонской, континентальной и мусульманской правовых систем не предусматривают кодификацию административных проступков в качестве специфического вида правонарушений, сопрягая его с мерами ответственности уголовного характера, обусловливая заявленный формат объемом нанесенного ущерба и степенью угрозы общественному спокойствию (правопорядку). В законодательстве Великобритании, США, Бахрейна, Кувейта и других стран нарушения административного характера рассматриваются как проступки, наказания за которые назначаются в упрощенном порядке (в том числе и внесудебными инстанциями), форматируя их при этом в перечне вопросов, входящих в компетентностную сферу уголовного права.

В континентальной (романо-германской) традиции вплоть до середины XX в. культивировался аналогичный подход, однако значительный рост объема обращений в суды по вопросам уголовных деликтов, не представляющих существенной общественной опасности (наказуемых штрафом), обусловил переход от универсализации уголовной юстиции к конституализации особого «уголовно-административного законодательства». В частности, в ФРГ в 1952, 1962, 1968 и 1975 гг. были приняты положения, составившие содержание Законодательства об административных правонарушениях – Gesetz über Ordnungswidrigkeiten (OWIG), предусматривающие предоставление федеральным, государственным и местным органам административного управления права вынесения предупреждений и штрафов в качестве наказания за проступок (деяние, совершение которого предусматривает наказание в виде штрафа) [8].

Судебно-правовыми структурами Европейского союза (решение Европейского суда по правам человека от 21 февраля 1984 г.)¹, отталкивающимися от сложившейся традиции и руководствуясь концептом создания единого правового пространства, было определено, что сфера «административных правонарушений» остается частью «уголовного права в широком смысле» (criminalmatter, или matière pénale), распределяя тем самым на лиц, подвергшихся обвинению в нарушении административного законодательства, гарантии, содержащиеся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 октября 1950 г. для обвиняемых по уголовным делам². В данном случае принципиальным является факт распространения на сферу производства по административным правонарушениям всего спектра гарантий, предусмотренных европейским законодательством по защите и соблюдению прав лиц, подвергнутых уголовному преследованию [2].

Таким образом, в мировой юридической практике преобладает сдержанное отношение к вопросам взаимопроникновения норм административной и уголовной ответственности, вследствие чего проблематика теоретического развития

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 21.02.1984 [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/67320/> (дата обращения: 29.08.2025).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 24.07.2025).

и практической реализации ресурсов административной преюдиции актуализируется прежде всего в отечественных научных школах и юридических культурах, «генетически» с нею связанных (правовые системы стран бывшего СССР – Беларуси, Грузии, Узбекистана, Таджикистана и др.).

Цель исследования заключается в определении соответствия институций административной преюдиции и концепта социальной справедливости в рамках совершенствования норм правовой культуры.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись общенаучные (анализ, дедукция) и специально-юридические методы (сравнительно-правовой анализ, метод юридической интерпретации). В качестве эмпирической базы были использованы нормативные акты, научные публикации, электронные ресурсы официальных сайтов юридических справочно-правовых систем.

Результаты исследования. Принципы, соответствующие концепту уже сточения наказания за повторные правонарушения, получили отражение уже в первых памятниках истории отечественного государства и права, при этом заявленное правило применялось в отношении лиц, совершивших уголовные преступления. Согласно ст. 5. Белозерской уставной грамоты¹, воровство преследовалось и наказывалось: в первый раз возмещением ущерба, в случае рецидива (повторной кражи) – конфискацией всего имущества преступника или продажей его самого в холопы и в третий раз – смертной казнью через повешение. Ст. 8. Псковской судной грамоты декларировала: «Кто совершил хищения на посаде два раза, то вора жизни не лишать, но наказать в соответствии с его виной, а в третий раз кто совершил хищение, того казнить»². Аналогичные положения содержались в Судебниках 1497³ г. и 1550 г.⁴ и Соборном уложении 1649 г.⁵

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁶ впервые в отечественной юриспруденции была осуществлена дифференциация правонарушений на преступление и проступок, где в качестве критерия деления выступила степень их угрозы общественному правопорядку и безопасности частных лиц. В этом нормативном документе определялось в качестве преступления действие или бездействие вследствие незаконного посягательства на права

¹ Уставная Белозерская грамота [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=5206> (дата обращения: 29.08.2025).

² Псковская судная грамота [Электронный ресурс]. URL: <https://dosros.ru/upload/iblock/9f4/h73-525y2nk3cn3hg0uwudgq2agovhk3a.pdf> (дата обращения: 29.08.2025).

³ Судебник 1497 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1497> (дата обращения: 29.08.2025).

⁴ Судебник 1550 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sudebnik1550> (дата обращения: 29.08.2025).

⁵ Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс] URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sobor-noeulozgenie1649> (дата обращения: 29.08.2025).

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/local/tools/exalead/getFiles.php?book_id=000199_000009_002889696&name=000199_000009_002889696-Уложение%20о%20наказаниях%20уголовных%20и%20исправительных&doc_type=pdf (дата обращения: 29.08.2025).

Власти Верховной и установленных Ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц, в то время как проступок квалифицировался как нарушение правил, предписанных для охранения определенных законом прав и общественной или же личной безопасности. Де-факто проведенное разделение является очевидной демонстрацией дифференциации норм уголовного и административного законодательства. Более того, в этом Уложении представлен очевидный прецедент реализации принципа административной преюдиции в нормах закона.

Советская юриспруденция апеллировала к мерам, соответствующим формату административной преюдиции в качестве одного из инструментов становления гражданской ответственности членов нового социалистического общества. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г.¹ в ч. 1 ст. 79 предписано вынесение наказания за отказ от уплаты денежных или натуральных налогов, выполнения повинностей или производства работ общегосударственного значения, в ч. 2 закреплены меры уголовного преследования за повторное совершение указанных правонарушений.

Дальнейшее развитие юридической науки в целом и раздела уголовно-правовой ответственности в частности направлено на распространение мер административной преюдиции на все большее число правонарушений. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г.² было несколько десятков статей, относимых к составам преступлений, содержащих меры реагирования, относимые к административной преюдиции. Например, ст. 162.4 – «Незаконное предпринимательство»; ст. 166 – «Незаконная охота»; ст. 224.3 – «Незаконное приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах» и ряд других. Особого внимания заслуживает тот факт, что принципы административной преюдиции были включены в содержание Уголовного кодекса РСФСР не только в целях усиления мер юридической ответственности (наказания) за определенные виды противоправных действий, но и в качестве институции частичной декриминализации уголовно-правового законодательства в случаях, не представляющих значительной общественной опасности. В частности, нарушение правил советской торговли, согласно Уголовному кодексу РСФСР 1960 г., признавалось преступлением только вследствие совершения повторных нарушений при условии наличия уже наложенного административного взыскания, совершенного ранее.

Таким образом, в Уголовном кодексе РСФСР изначально содержались принципы административной преюдиции в качестве определяющего момента предотвращения рецидива правонарушений, влекущих за собой непосредственный ущерб государству. При этом необходимо отметить, что в советской уголовно-правовой политике отсутствовало стремление составить универсальную

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс] // КонсультПлюс: [сайт]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения: 23.08.2025).

² Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 [Электронный ресурс] // Система Гарант. URL: <http://base.garant.ru/10107062/> (дата обращения: 29.08.2024).

модель структурирования преступлений, в отношении которых было возможно применение мер административной преюдиции.

В 1996 г. в структуре вновь принятого УК РФ положений о нормах, связанных с применением административной преюдиции, не оказалось. Таким образом, этот институт оказался исключенным из правового поля. Основанием для исключения этого положения послужило содержание ст. 50 Основного закона (Конституции Российской Федерации) о невозможности наказания за одно преступление повторно.

В 2009 г. Президент Российской Федерации в послании Федеральному Собранию отметил необходимость модернизации теоретического и практического содержания правового пространства в целом и сферы уголовно-правового регулирования в частности, прямо указав, что «в уголовном законе необходимо лучше использовать меры так называемой административной преюдиции» в качестве действенного средства профилактики правонарушений, «привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения»¹.

В 2011 г. в содержание ст. 151.1 УК РФ было привнесено положение административной преюдиции в разделе об ответственности за неоднократно совершенную продажу алкосодержащей продукции несовершеннолетним, в 2014 г. в УК РФ внесены аналогичные изменения в содержание ст. 212.1 – неоднократное нарушение порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, ст. 264.1 – управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, ст. 284.1 – участие в деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной ее деятельности на территории Российской Федерации, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость. Изменения, затрагивающие систему реализации норм административной преюдиции, были внесены в отдельные статьи УК РФ в 2015 г. (ст. 215.4), в 2016 г. (ст. 116.1, 158.1), в 2017 г. (ст. 171.4) и т.д.

В комплексе причин внесения изменений в содержание отдельных статей УК РФ необходимо указать:

- 1) возрастающее количество коллизий, возникающих при квалификации повторных деяний преступного характера;
- 2) отсутствие в УК РФ (в период 1997–2009 гг.) норм с административной преюдицией выявило уязвимость принятой модели административных форм ответственности.

Возвращение в УК РФ административной преюдиции инициировало начало дискуссии о соответствии указанных норм принципам гражданского общества, социальной справедливости и уголовно-правовой законности.

¹ Послание Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 12.11.2009 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93657/ (дата обращения: 29.08.2025).

Формат дискуссии в значительной степени был обусловлен отсутствием у членов научного сообщества общепризнанного подхода к проблемам сущности административной преюдиции, практической целесообразности ее применения в современных условиях (например, в УК РФ отсутствуют четкие признаки и дефиниции преюдиции). Законодатель, в свою очередь, не сумел выработать комплекс универсальных принципов включения норм административной преюдиции в действующую правовую систему (отсутствует общий подход к форматированию норм преюдиции и ее использованию в уголовном законодательстве) [3]. Юристами предлагались различные дефиниции понятия административной преюдиции, но только на академическом, доктринально-концептуальном уровне. При этом в отечественном уголовном праве, несмотря на очевидную лояльность к принципу административной преюдиции, не было сформулировано ее окончательных категориально-понятийных параметров, что, безусловно, является действенным препятствием к решению задач, связанных с определением ее значения и перспектив совершенствования.

Представленное положение дел (уязвимость рассматриваемого феномена с позиции определения его объема и содержания) не могло не актуализировать комплекс вопросов, обусловленных порядком его практической реализации, в частности квалификации, стадий, степени соучастия в преступлениях такого рода, и целого ряда сопутствующих проблем (что влечет за собой возможность необоснованного применения норм административной преюдиции). Сложившаяся ситуация, безусловно, требует разрешения в рамках определения степени эффективности, целесообразности рассматриваемого феномена и его корреляции с принципами социально-правовой справедливости.

Ряд специалистов (например, Г.Р. Баркаев [1], В.А. Маслов [7]) определяют институт административной преюдиции в качестве действенного способа противодействия преступности, эффективного инструментария профилактики соблюдения установленного законодателем порядка проведения общественных мероприятий, правил розничной торговли и др. Юридической формулой обоснования позиции сторонников рассматриваемой меры является определение личности правонарушителя как склонного к повторению противоправных действий административного характера, представляющих существенную общественную опасность, что предполагает применение строгих мер ответственности. В целом заявленный подход разделяет и Конституционный суд Российской Федерации, определивший наличие неснятой судимости в качестве признака оценки личности обвиняемого как обладающей повышенной общественной опасностью¹.

Другие ученые (например, Н.А. Лопашенко [6]) характеризуют возвращение административной преюдиции в систему уголовного правоприменения как значительную ошибку, влекущую за собой глубокие негативные социальные и юридические следствия. В частности, ставится под сомнение эффективность

¹ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» [Электронный ресурс] // Гарант.ру: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71509066/> (дата обращения: 29.08.2025).

преюдиции в качестве средства предотвращения рецидива административных правонарушений, так как общепризнанным является факт, постулирующий отсутствие непосредственной связи между ужесточением наказания и укреплением основ общественного правопорядка. Еще одним веским аргументом противников принципов абсолютной преюдиции является двойная ответственность правонарушителя, на которого первоначально накладывается ответственность за административный проступок, которая впоследствии квалифицируется по совокупности в качестве элементарной составляющей уголовного преступления, что тем самым является нарушением еще одного из базовых юридических принципов – «*non bis in idem*» (за одно не дважды). Приведенная аргументация ставит под сомнение обоснованность возвращения административной преюдиции в сферу правоприменения, что в принципе совпадает с международной судебной практикой, в частности решение по делу «Сергей Золотухин против России»¹, в котором определено, что административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административной ответственности² (мелкое хулиганство), не может являться структурным элементом состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ (хулиганство).

Таким образом, в отечественной юридической науке сложились антонимично-полярные, по сути, подходы к значению норм административной преюдиции и ресурсов их правоприменения. На сегодняшний день действующим уголовным законом России регламентировано более чем в 30 преюдициальных составов преступлений, содержащихся в различных сферах общественных отношений, охраняемых законом, что свидетельствует о достаточной степени востребованности рассматриваемых принципов [4]. При этом в рамках проблем соотношения концепта справедливости и норм административной преюдиции необходимо отметить, что рассматриваемая норма, очевидно, содержит ряд уязвимых положений. В частности, вопрос о разнице в наказании за одни и те же правонарушения, когда одни лица привлекаются к уголовной, а другие за совершение тех же действий – к административной ответственности.

Привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего ряд административных правонарушений, на основании систематического проявления «злого умысла» нарушителя представляется крайне сомнительным способом обоснования обвинения в силу принципиальной недоказуемости самого факта системности злонамеренности: «Умысел на каждое правонарушение возникает отдельно и реализуется полностью, окончательно» [6. С. 68]. Недоказуемость внутренней связи каждого из правонарушений делает их «единство» результатом субъективно-конструктивистской деятельности мышления, а не следствием формально логического вывода: «Все административные правонарушения, совокупность которых на определенном этапе объявляется законодателем преступной абсолютно по механическому признаку – повторяемости и накоплению

¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 10.02.2010 [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/12168976/> (дата обращения: 29.08.2025).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 24.08.2025).

самостоятельных административных правонарушений, – никоим образом не связаны между собой, они – разные» [6. С. 67]. Определяющим фактором становится принцип субъективного вменения, предполагающий характеристику обвиняемого как изначально предполагающего умысел на совершение ряда (комплекса) последовательных правонарушений, что, очевидно, представляет явное посягательство на презумпцию невиновности. Административное правонарушение – самостоятельный вид противозаконных действий, располагающий всеми необходимыми и достаточными признаками завершенного правонарушения, умысел на который форматируется независимо от другого, что исключает квалификацию совокупности административных правонарушений как элементов сложного уголовного преступления [9].

Принцип справедливости в рамках рассматриваемой проблемы предполагает, что лицо подлежит административной ответственности за правонарушения, входящие в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП), и никак иначе. Императив справедливости как социальная основа уголовно-административной ответственности конкретизируется в аксиомах равенства всех перед законом и судом, уважения чести и достоинства участника юридического процесса, защиты его законных прав и интересов, а тяжесть наказания должна соответствовать характеру правонарушения, а не быть обусловленной субъективно-личностными оценками. В противном случае прямо нарушается презумпция невиновности, обвиняемому заведомо приписываются качества, наличие которых является следствием субъективной интерпретации, а не обоснованного доказательства, что неизбежно влечет за собой нивелирование истинных значений правонарушения и, как следствие, вынесение необоснованных судебных решений. Равенство перед законом означает, что в отношении всех граждан в одних и тех же условиях применяются одни и те же юридические нормы и правила и трактовки обстоятельств, исключающих возможность назначения различных видов наказания за совершение одного и того же проступка.

Выводы. Вопросы корреляции концепта справедливости и формата практической реализации административной преюдиции обозначили проблему соответствия нормы трансформации административной ответственности в уголовную базовым принципам юридической культуры. В частности, был определен комплекс противоречий, связанных с проблемой двойного наказания, субъективной интерпретации личности правонарушителя, обеспечения норм юридического равенства, соответствия наказания тяжести совершенного правонарушения, презумпции невиновности в качестве имманентных составляющих административной преюдиции.

Таким образом, в отечественной юридической культуре сложились антонимично-полярные, по сути, подходы к соответствию норм административной преюдиции и ресурсов их правоприменения с принципами социальной справедливости. Концепция сложения различных правонарушений как основы уголовного преследования противоречит закону определения преступления, как множественного и как единичного. Основу характеристики правонарушения

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 24.08.2025).

как преступления составляет деяние, создающее значительную общественную опасность, что противоречит составу административного правонарушения. Нормы административной преюдиции представляют собой неоднозначную систему, базирующуюся на интерпретации комплекса повторяющихся правонарушений в качестве злонамеренного рецидива, что, очевидно, не может быть доказано и, следовательно, является нарушением базовых принципов уголовного права.

Наша позиция заключается в исключении из юридической практики норм трансформации административного правонарушения в уголовное преступление как противоречащих базовым принципам справедливости, зафиксированным в Конституции Российской Федерации (равенство всех перед законом, невиновности, объективности). Внесение тех или иных правонарушений в соответствующие кодексы (КоАП РФ либо УК РФ) определяется только значимостью объекта преступных посягательств и объемом нанесенного ущерба, что исключает экстраполяцию на личность субъекта правонарушения априори недоказуемых субъективных оценок (наличие умысла на повторное совершение правонарушения). Повторяемость правонарушений не является основанием трансформации сущностной платформы правонарушения, выраженной в степени его общественной опасности, и, следовательно, не может стать основанием уголовного регулирования.

Литература

1. Баркаев Г.Р. Социальная обусловленность уголовной ответственности за уклонение от административного надзора // Закон и право. 2022. № 6. С. 118–121.
2. Добров А.Н., Баранова С.А. Административная преюдиция в уголовном и административном праве. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2021. 60 с.
3. Кибальник А.Г., Маххагов З.З. Административная преюдиция в уголовном праве: вопросы de lege lata и de lege ferenda. М.: Юрлитинформ, 2023. 160 с.
4. Коноплева Л.Л. Сравнительный анализ законодательных подходов к проблеме разграничения административных правонарушений и преступлений в зарубежных странах и в России // Проблемы права. 2016. № 2(56). С. 98–102.
5. Кривельская О.В., Дорохина Н.В. Институт административной преюдиции в современном административном и уголовном праве // Образование и право. 2023. № 11. С. 275–279.
6. Лопащенко Н.А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3(23). С. 64–71.
7. Маслов В.А. Допустимость административной преюдиции в контексте общности отраслей уголовного и административного права // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 39–49.
8. Хавронюк Н.И. Административная преюдиция и институт рецидива с точки зрения уголовного права европейских стран [Электронный ресурс] / Центр исследований правовой политики. 2010. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30850280 (дата обращения: 06.06.2025).
9. Шишкиов С.Н., Полубинская С.В. Проблема невменяемости субъекта административного правонарушения (в контексте преступлений с административной преюдицией) // Уголовное право. 2022. № 4(140). С. 64–74.

ТАСАКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор, проектор по общим вопросам, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tasakov@mail.ru).

КУПИРОВА ЧУЛПАН ШЕУКАТОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (chulpan27@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5573-5050>).

Sergey V. TASAKOV, Chulpan Sh. KUPIROVA

**PROBLEMS OF COMPATIBILITY BETWEEN THE
CONCEPT OF SOCIAL JUSTICE
AND THE PHENOMENON OF ADMINISTRATIVE PREJUDICE
IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Key words: criminal law, social justice, administrative prejudice, responsibility, human rights.

Administrative prejudice is one of the phenomena that make up the specifics of the national legal culture. Administrative prejudice refers to the procedures for establishing criminal liability for recidivism of administrative offenses. At this, neither legislators nor the academic community have agreed on a single interpretation of the essence of administrative prejudice, the validity of its introduction into the criminal law (whether the totality of administrative offenses is the basis for their qualification as elements of a complex offense), and criteria for its effectiveness. The lack of theoretical certainty of administrative prejudice phenomenon in the history of Russian jurisprudence raised issues related both to the practical implementation of the norm in question and to the scope of its compliance with the principle of social justice, a fundamental parameter of legal culture.

The purpose of the study is to determine the conformity of institutions with administrative prejudice and the concept of social justice in the framework of improving the norms of legal culture.

Materials and methods. The research used general scientific (analysis, deduction) and special legal methods (comparative legal analysis, method of legal interpretation). To achieve this goal, regulations, scientific publications and electronic resources of official websites of legal reference legal systems were used.

Results. The issues of correlation between the concept of justice and the format of practical implementation of administrative prejudice identified the problem of compliance of the norm of transformation of administrative responsibility into criminal responsibility with the basic principles of legal culture. In particular, a set of contradictions was identified related to the problem of double punishment, a subjective interpretation of the offender's personality, ensuring the norms of legal equality, the conformity of punishment with the severity of the offense, and the presumption of innocence as inherent components of administrative prejudice.

Conclusions. The Russian legal culture has developed antonymic polar approaches to the conformity of the norms of administrative prejudice and the resources of their enforcement with the principles of social justice. The concept of combining various offenses as the basis of criminal prosecution contradicts the law and the parameters of defining a crime as multiple and as a single one. The basis for characterizing an offense as a crime is an act that constitutes a significant public danger, which contradicts the composition of an administrative offense. The norms of administrative prejudice constitute an ambiguous system based on interpreting a set of repeated offenses as malicious recidivism, which obviously cannot be proven and, therefore, constitutes a violation of the basic principles of criminal law.

References

1. Barkaev G.R. *Sotsial'naia obuslovленность уголовной ответственности за уклонение от административного надзора* [Social conditioning of criminal liability for evasion of administrative supervision]. *Zakon i pravo*, 2022, no. 6, pp. 118–121.
2. Dobrov A.N., Baranova S.A. *Administrativnaya preyditsiya v ugolovnom i administrativnom prave* [Administrative prejudice in criminal and administrative law]. Irkutsk, 2021, 60 p.
3. Kibalnik A.G., Mamkhyagov Z.Z. *Administrativnaya preyditsiya v ugolovnom prave: voprosy de lege lata i de lege ferenda* [Administrative prejudice in criminal law: issues of de lege lata and de lege ferenda]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023, 160 p.
4. Konopleva L.L. *Sravnitelnyi analiz zakonodatelnykh podhodov k probleme razgranicheniya administrativnykh pravonarushenii i prestuplenii v zarubezhnykh stranakh i v Rossii* [Comparative analysis of legislative approaches to the problem of distinguishing administrative offenses and crimes in foreign countries and in Russia]. *Problemy prava*, 2016, no. 2(56), pp. 98–102.

5. Krivelskaya O.V., Dorokhina N.V. *Institut administrativnoy preyuditsii v sovremenном administrativnom i ugolovnom prave* [Institute of administrative prejudice in modern administrative and criminal law]. *Obrazovaniye i pravo*, 2023, no. 11, pp. 275–279.
6. Lopashenko N.A. *Administrativnoi preyuditsii v ugolovnom prave net* [There is no administrative prejudice in criminal law]. *Vestnik akademii general'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2011, no. 3(23), pp. 64–71.
7. Maslov V.A. *Dopustimost' administrativnoi preyuditsii v kontekste obshhnosti otriaslej ugolovnogo i administrativnogo prava* [The permissibility of administrative prejudice in the context of common branches of criminal and administrative law]. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2024, no. 7, pp. 39–49.
8. Khavronyuk N.I. *Administrativnaya preyuditsiya i institut recidiva s tochki zreniya ugolovnogo prava evropeiskih stran* [Administrative prejudice and the institution of recidivism from the point of view of criminal law in European countries]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?do_c_id=30850280 (Accessed Date: 2025, June 6).
9. Shishkov S.N., Polubinskaya S.V. *Problema nevmenyayemosti sub"ekta administrativnogo pravonarusheniya (v kontekste prestupleniy s administrativnoi preyuditsii)* [The problem of insanity of the subject of an administrative offense (in the context of crimes with administrative prejudice)]. *Ugolovnoye pravo*, 2022, no. 4(140), pp. 64–74.

SERGEY V. TASAKOV – Doctor of Law Sciences, Professor, Vice-Rector for General Affairs, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tasakov@mail.ru).

CHULPAN Sh. KUPIROVA – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (chulpan27@bk.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5573-5050>).

Формат цитирования: Тасаков С.В., Купирова Ч.Ш. Проблемы соответствия концепта социальной справедливости и феномена административной преюдиции в уголовном праве Российской Федерации [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 82–93. URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2025/4/8>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-82-93.

С.Т. ХАПЧАЕВ

ФЕТВЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В СТРАНАХ С МУСУЛЬМАНСКИМ ПРАВОМ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: фетва, исламское право, общественный порядок, публичное управление, шариатская экспертиза, правовая имплементация фетв, отношения государства и религиозных институтов, цифровые платформы.

В современных мусульманских правопорядках фетва эволюционировала из формы индивидуальной религиозной консультации в мощный инструмент публичного управления, оказывающий влияние на нормы поведения, государственную политику и рыночные процессы. Необходимость научного анализа этого феномена обусловлена процессами цифровизации и глобализации, которые коренным образом меняют механизмы легитимации и распространения религиозного авторитета, выводя его за рамки национальных юрисдикций.

Цель исследования – построить теоретико-правовую модель фетвы как инструмента публичного регулирования (формы «мягкого права»), типологизировать модели ее институционализации в мусульманских правопорядках и определить условия «позитивизации» и устойчивости регуляторного эффекта с учетом влияния цифровой среды.

Материалы и методы. Исследование базируется на систематическом анализе текстов фетв и официальных документов религиозных органов, на национальных нормативных актах, регулирующих шариатскую экспертизу, а также на корпусе научной литературы и кейс-материалах по Саудовской Аравии, Египту, Ирану, Турции, Индонезии, Малайзии и ОАЭ. Применены сравнительно-правовой и институциональный подходы в сочетании с контент-анализом: сопоставлялись статусы фетв, каналы их «позитивизации», формы принуждения (юридические, социальные, экономические), а также рассматривалась роль цифровых платформ и «кибермуфтиев».

Результаты. В ходе исследования проанализированы и сопоставлены различные национальные модели регулирования института фетв: от государственного монополистического контроля (Саудовская Аравия) и бюрократической интеграции (Турция) до квазигосударственного партнерства (Индонезия) и теократической модели (Иран). Выявлена общая тенденция к централизации и бюрократизации процесса издания фетв, фактически превращающая религиозных авторитетов в государственных служащих. Анализ цифровой среды параллельно показал формирование конкурентного поля «кибермуфтиев» и транснациональных сетей, что меняет структуру религиозной экспертизы. Установлено, что принуждение к исполнению фетв обеспечивается не только юридическими, но и мощными социальными и экономическими механизмами (халильная индустрия, исламские финансы и пр.).

Выводы. Фетва в современных мусульманских правопорядках функционирует как элемент публичного регулирования и форма «мягкого права», способная становиться обязательной при наличии формально закрепленных процедур признания и исполнения. Влияние фетв неодинаково и определяется архитектурой отношений «государство – религиозные институты», тип институционализации задает характер и силу регуляторного воздействия. Цифровая среда ускоряет тиражирование и усиливает вариативность интерпретаций, но устойчивый нормативный результат возникает там, где обеспечены процедурная прозрачность, институциональная ответственность и правовые механизмы исполнения; при их отсутствии влияние кратковременно и уязвимо для оспаривания.

Введение. Фетвы представляют собой один из наиболее динамично развивающихся институтов современного исламского права, существенно влияющих на регулирование общественного порядка в странах с мусульманским правом. Современные фетвы выходят далеко за рамки традиционных религиозно-правовых заключений, превращаясь в мощный инструмент государственной политики, социального контроля и легитимации власти. Значимость этого феномена обусловлена тем, что в мусульманских обществах религиозные предписания продолжают играть фундаментальную роль в регулировании как частных, так и публично-правовых отношений, несмотря на процессы секуляризации и модернизации.

Актуальность изучения института фетв для регулирования общественного порядка обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, цифровизация изменила каналы распространения и механизмы влияния религиозно-правовых заключений, усилив роль онлайн-платформ и медиаторов. Во-вторых, глобализация сформировала транснациональные сети религиозной экспертизы, которые связывают локальные случаи с национальными режимами легитимации власти и воздействуют на выработку государственной политики. В-третьих, рост исламской экономики (от 3,38 трлн долл. США в 2023 г. [7] до 3,88 трлн долл. США в 2024 г. [8]) переводит фетвы из сферы преимущественно морального консультирования в сферу регуляторной инфраструктуры: они используются при разработке финансовых продуктов, обеспечении комплаенса и разрешении спорных практик на трансграничных рынках. В совокупности эти процессы формируют новую конфигурацию взаимодействия государства, религиозных институтов и рынка, в которой фетва одновременно выступает инструментом нормотворчества, средством поддержания общественного порядка и механизмом согласования локальных практик с глобальными стандартами.

Проблема научного анализа современных фетв как регулятивного инструмента заключается в том, что традиционное исламоведение часто рассматривает их исключительно в религиозно-юридическом контексте, тогда как политологические и социологические исследования недооценивают специфику исламской правовой культуры. Настоящее исследование преодолевает эту дихотомию, применяя междисциплинарный подход, который интегрирует юридический анализ с политико-социологическим исследованием.

Цель исследования – построить теоретико-правовую модель фетвы как инструмента публичного регулирования (формы «мягкого права»), типологизировать модели ее институционализации в мусульманских правопорядках и определить условия «позитивизации» и устойчивости регуляторного эффекта с учетом влияния цифровой среды.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, интегрирующий сравнительно-правовой анализ с политико-социологическим изучением религиозных институтов. Данный подход позволяет рассматривать фетвы не только как элементы исламской правовой традиции, но и как инструменты социального регулирования, встроенные в современные политические системы. Исследование опирается на институциональный анализ для изучения структуры и функций органов, издающих фетвы,

а также на дискурс-анализ для выявления смысловых трансформаций религиозно-правовых заключений в различных политических контекстах. Применяется метод case study для детального изучения конкретных фетв, оказавших значительное влияние на общественные процессы.

Эмпирическую базу исследования составляют первичные и вторичные источники, собранные методом целевой выборки по критерию общественной значимости. Анализируются официальные документы государственных и квазигосударственных религиозных институтов семи стран (Саудовская Аравия, Египет, Иран, Турция, Индонезия, Малайзия, ОАЭ) за период 1989–2025 гг., включая тексты фетв, законодательные акты, регламенты религиозных органов, статистические данные по исламской экономике. Хронологические рамки обусловлены началом активной институционализации фетв после событий вокруг романа С. Рушди (1989) и охватывают период цифровой трансформации религиозных практик. Географический охват включает страны с различными моделями взаимодействия государства и религиозных институтов – от теократической (Иран) до светской с государственным контролем (Турция). Особое внимание уделяется фетвам с документально подтвержденными последствиями для правовой системы, экономической политики или социальных практик. Ограничением исследования является фокус на официальных и полуофициальных фетвах при меньшем внимании к неформальным религиозным авторитетам.

Результаты исследования. Изучение теоретических основ института фетв невозможно без обращения к самому понятию, которое, несмотря на кажущуюся простоту, содержит в себе множество смысловых пластов. В арабском языке слово «фетва» происходит от корня, означающего «давать разъяснение», «открывать», что уже указывает на основную функцию этого института – раскрытие божественной воли в конкретных жизненных ситуациях.

В современной литературе существуют разные, но, по сути, однотипные определения фетвы. Так, Халед Абу-аль-Фадль (K. Abou El Fadl) отмечает, что «вопреки распространенному на Западе представлению, фетва – не более чем юридическое мнение, не имеющее обязательной силы; строго говоря, фетва имеет дело с беспрецедентными вопросами права» [2]. Мухаммад-Хашим Камали (Muhammad Hashim Kamali) определяет фетву как «ответ, который дает квалифицированный ученый на конкретный вопрос, поставленный частным лицом, группой лиц или организацией» [9. Р. 184], а Шахин Уайт (Shaheen Whyte) полагает, что фетва представляет собой «религиозное мнение или решение (хукм), издаваемое квалифицированным юристом (муфтием/муджтахидом); в суннитской традиции фетвы необязательны, тогда как в шиитской они могут быть обязательными в зависимости от авторитета юриста» [18. Р. 314].

Вместе с тем мы не склонны связывать определение фетвы исключительно с (не)обязательностью ее исполнения. Степень обязательности нередко зависит от контекста (правовая школа, статус автора, адресат, ситуация) и не отражает сущностные характеристики самого высказывания. Фетва объективно может не иметь принудительной силы, но субъективно способна выступать религиозно обязывающей для адресата (в силу признанного авторитета и религиозного

долга следования). Поэтому, на наш взгляд, корректнее определить фетву как религиозно-правовое заключение, выносимое квалифицированным исламским правоведом (муфтием, факихом или алимом) по конкретному вопросу, требующему шариатской оценки.

Историческое развитие института фетв неразрывно связано с формированием исламской правовой системы в целом. Уже в первые десятилетия после смерти Пророка Мухаммада возникла потребность в квалифицированных религиозно-правовых консультациях, поскольку мусульманская община столкнулась с множеством вопросов, прямые ответы на которые отсутствовали в Коране и Сунне. Праведные халифы, а затем и специально подготовленные ученые начали выносить решения, опираясь на общие принципы ислама и используя различные методы правовой интерпретации. К IX–X вв., в классический период развития исламской юриспруденции, в трудах основателей четырех суннитских мазхабов (Абу Ханифы, Малика ибн Анаса, аш-Шафии и Ахмада ибн Ханбаля) структура фетвы приобрела устойчивую форму, включающую четыре обязательных элемента. Введение с изложением проблемы (ат-тасвир) представляет собой краткое описание ситуации, требующей религиозно-правовой оценки. За ним следует подробное описание правовой ситуации с учетом всех значимых обстоятельств, после чего идет мотивировочная часть, содержащая правовую аргументацию со ссылками на источники. Завершается фетва заключительной частью с установлением конкретной поведенческой нормы (аль-хукм).

Методология выработки фетв основывается на сложной иерархии источников исламского права, понимание которой критически важно для осмысливания современных трансформаций этого института. Первичные источники (Коран как прямое божественное откровение и Сунна как совокупность высказываний, действий и молчаливых одобрений Пророка) составляют незыблый фундамент любого религиозно-правового заключения. Однако прямые и недвусмысленные указания этих источников охватывают относительно небольшой круг вопросов, что порождает необходимость обращения к вторичным источникам и методам правовой интерпретации.

Среди вторичных источников особое место занимает иджма – консенсус авторитетных ученых по конкретному вопросу, который в суннитской традиции считается непогрешимым на основании хадиса «Моя община не объединится в заблуждении» [6]. Кияс, или аналогия, позволяет распространять установленные нормы на новые случаи при наличии общего основания ('илля). Истихсан (юридическое предпочтение) дает возможность отступить от строгого применения аналогии в пользу более справедливого решения, а истислах (учет общественного интереса) открывает путь для принятия во внимание изменяющихся социальных условий. Наконец, урф (обычай) позволяет инкорпорировать в исламское право местные традиции, не противоречащие основам шариата.

Фетва занимает уникальное положение в этой системе источников, представляя собой производный источник права, который формируется на основе первичных и вторичных источников, но при этом сам по себе не обладает обязательной силой без государственного или общественного признания. Данная

особенность отличает фетву от судебного решения (када), которое имеет обязательную силу для сторон спора, и от законодательного акта (канун), издаваемого политической властью.

Вопрос о квалификационных требованиях к лицам, уполномоченным выносить фетвы, всегда был предметом оживленных дискуссий в исламской юриспруденции. Классическая доктрина выработала детальную систему критериев, которым должен соответствовать муфтий. Помимо безупречной репутации и личного благочестия [1. С. 88], от него требуется глубокое знание арабского языка во всех его тонкостях, поскольку правильное понимание священных текстов невозможно без лингвистической компетенции. Знание Корана должно включать не только его текст, но и обстоятельства ниспослания аятов (асбаб ан-нузуль), понимание отменяющих и отмененных аятов (насих ва мансух), различие ясных и аллегорических мест (мухкам ва муташабих).

В области хадисоведения муфтий должен владеть методологией критики иснада (цепочки передатчиков) и матна (текста), различать достоверные, хорошие и слабые хадисы, знать биографии передатчиков. Традиционная классификация исламских правоведов выделяет несколько уровней компетенции. На вершине иерархии находятся муджтахиды мутлак – абсолютные муджтахиды, способные выводить правовые нормы непосредственно из первоисточников и создавать собственные методологические школы. За ними следуют муджтахиды в рамках определенного мазхаба, которые, следуя методологии своей школы, могут выносить самостоятельные решения по вопросам, не разрешенным основателем мазхаба. Наконец, факихи-последователи ограничиваются применением уже выработанных норм к конкретным случаям.

Современная реальность внесла существенные корректиры в эту классическую схему. Если в средневековые получение права на ифта (вынесение фетв) было результатом длительного обучения у признанных авторитетов и получения от них иджазы (разрешения на создание фетв), то сегодня во многих странах это право связано с занятием определенной должности в государственной или квазигосударственной религиозной структуре. Парадоксальным образом бюрократизация религиозной сферы привела к тому, что формальная квалификация муфтия может определяться не столько его ученостью, сколько лояльностью к политическому режиму.

Изучение современного правового статуса фетв в различных мусульманских государствах обнаруживает поразительное разнообразие подходов к регулированию этого традиционного института, что отражает фундаментальные различия в понимании соотношения религиозной и политической власти, а также в стратегиях модернизации исламских обществ. Каждая из анализируемых моделей представляет собой уникальный опыт адаптации классического исламского института к вызовам современности, причем эта адаптация происходит под влиянием как внутренних факторов (исторических традиций, социальной структуры, политической культуры), так и внешних воздействий глобализации и международной политики.

Саудовская модель монополистического контроля представляет собой, пожалуй, наиболее последовательную попытку подчинить институт фетв государственной власти при сохранении его религиозной легитимности. Королевский

декрет 2010 г., закрепивший исключительное право издания публичных фетв за Советом старших ученых и Постоянным комитетом по научным исследованиям и фетвам, стал кульминацией длительного процесса централизации религиозной власти, начавшегося еще при основателе современного саудовского государства короле Абдель-Азизе. Уникальность саудовской системы заключается не только в жестком государственном контроле над процессом вынесения фетв, но и в особом статусе этих религиозно-правовых заключений в правовой системе королевства [12. Р. 3240]. Хотя формально фетвы не являются источником законодательства, на практике они обладают квазиправовым статусом, особенно когда поддерживаются государственной политикой. Механизм их implementation осуществляется через разветвленную систему религиозной полиции (Комитет по поощрению добродетели и предотвращению порока), которая, несмотря на ограничение ее полномочий в последние годы, продолжает играть важную роль в обеспечении соблюдения религиозных норм.

Индонезийская модель, которую можно охарактеризовать как квазигосударственное партнерство, представляет собой попытку найти баланс между государственным регулированием и сохранением определенной автономии религиозных институтов. Совет улемов Индонезии (Majelis Ulama Indonesia, MUI), созданный в 1975 г. в период правления Сухарто для институционализации участия исламских лидеров и управляемой интеграции религиозной сферы, со временем превратился во влиятельную организацию, способную проводить относительно самостоятельную линию. Формализация взаимодействия государства и MUI через Президентское постановление № 151/2014 закрепила статус MUI как партнера правительства и предусмотрела возможность финансирования его деятельности из государственных и региональных бюджетов¹. Правовая интеграция фетв MUI в национальную систему идет селективно через специальные законы: Закон № 33/2014 «О гарантиях халяльности продукции» прямо устанавливает, что сертификат халяльности выдается государственным агентством на основе письменной фетвы MUI²; Закон № 21/2008 «О банковской деятельности на принципах шариата» требует наличия в банках Совета шариатского надзора (DPS), назначаемого по рекомендации MUI, а сами «принципы шариата» также определяются на основе фетв названного органа³. Этот процесс, описываемый отдельными исследователями как «позитивизация фетв» [11. Р. 155], означает трансформацию религиозных предписаний в нормы позитивного права в определенных секторах.

¹ Indonesia. Presidential Regulation No. 151 of 2014 on Financial Assistance to the Indonesian Ulema Council (MUI) (original: Indonesian). URL: <https://sahabat.kotabogor.go.id/assets/dokumen/peraturan-Perpres%20No.%20151%20Tahun%202014%20Tentang%20Bantuan%20Pendanaan%20MUI.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).

² Indonesia. Law No. 33 of 2014 on Halal Product Assurance (original: Indonesian). URL: https://cms-bl.halal.go.id/uploads/Law_33_2014_on_Halal_Product_Assurance_8c328febd.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

³ Indonesia. Law No. 21 of 2008 on Sharia Banking. (original: Indonesian) URL: <https://123dok.com/document/qvrnl0ry-uu-no-tahun-perbankan-syariah.html> (дата обращения: 10.10.2025).

Успех индонезийской модели во многом объясняется способностью MUI адаптировать свои фетвы к местному контексту, учитывая как требования ислама, так и реалии многоконфессионального общества с сильными традициями религиозной толерантности. Фетвы МUI по таким чувствительным вопросам, как межрелигиозные браки, празднование немусульманских религиозных праздников и пр., демонстрируют прагматичный подход, стремящийся найти баланс между соблюдением исламских норм и поддержанием социальной гармонии.

Турецкая модель бюрократической интеграции представляет собой уникальный эксперимент инкорпорирования исламских религиозных институтов в структуру светского государства. Управление по делам религии (*Diyanet İşleri Başkanlığı*; далее – Диянет), созданное в 1924 г. в рамках кемалистских реформ, изначально задумывалось как инструмент подчинения религии государству и секуляризации. Парадоксальным образом в последние десятилетия Диянет превратился в один из крупнейших и наиболее влиятельных религиозных институтов в исламском мире. Сегодня это ведомство с бюджетом порядка 130 млрд турецких лир на 2025 г., штатом свыше 140 тыс. сотрудников. В ведении Диянета находятся около 89 тыс. мечетей внутри страны и разветвленная зарубежная инфраструктура: сотни религиозных атташе и имамов работают при дипмиссиях и в диаспоре (в одной только Германии подконтрольная Диянету организация DİTİB объединяет около 900 общин) [17]. Фетвы, издаваемые Высшим советом по религиозным делам при Диянете, формально не имеют обязательной юридической силы в светской правовой системе Турции, однако их социальное влияние трудно переоценить: пятничные проповеди для мечетей пишет Диянет, а через проповедническую сеть, религиозное образование, публикации и, все чаще, цифровые платформы ведомство формирует религиозное сознание миллионов турок и турецкой диаспоры. При этом особенностью турецкой модели является ее эволюция от инструмента секуляризации к проводнику «турецкого ислама» – версии суннитского ислама, сочетающей ханафитскую правовую традицию с турецкими национальными практиками и современными подходами. Фетвы Диянета по таким вопросам, как донорство органов и экстракорпоральное оплодотворение, демонстрируют готовность к адаптивной интерпретации исламского права; в то же время по коммерческому страхованию и банковским процентам Диянет, как правило, придерживается более строгих оценок (с оговорками на необходимость).

Иранская теократическая модель представляет собой радикальный разрыв с суннитской традицией разделения религиозной и политической власти. Концепция вилаят аль-факих (досл. «власть правоведов»), разработанная аятолой Хомейни и положенная в основу политической системы Исламской Республики Иран, создала уникальную ситуацию, когда высший религиозный авторитет одновременно является верховным политическим лидером.

В шиитской традиции, в отличие от суннитской, существует развитая иерархия религиозных авторитетов, увенчанная марджа ат-таклид – «источниками подражания», чьи фетвы являются обязательными для их последователей (мукаллидов). Статус Верховного лидера (рахбара) в иранской системе еще

выше – его решения, включая фетвы, имеют конституционную силу и обязательны для всех граждан и государственных институтов. Ст. 110 Конституции Ирана наделяет Верховного лидера полномочиями определять общую политику системы¹, что фактически ставит его религиозные решения выше любых других источников права. Политико-правовая система Ирана создает уникальную ситуацию, когда религиозно-правовое заключение одного человека может определять внешнюю и внутреннюю политику государства, как это произошло с фетвой Хомейни против Салмана Рушди, которая не только поставила под угрозу жизнь писателя, но и на десятилетия осложнила отношения Ирана с Западом. Примечательно, что даже после смерти Хомейни его преемники заявляли о невозможности отмены фетвы, поскольку только сам муджтахид, вынесший решение, имеет право его изменить [16].

Малайзийская федеральная координационная система представляет собой попытку совместить исламские традиции с федеративным устройством государства и британским колониальным наследием в области права. Уникальность малайзийской модели заключается в конституционном разделении полномочий между федеральным центром и штатами в религиозной сфере. Согласно Девятому приложению к Конституции, исламские дела, за исключением вопросов, касающихся федеральных территорий, находятся в исключительной юрисдикции штатов [3]. Национальный совет по исламским религиозным делам Малайзии выполняет координирующую функцию, стремясь обеспечить единобразие религиозной практики по всей стране. Однако национальные фетвы приобретают юридическую силу только после их принятия советами по исламским религиозным делам отдельных штатов и публикации в официальных газетах штатов. Такая сложная процедура часто приводит к ситуациям, когда одна и та же практика может быть разрешена в одном штате и запрещена в другом, что создает правовую неопределенность.

После публикации в официальной газете штата фетва становится юридически обязательной и может принудительно исполняться через систему шариатских судов, юрисдикция которых распространяется на мусульман в вопросах личного статуса, семейного права и некоторых религиозных правонарушений. Такой подход создает ситуацию правового плюрализма, когда мусульмане подчиняются двум параллельным правовым системам (гражданской и шариатской), что порождает сложные коллизии и требует постоянных усилий по гармонизации.

Исследование механизмов, посредством которых фетвы оказывают влияние на общественный порядок в современных мусульманских обществах, обнаруживает сложное переплетение традиционных и инновационных форм религиозной власти, трансформированных под воздействием технологической революции и глобализации. Если в классическую эпоху влияние фетвы ограничивалось кругом непосредственных последователей конкретного муфтия и распространялось преимущественно через устную передачу или рукописные

¹ Конституция Ирана [Электронный ресурс] // Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=83> (дата обращения: 09.10.2025).

копии, то современные механизмы распространения и воздействия религиозно-правовых заключений приобрели поистине глобальный масштаб.

Цифровая революция, ставшая определяющим фактором трансформации религиозной жизни в XXI в., кардинально изменила не только способы распространения фетв, но и саму природу религиозного авторитета в исламе. Традиционная модель, в которой верующий обращался к местному муфтию или путешествовал к признанному авторитету за получением религиозно-правовой консультации, дополнилась, а во многих случаях была вытеснена виртуальными формами взаимодействия [4].

Институт исламской юриспруденции претерпел значительные изменения под влиянием цифровизации, в частности, с появлением специализированных онлайн-платформ. Так, Islamweb.net, запущенный министерством вакфов Катара, представляющий собой крупнейшую в мире базу фетв на арабском, английском и других языках, ежедневно обрабатывает тысячи запросов со всего мира. Пользователи могут не только найти готовые ответы на интересующие их вопросы через поисковую систему, но и задать собственный вопрос команде квалифицированных муфтиев. Аналогичные услуги предоставляют IslamQA.info, управляемый саудовским шейхом Мухаммадом Салихом аль-Мунаджиедом, Dar al-Ifta al-Misriyyah (официальный египетский портал фетв) и множество других платформ различной степени авторитетности.

Появление «кибер-муфтиев», т.е. религиозных авторитетов, чья известность и влияние основываются главным образом на их онлайн-присутствии, создало принципиально новую ситуацию в исламском религиозном поле. Традиционные критерии религиозного авторитета, такие как происхождение из известной семьи улемов, обучение в престижных исламских университетах, получение иджазы от признанных шейхов, дополнились, а иногда и были замещены такими факторами, как харизматичность, мейдийность, способность говорить на языке, понятном современной аудитории, особенно молодежи. Мобильные приложения вывели доступность фетв на новый уровень. Приложения типа «Спроси муфтия» позволяют получить религиозно-правовую консультацию буквально в несколько кликов, что создало феномен «фетв по требованию». Такая доступность, с одной стороны, демократизировала доступ к религиозному знанию, позволив мусульманам из самых отдаленных регионов получать консультации ведущих специалистов, а с другой – породила явление, получившее название «шоппинг фетв» – практику обращения к различным муфтиям до получения желаемого ответа.

Социальные медиаплатформы создали еще более радикальные изменения в механизмах распространения и влияния фетв. YouTube-каналы популярных проповедников собирают миллионные аудитории, превышающие по размеру паству любого традиционного религиозного авторитета прошлого. Египетский проповедник Амр Халед, кувейтский шейх Мишари Рашид аль-Афаси, индийский исламский ученый Закир Наик через свои каналы формируют религиозное сознание миллионов мусульман по всему миру. Короткие видео во всех известных соцсетях, объясняющие исламские нормы в развлекательном формате, достигают аудитории, которая никогда не открыла бы традиционный сборник фетв.

Механизмы принуждения и обеспечения соблюдения фетв в современных условиях также претерпели существенную трансформацию. В странах, где фетвы интегрированы в правовую систему, их исполнение обеспечивается государственным аппаратом принуждения – полицией, судами, административными органами. Однако даже там, где фетвы не имеют формальной юридической силы, существуют мощные механизмы социального и экономического давления, обеспечивающие их соблюдение.

Экономические механизмы воздействия фетв особенно ярко проявляются в сфере халяльной индустрии и исламских финансов. Фетва о соответствии продукта нормам халяля может открыть или закрыть доступ к рынку в 1,9 млрд мусульманских потребителей. Неудивительно, что крупные транснациональные корпорации от Nestle до McDonald's инвестируют значительные средства в получение халяльных сертификатов, основанных на соответствующих фетвах. В сфере исламских финансов роль фетв еще более критична – без одобрения шариатского совета, состоящего из признанных религиозных авторитетов, ни один финансовый продукт не может позиционироваться как исламский.

Социальные механизмы принуждения варьируются от мягкого общественного давления до жестких форм ostrakizma. В консервативных мусульманских общинах нарушение широкопризнанной фетвы может привести к социальной изоляции, исключению из общинной жизни, отказу в заключении брака или деловых отношениях. Даже в относительно либеральных мусульманских обществах репутационные издержки от игнорирования авторитетных фетв могут быть значительными.

Факторы, определяющие степень принятия и соблюдения фетв, включают множество переменных, начиная от авторитета издавшего органа или личности и заканчивая соответствием фетвы существующим социальным практикам и ожиданиям. Отметим, что фетвы, резонирующие с уже существующими культурными нормами и практиками, принимаются гораздо легче, чем те, которые требуют радикального изменения поведения. Практическая осуществимость предписаний фетвы также играет критическую роль, поскольку слишком обременительные или нереалистичные требования часто игнорируются, даже если исходят от авторитетных источников. Ярким примером стала история с фетвой шейха Мухаммеда Салеха аль-Мунаджида, опубликованной в январе 2015 г. после редкого снегопада в северных районах Саудовской Аравии. Снег покрыл высокогорные области провинции Табук, и местные жители, включая семьи с детьми, массово устремились в заснеженные пустынные долины, чтобы лепить снеговиков и радоваться погодному чуду. Аль-Мунаджид в ответ на вопрос на религиозном сайте заявил, что «не позволено делать статую из снега, даже ради игры и веселья», поскольку такие фигуры якобы воссоздают образы живых существ, что запрещено в суннитской традиции [5]. Такое категоричное постановление вызвало волну критики в социальных сетях: пользователи Twitter саркастически публиковали фотографии снеговиков и обвиняли шейха в попытке чрезмерного регулирования повседневных радостей. Под общественным давлением богослов был вынужден смягчить свою позицию,

допустив создание снежных фигур при отсутствии у них четко выраженных черт лица [13]. Данный случай наглядно показывает, что даже в консервативной социокультурной среде, каковой является Саудовская Аравия, попытка навязать строгое ограничение, игнорирующее эмоционально значимые практики, обречена на сопротивление и пересмотр.

Также важнейшим фактором в процессе создания фетв остается наличие или отсутствие общинного консенсуса. В условиях, когда по одному и тому же вопросу существуют противоречащие друг другу фетвы от различных авторитетов, верующие часто следуют мнению, преобладающему в их непосредственном социальном окружении, что создает ситуацию религиозного плюрализма, когда в рамках одной страны или даже города могут сосуществовать общины, следящие различным религиозным нормам [14].

Анализ современного состояния института фетв выявляет несколько взаимосвязанных тенденций, которые фундаментально трансформируют традиционные формы религиозной власти в исламе и создают новые вызовы как для мусульманских обществ, так и для глобального сообщества в целом. Данные тенденции, развивающиеся под влиянием политических, экономических, технологических и социальных факторов, формируют контуры будущего исламской юриспруденции и ее роли в регулировании общественной жизни.

Централизация и усиление государственного контроля над институтом фетв представляет собой, пожалуй, наиболее заметную тенденцию последних десятилетий. Данный процесс, который начался еще в колониальную эпоху, когда европейские державы стремились кодифицировать и бюрократизировать исламское право, приобрел новое измерение в постколониальных национальных государствах. Современные мусульманские правительства, сталкиваясь с вызовами религиозного экстремизма, политического ислама и необходимостью модернизации, все активнее стремятся монополизировать право религиозной интерпретации.

Движение к государственному контролю проявляется в разнообразных формах. В одних странах, таких как Саудовская Аравия или ОАЭ, это принимает форму прямого запрета на публичное издание фетв без государственной санкции. В других, например в Египте или Турции, контроль осуществляется через финансовые механизмы и бюрократическое регулирование. Создание государственных или квазигосударственных институтов, монополизирующих право на издание авторитетных фетв, сопровождается маргинализацией независимых религиозных авторитетов, которые все чаще обвиняются в экстремизме, некомпетентности или подрыве национального единства.

Бюрократизация процесса вынесения фетв трансформирует сам характер этого института. Если традиционная фетва представляла собой личное мнение квалифицированного ученого, основанное на его понимании источников и методов исламского права, то современная «официальная» фетва часто является продуктом коллективного решения, принятого с учетом не только религиозных, но и политических соображений. Процедуры согласования, редактирования и утверждения фетв в государственных религиозных институтах могут занимать месяцы, что резко контрастирует с оперативностью традиционного муфтия, способного быстро дать ответ и разрешить существующую проблему.

Финансовая зависимость религиозных институтов и отдельных улемов от государственного финансирования создает мощный механизм контроля, действующий подчас более эффективно, чем прямое административное давление. Щедрые оклады, служебное жилье, медицинское обслуживание, оплачиваемый хадж – все эти блага ставят религиозных деятелей в положение государственных служащих, от которых ожидается лояльность к работодателю. Неудивительно, что фетвы государственных муфтиятов редко противоречат правительственной политике, а в критических ситуациях всегда находятся религиозные обоснования для непопулярных политических решений.

Параллельно с процессами централизации и государственного контроля развивается противоположная тенденция – формирование транснациональных сетей религиозной власти, которые бросают вызов традиционным национальным границам и суверенитету. Глобализация исламского дискурса, ускоренная цифровыми технологиями, создала ситуацию, когда фетва, изданная в одной стране, может оказаться большее влияние на мусульман в другой части света, чем решения местных религиозных авторитетов. Так, Международный союз мусульманских ученых (IUMS), объединяющий около 95 тысяч исламских ученых со всего мира, представляет собой одну из наиболее амбициозных попыток создания глобального исламского религиозного авторитета. Основанный в 2004 г. под руководством влиятельного египетского ученого Юсуфа аль-Карадави, IUMS позиционирует себя как независимый научный орган, способный выражать «истинную» исламскую позицию по актуальным вопросам современности. Фетвы IUMS по таким вопросам, как участие мусульман в западных демократических процессах, дозволенность службы в немусульманских армиях или правила взаимодействия с немусульманским большинством, оказывают значительное влияние на мусульманские меньшинства по всему миру.

Европейский совет по фетвам и исследованиям (ECFR), созданный в 1997 г. для решения специфических проблем мусульман, живущих в Европе, развивает концепцию «фикх аль-акаллият» (юриспруденция меньшинств) – отрасли исламского права, учитывающей особые обстоятельства жизни мусульман в немусульманском окружении. Фетвы ECFR часто представляют собой попытку найти баланс между соблюдением исламских норм и требованиями интеграции в европейские общества, что делает их особенно влиятельными среди второго и третьего поколения мусульманских иммигрантов.

Невозможно также игнорировать и геополитическое измерение транснациональных религиозных сетей. Так, катарское финансирование IUMS и связанных с ним организаций рассматривается соседними странами Персидского залива как инструмент продвижения политического ислама и подрыва их внутренней стабильности. Саудовская Аравия, в свою очередь, использует свой контроль над святыми местами ислама и щедрое финансирование исламских институтов по всему миру для продвижения собственной версии ислама и противодействия иранскому влиянию. Иран активно использует сети шиитских религиозных авторитетов для расширения своего влияния в Ираке, Ливане, Йемене и других странах со значительным шиитским населением. Турция при президенте Эрдогане

превратила Диянет в инструмент религиозной «мягкой силы», используя турецкие мечети и религиозные центры за рубежом для продвижения «турецкого ислама» и мобилизации турецкой diáspora [19. Р. 89–128]. Фетвы Диянета, переведенные на десятки языков и распространяемые через разветвленную сеть зарубежных представительств, формируют религиозное сознание не только этнических турок, но и мусульман Балкан, Центральной Азии и даже Африки.

Особое место в современном ландшафте исламской юриспруденции занимают фетвы по новым вопросам, порожденным научно-техническим прогрессом и социальными трансформациями. Биоэтика стала одной из наиболее динамично развивающихся областей современного исламского права. Вопросы клонирования, генной инженерии, использования стволовых клеток, суррогатного материнства требуют от современных факихов не только глубокого знания классических источников, но и понимания сложных научных концепций. Фетвы по этим вопросам часто становятся результатом длительных консультаций между религиозными учеными и специалистами в соответствующих областях науки.

Цифровые технологии породили целый комплекс новых юридических вопросов. Дозволенность криптовалют с точки зрения запрета на риба (ростовщичество) и гарар (чрезмерная неопределенность), правила взаимодействия в социальных сетях между представителями разных полов, использование искусственного интеллекта для автоматизации религиозных практик – все эти вопросы требуют инновационных подходов к интерпретации классических норм.

Экономическое измерение современных фетв наиболее ярко проявляется в сфере исламских финансов, индустрия которых продолжает расти темпами, значительно превышающими рост конвенциональной финансовой системы. Каждый новый исламский финансовый продукт – от исламских облигаций (сукук) до такафул (исламского страхования) – требует одобрения шариатских советов, состоящих из признанных религиозных авторитетов. Конкуренция за привлечение наиболее авторитетных ученых в шариатские советы привела к ситуации, когда ведущие специалисты по исламским финансам заседают в десятках советов одновременно, получая значительные гонорары за свои услуги.

Такая коммерциализация религиозной экспертизы вызывает обеспокоенность относительно независимости и объективности выносимых фетв. Ранее упомянутая практика «фетва-шоппинга» в финансовой сфере, когда институты ищут наиболее либеральные интерпретации для максимизации прибыли, подрывает доверие к исламским финансам как альтернативной этической системе. Попытки стандартизации через такие организации, как Организация бухгалтерского учета и аудита для исламских финансовых учреждений (AAOIFI) или Исламский совет по финансовым услугам (IFSB), пока не привели к полной унификации подходов.

Выводы. Полученные результаты исследования открывают широкое поле для осмыслиения фундаментальных трансформаций, которые претерпевает институт фетв в современном мире, и их последствий для мусульманских обществ, международных отношений и глобального религиозного ландшафта. Выявленные закономерности не просто фиксируют изменения в традиционном исламском институте, они свидетельствуют о глубинных сдвигах в самой природе

религиозной власти, механизмах социального контроля и способах конструирования исламской идентичности в эпоху глобализации и цифровой революции.

Сравнительно-правовой анализ различных моделей институционализации фетв показал отсутствие единого подхода к регулированию религиозной власти в мусульманском мире. От монополистического контроля в Саудовской Аравии и ОАЭ до квазиправительственного партнерства в Индонезии и федеральной координации в Малайзии – каждая модель отражает специфические исторические, политические и культурные контексты. В связи с этим можно выделить две основные закономерности.

Первая и, возможно, наиболее фундаментальная закономерность касается радикальной трансформации классической модели независимой религиозной экспертизы. На протяжении веков исламская юриспруденция гордилась своей автономией от политической власти. Улемы видели себя хранителями божественного закона, стоящими выше мирских правителей и способными критиковать их действия с позиций шариата. Их независимость, конечно, всегда была относительной, и история знает множество примеров сотрудничества и даже сращивания религиозной и политической элит. Однако современная ситуация качественно отличается от прошлого масштабом и системностью государственного контроля над религиозной сферой.

Процесс превращения улемов в государственных служащих, начавшийся еще в османскую эпоху с созданием института шейх-уль-ислама, в современных национальных государствах достиг своего логического завершения. Религиозные деятели, получающие зарплату из государственного бюджета, работающие в государственных учреждениях, следующие утвержденным процедурам и регламентам, мало чем отличаются от других категорий госслужащих. Такая бюрократизация имеет далеко идущие последствия для самой природы фетв, которые из персональных религиозно-правовых мнений квалифицированных учёных превращаются в квазиадминистративные акты, отражающие не столько понимание божественной воли, сколько текущую государственную политику.

Показательным примером такой трансформации служит эволюция позиции саудовских улемов по вопросу о праве женщин водить автомобиль. На протяжении десятилетий ведущие религиозные авторитеты королевства обосновывали запрет ссылками на необходимость защиты женской чести, предотвращения смешения полов и сохранения исламских ценностей. Шейх Абдул-Азиз ибн Баз, верховный муфтий Саудовской Аравии с 1993 по 1999 г., утверждал, что вождение автомобиля женщинами приведет к «распространению нечестия, потере целомудренности и другим пагубным последствиям» [15]. Однако, когда в 2017 г. наследный принц Мухаммад ибн Салман решил отменить запрет в рамках программы «Видение 2030», те же религиозные институты внезапно обнаружили, что ислам не содержит прямых запретов на женское вождение, а прежние фетвы были основаны на «неправильном понимании» религиозных текстов и «устаревших социальных обычаях» [10]. Такая готовность радикально пересматривать десятилетиями отстаиваемые позиции по команде сверху подрывает доверие к институту фетв и порождает цинизм

в отношении религиозных авторитетов. Молодое поколение мусульман все чаще воспринимает официальных улемов как «ученых султана» (уляма ас-султан) – уничижительный термин, обозначающий религиозных деятелей, готовых оправдать любые действия властей.

Вторая ключевая закономерность связана с цифровой революцией, которая не просто изменила способы распространения фетв, но фундаментально трансформировала саму природу религиозного авторитета в исламе. Традиционная модель, в которой авторитет основывался на личной передаче знания от учителя к ученику, многолетнем обучении в признанных центрах исламской учености и получении иджазы от признанных шейхов, оказалась подорвана возможностью любого человека с базовыми знаниями ислама и харизмой создать YouTube-канал и собрать миллионную аудиторию.

Возникновение транснациональных сетей религиозной экспертизы порождает новые вызовы для национального суверенитета и традиционных форм религиозного авторитета. Анализ конкретных случаев воздействия фетв на общественные процессы (от международного влияния фетвы по делу Рушди до экономических последствий развития исламских финансов) демонстрирует реальную силу религиозно-правовых заключений в формировании современного мира.

Таким образом, проведенное исследование выявляет фундаментальную трансформацию института фетв в современном мире от традиционной модели независимой религиозной экспертизы к комплексному инструменту регулирования общественного порядка в мусульманских государствах. Главный вывод исследования заключается в том, что современные фетвы функционируют не только как религиозно-правовые заключения, но и как механизмы государственной политики, социального контроля и международного влияния.

Литература

1. Идрисов Х.В., Ибрагимов Р.А. О некоторых вопросах фетвотворчества в мусульманской системе права: специфика реализации в условиях Чеченской Республики (история и современность) // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2022. № 4(48). С. 86–94.
2. Abou El Fadl K. The Place of Ethical Obligations in Islamic Law. *UCLA Journal of Islamic and Near Eastern Law*, 2005, no. 4, pp. 1–40. Available at: <https://www.searchforbeauty.org/2005-06/01/the-place-of-ethical-obligations-in-islamic-law-ucla-journal-of-islamic-and-near-eastern-law-no-4-2005-pp-1-40/> (Access Date: 2025, Oct. 9).
3. Ali Mohamed A.A., Ahmad M.H. The status of Islam and Islamic Law in the Malaysian Federal Constitution. In: Trakic A., ed. Islamic Law in Malaysia: The Challenges of Implementation. Singapore, Springer Nature, 2021, pp. 19–28. Available at: http://irep.iium.edu.my/89620/2/AliMohamed-Ahmad2021_Chapter_TheStatusOfIslamAndIslamicLawI.pdf (Access Date: 2025, Oct. 9).
4. Belhaj A. Beyond the Global Mufti: Religious Authority as Political Action. *Religions*, 2022, vol. 13, no. 2, p. 100. DOI: 10.3390/rel13020100.
5. Gruber C., ed. The Image Debate: Figural Representation in Islam and Across the World. London, Gingko, 2019, 240 p.
6. Ibn Majah. Sunan Ibn Majah. Hadith no. 3950. Book of Tribulations (Kitab al-Fitan). Available at: <https://sunnah.com/ibnmajah:3950> (Access Date: 2025, Oct. 9).
7. Islamic Financial Services Board. Islamic Financial Services Industry Stability Report 2024. Kuala Lumpur, IFSB, 2024. Available at: <https://www.ifsb.org/wp-content/uploads/2024/09/IFSB-Stability-Report-2024-8.pdf> (Access Date: 2025, Oct. 9).

8. Islamic Financial Services Board. Islamic Financial Services Industry Stability Report 2025: Need for Coordinated Action to Deepen Markets and Sustain Growth Momentum (press release). Kuala Lumpur, 2025, May 19. Available at: <https://www.ifsb.org/press-releases/islamic-financial-services-industry-stability-report-2025-need-for-coordinated-action-to-deepen-markets-and-sustain-growth-momentum/> (Access Date: 2025, Oct. 9).
9. Kamali M.H. Fatwa Issuance in Shariah. In: *Shariah and the Halal Industry*. Oxford, Oxford University Press, 2021, part 16, pp. 184–189. DOI: 10.1093/oso/9780197538616.003.0017.
10. Letting women drive in Saudi Arabia “does not conflict with Shariah,” say senior scholars. *Arab News*, 2017, Sept. 28. Available at: <https://www.arabnews.com/node/1168781/saudi-arabia> (Access Date: 2025, Jul. 17).
11. Mustafid F., Nasution Kh., Sodiqin A. Positivization of the Council of Indonesian Ulema’s Halal Fatwa: Policy and Position in Indonesian Legislation. *JURIS (Jurnal Ilmiah Syariah)*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 155–166.
12. Rosidi M.H. Navigating Fatwa Governance: A Comparative Study of Institutional Centralisation and Religious Legitimacy. *International Journal of Research and Innovation in Social Science*, 2025, vol. 9, no. 5, pp. 3238–3244. DOI: 10.47772/IJRRISS.2025.905000252.
13. Saudi cleric says snowmen are anti-Islamic. *Al Arabiya*, 2015, Jan. 12. Available at: <https://english.alarabiya.net/variety/2015/01/12/Saudi-cleric-condemns-snowmen-as-anti-Islamic> (Access Date: 2025, Jul. 17).
14. Sirry M. Fatwas and Their Controversy: The Case of the Council of Indonesian Ulama (MUI). *Journal of Southeast Asian Studies*, 2013, vol. 44, no. 1, pp. 100–117.
15. The Public Debate in Saudi Arabia on Women Driving. *MEMRI, Inquiry & Analysis Series*, 207, no. 402. Available at: <https://www.memri.org/reports/public-debate-saudi-arabia-women-driving> (Access Date: 2025, Jul. 17).
16. The Satanic Verses Controversy: Fatwas, Muslim Identity and the Ayatollahs. Dokumentationsstelle Wien, Vienna, 2023, pp. 17–22. Available at: https://www.dokumentationsstelle.at/file-admin/dpi/publikationen/Report_The_Satanic_Verses_Controversy.pdf (Access Date: 2025, Oct. 09).
17. U.S. Department of State. 2023 Report on International Religious Freedom: Turkey. Available at: <https://www.state.gov/reports/2023-report-on-international-religious-freedom/turkey/> (Access Date: 2025, Oct. 10).
18. Whyte S. Fatwa and the Jurist: Authority and the Limits of Legal Interpretation in Islam. *Oxford Journal of Law and Religion*, 2022, vol. 11, no. 2, pp. 314–332. DOI: 10.1093/ojlr/rwac015.
19. Yilmaz I., Albayrak I. Redefining Diyanet in the AKP Era. In: Yilmaz I., Albayrak I. Populist and Pro-Violence State Religion: The Diyanet’s Construction of Erdoganist Islam in Turkey. Singapore, Palgrave Macmillan, 2022, 336 p. DOI: 10.1007/978-981-16-6707-7_3.

ХАПЧАЕВ СУЛТАН ТАЛАСОВИЧ – кандидат юридических наук, начальник кафедры конституционного и гражданского права, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Россия, Ставрополь (hapchaev82@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8677-5207>).

Sultan T. KHAPCHAEV

FATWAS AS A TOOL FOR REGULATING PUBLIC ORDER IN COUNTRIES WITH MUSLIM LAW: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Key words: fatwa, Islamic law, public order, public administration, Sharia expertise, legal implementation of fatwas, relations between the state and religious institutions, digital platforms.

In modern Muslim legal systems, the fatwa has evolved from a form of individual religious consultation into a powerful tool of public administration that influences norms of behavior, public policy and market processes. The need for a scientific analysis of this phenomenon is due to the processes of digitalization and globalization, which are fundamentally

changing the mechanisms of legitimization and dissemination of religious authority, taking it beyond national jurisdictions.

The purpose of the study is to build a theoretical and legal model of fatwas as a tool of public regulation (a form of "soft law"), typologize models of its institutionalization in Muslim legal systems and determine the conditions for "positivization" and sustainability of the regulatory effect, taking into account the influence of the digital environment.

Materials and methods. The study is based on a systemic analysis of fatwa texts and official documents of religious authorities, national regulations governing Sharia expertise, as well as a body of scientific literature and case materials on Saudi Arabia, Egypt, Iran, Turkey, Indonesia, Malaysia and the United Arab Emirates. The comparative legal and institutional approaches were applied in combination with content analysis: the statuses of fatwas, channels of their "positivization", forms of coercion (legal, social, economic), as well as the role of digital platforms and "cyber muftis" were compared.

Results. The study analyzed and compared various national models of fatwa institution regulation: from state monopolistic control (Saudi Arabia) and bureaucratic integration (Turkey) to quasi-public partnership (Indonesia) and theocratic model (Iran). The general trend towards centralization and bureaucratization of the fatwa-issuing process was revealed, effectively turning religious authorities into civil servants. The analysis of the digital environment simultaneously showed the formation of a competitive field of "cybermufties" and transnational networks, which is changing the structure of religious expertise. Fatwa enforcement is established to be provided not only by legal, but also by powerful social and economic mechanisms (halal industry, Islamic finance, etc.).

Conclusions. The fatwa in modern Muslim legal systems functions as an element of public regulation and a form of "soft law" that can become mandatory in the presence of formally established recognition and enforcement procedures. The impact of fatwas varies and is determined by the architecture of the "state-religious institutions" relationship; the type of institutionalization determines the nature and strength of the regulatory impact. The digital environment accelerates replication and increases variability of interpretations, but a stable regulatory outcome occurs where procedural transparency, institutional responsibility, and legal enforcement mechanisms are provided; in their absence, the impact is short-lived and vulnerable to challenge.

References

1. Idrisov Kh.V., Ibragimov R.A. *O nekotorykh voprosakh schetovorcheshta v musul'manskoi sisteme prava: spetsifika realizatsii v usloviyakh Chechenskoi Respubliki (istoriya i sovremennost')* [On certain questions of fatwa-making in the Muslim legal system: specifics of implementation in the Chechen Republic (history and the present)]. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kadyrova*, 2022, no. 4(48), pp. 86–94.
2. Abou El Fadl K. The Place of Ethical Obligations in Islamic Law. *UCLA Journal of Islamic and Near Eastern Law*, 2005, no. 4, pp. 1–40. Available at: <https://www.searchforbeauty.org/2005-06/01/the-place-of-ethical-obligations-in-islamic-law-ucla-journal-of-islamic-and-near-eastern-law-no-4-2005-pp-1-40/> (Access Date: 2025, Oct. 9).
3. Ali Mohamed A.A., Ahmad M.H. The status of Islam and Islamic Law in the Malaysian Federal Constitution. In: Trakic A., ed. *Islamic Law in Malaysia: The Challenges of Implementation*. Singapore, Springer Nature, 2021, pp. 19–28. Available at: http://irep.iium.edu.my/89620/2/Ali-Mohamed-Ahmad2021_Chapter_TheStatusOfIslamAndIslamicLawI.pdf (Access Date: 2025, Oct. 9).
4. Belhaj A. Beyond the Global Mufti: Religious Authority as Political Action. *Religions*, 2022, vol. 13, no. 2, p. 100. DOI: 10.3390/rel13020100.
5. Gruber C., ed. *The Image Debate: Figural Representation in Islam and Across the World*. London, Gingko, 2019, 240 p.
6. Ibn Majah. Sunan Ibn Majah. Hadith no. 3950. Book of Tribulations (Kitab al-Fitan). Available at: <https://sunnah.com/ibnmajah:3950> (Access Date: 2025, Oct. 9).
7. Islamic Financial Services Board. *Islamic Financial Services Industry Stability Report 2024*. Kuala Lumpur, IFSB, 2024. Available at: <https://www.ifsb.org/wp-content/uploads/2024/09/IFSB-Stability-Report-2024-8.pdf> (Access Date: 2025, Oct. 9).

8. Islamic Financial Services Board. Islamic Financial Services Industry Stability Report 2025: Need for Coordinated Action to Deepen Markets and Sustain Growth Momentum (press release). Kuala Lumpur, 2025, May 19. Available at: <https://www.ifsb.org/press-releases/islamic-financial-services-industry-stability-report-2025-need-for-coordinated-action-to-deepen-markets-and-sustain-growth-momentum/> (Access Date: 2025, Oct. 9).
9. Kamali M.H. Fatwa Issuance in Shariah. In: *Shariah and the Halal Industry*. Oxford, Oxford University Press, 2021, part 16, pp. 184–189. DOI: 10.1093/oso/9780197538616.003.0017.
10. Letting women drive in Saudi Arabia “does not conflict with Shariah,” say senior scholars. *Arab News*, 2017, Sept. 28. Available at: <https://www.arabnews.com/node/1168781/saudi-arabia> (Access Date: 2025, Jul. 17).
11. Mustafid F., Nasution Kh., Sodiqin A. Positivization of the Council of Indonesian Ulema’s Halal Fatwa: Policy and Position in Indonesian Legislation. *JURIS (Jurnal Ilmiah Syariah)*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 155–166.
12. Rosidi M.H. Navigating Fatwa Governance: A Comparative Study of Institutional Centralisation and Religious Legitimacy. *International Journal of Research and Innovation in Social Science*, 2025, vol. 9, no. 5, pp. 3238–3244. DOI: 10.47772/IJRRISS.2025.905000252.
13. Saudi cleric says snowmen are anti-Islamic. *Al Arabiya*, 2015, Jan. 12. Available at: <https://english.alarabiya.net/variety/2015/01/12/Saudi-cleric-condemns-snowmen-as-anti-Islamic> (Access Date: 2025, Jul. 17).
14. Sirry M. Fatwas and Their Controversy: The Case of the Council of Indonesian Ulama (MUI). *Journal of Southeast Asian Studies*, 2013, vol. 44, no. 1, pp. 100–117.
15. The Public Debate in Saudi Arabia on Women Driving. *MEMRI, Inquiry & Analysis Series*, 207, no. 402. Available at: <https://www.memri.org/reports/public-debate-saudi-arabia-women-driving> (Access Date: 2025, Jul. 17).
16. The Satanic Verses Controversy: Fatwas, Muslim Identity and the Ayatollahs. Dokumentationsstelle Wien, Vienna, 2023, pp. 17–22. Available at: https://www.dokumentationsstelle.at/fileadmin/dpi/publikationen/Report_The_Satanic_Verses_Controversy.pdf (Access Date: 2025, Oct. 09).
17. U.S. Department of State. 2023 Report on International Religious Freedom: Turkey. Available at: <https://www.state.gov/reports/2023-report-on-international-religious-freedom/turkey/> (Access Date: 2025, Oct. 10).
18. Whyte S. Fatwa and the Jurist: Authority and the Limits of Legal Interpretation in Islam. *Oxford Journal of Law and Religion*, 2022, vol. 11, no. 2, pp. 314–332. DOI: 10.1093/ojlr/rwac015.
19. Yilmaz I., Albayrak I. Redefining Diyanet in the AKP Era. In: Yilmaz I., Albayrak I. Populist and Pro-Violence State Religion: The Diyanet’s Construction of Erdoganist Islam in Turkey. Singapore, Palgrave Macmillan, 2022, 336 p. DOI: 10.1007/978-981-16-6707-7_3.

SULTAN T. KHAPCHAEV – Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Constitutional and Civil Law, Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russia, Stavropol (hapchaev82@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8677-5207>).

Формат цитирования: Хапчев С.Т. Фетвы как инструмент регулирования общественного порядка в странах с мусульманским правом: сравнительно-правовой анализ [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 94–111. URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2025/4/9>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-94-111.

УДК 343.7

ББК 67.408.1

С.А. ЯХАТИН

ЦИФРОВОЙ ОБЪЕКТ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова: цифровой объект, уголовное право, предмет преступления, цифровые активы, правовое регулирование, киберпреступность.

Цифровая трансформация общества породила новые формы объектов общественных отношений – цифровые права, цифровые финансовые активы (криптовалюты, токены), виртуальные объекты и массивы данных. Эти сущности, обладая экономической ценностью, требуют адекватной правовой защиты, однако традиционное уголовное законодательство, ориентированное на материальные объекты, сталкивается с серьезными вызовами при квалификации посягательств на них. Отсутствие четких дефиниций и пробелы в регулировании приводят к коллизиям в правоприменительной практике и снижают эффективность борьбы с киберпреступностью.

Цель исследования – комплексный анализ существующих проблем, связанных с определением правового статуса и уголовно-правовой защитой цифрового объекта в российском уголовном праве, а также разработка научно обоснованных концептуальных подходов и конкретных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики для обеспечения адекватной защиты цифровых объектов.

Материалы и методы. В качестве материалов для исследования использовались нормативные правовые акты Российской Федерации, включая Уголовный кодекс Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации, федеральные законы, научные публикации и материалы судебной практики. Методология исследования основана на диалектическом, формально-юридическом, сравнительно-правовом методах.

Результаты. Выявлена терминологическая неопределенность и обоснована потребность действующего уголовно-правового регулирования для защиты цифровых объектов. Разработана концепция признания цифрового объекта самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, что служит основой для формирования специализированных норм. Сформулированы конкретные предложения по совершенствованию Уголовного кодекса Российской Федерации, включая расширение понятия «имущество» и введение новых составов преступлений. Предлагается концепция «цифрового объекта» как самостоятельной категории в уголовном праве, отличной от традиционных понятий «имущество» и «информация», что требует специфического правового регулирования. Обосновывается необходимость включения в уголовное законодательство новых составов преступлений, таких как «Незаконное заведение цифровым активом», для прямого регулирования посягательств на цифровые активы и избежания натянутых квалификаций.

Выводы. Существующее уголовное законодательство Российской Федерации не в полной мере отвечает вызовам цифровой эпохи, и необходим комплексный подход, включающий как законодательные изменения, так и адаптацию правоприменительной практики для создания эффективной системы уголовно-правовой защиты цифровых объектов и обеспечения безопасности цифрового общества.

Введение. Современный мир переживает беспрецедентный этап цифровой трансформации, затрагивающей все сферы общественной жизни, включая экономику, социальные отношения и правовую систему. Благодаря технологическому прогрессу возникли совершенно новые виды активов, существующие

только в цифровом пространстве. Это, например, права, выраженные в цифровой форме, криптовалюта и совершенно иные цифровые активы, такие как виртуальная собственность в онлайн-играх и огромные базы данных. Эти цифровые объекты имеют реальную ценность и требуют юридической защиты, как и любые другие формы собственности.

Однако стремительное развитие цифровой среды опережает темпы адаптации правовой системы, в частности уголовного права. Традиционное уголовное законодательство Российской Федерации, исторически ориентированное на защиту материальных объектов, сталкивается с серьезными вызовами при квалификации деяний, связанных с посягательствами на цифровые объекты. Отсутствие четких дефиниций, пробелы в регулировании и неоднозначная судебная практика приводят к коллизиям и низкой эффективности борьбы с киберпреступностью. Проблема усугубляется увеличением числа преступлений, предметом или орудием которых выступают именно цифровые активы, что делает вопрос их уголовно-правовой защиты остроактуальным. Только за 2024 г. было зафиксировано 765,4 тыс. цифровых преступлений, что составило рекордные 40% от общего числа преступлений [1]. Наблюдающаяся тенденция к расширению сферы применения цифровых технологий в финансовой, государственной и личной жизни граждан требует немедленного пересмотра и адаптации существующих правовых механизмов.

Целью исследования является комплексный анализ существующих проблем, связанных с определением правового статуса и уголовно-правовой защитой цифрового объекта в российском уголовном праве, а также разработка научно обоснованных концептуальных подходов и конкретных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики для обеспечения адекватной защиты цифровых объектов.

Материалы и методы. Исследование основано на всестороннем анализе нормативных правовых актов Российской Федерации, включая Уголовный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, а также иные нормативные правовые акты. В качестве эмпирической и теоретической базы выступают научные статьи ведущих отечественных юристов, посвященные проблемам киберпреступности, цифрового права и уголовно-правовой защиты, а также материалы судебной практики, касающиеся квалификации преступлений в сфере информационных технологий и хищений цифровых активов.

В процессе исследования применялся широкий спектр общенаучных и частнонаучных методов. Диалектический метод использовался для всестороннего изучения проблемы цифрового объекта во взаимосвязи с развитием общественных отношений и правовой системы. Формально-юридический метод позволил провести анализ действующих норм уголовного законодательства и их толкования. Сравнительно-правовой метод был задействован для изучения имеющегося опыта правового регулирования цифровых объектов в уголовном праве, результаты которого имплицитно учтены при формулировании предложений.

Результаты исследования. В настоящее время в российском законодательстве отсутствует единое, системное и исчерпывающее определение понятия «цифровой объект». Несмотря на то, что в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ присутствует отдельная статья, посвященная цифровым правам (ст. 141.1), универсальной дефиниции именно цифровых объектов в законодательстве нет. Согласно п. 1 ст. 141.1 ГК РФ, под цифровыми правами понимаются «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». В дополнение к этому в ст. 128 ГК РФ такие права приравниваются к имущественным. На наш взгляд, такая характеристика является весьма общей и не раскрывает всех особенностей цифровых объектов как самостоятельной категории, вследствие чего невозможно однозначно определить, какие именно объекты могут быть поименованы в качестве цифровых.

В федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259-ФЗ)² вводятся понятия «цифровые финансовые активы» и «цифровая валюта», однако их дефиниции носят описательный характер и не охватывают всего многообразия цифровых объектов. Так, цифровая валюта определяется как совокупность электронных данных, способных быть принятой в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации или иностранного государства, а также в качестве инвестиций (ст. 1 ФЗ № 259-ФЗ). Данное определение фокусируется только на функции, но при этом не раскрывает сущности.

На уровне уголовного права ситуация еще более осложнена. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ)³ оперирует традиционными категориями «имущество» и «информация». Попытки отнесения цифровых объектов к одной из этих категорий на практике сталкиваются с серьезными трудностями.

При квалификации цифровых объектов как «имущества» возникают трудности из-за их нематериального характера. Как отмечает А.В. Серебренникова, на практике довольно часто возникают вопросы о принадлежности цифровых прав к имуществу, либо к правам на имущество, что существенным образом ослабляет уголовно-правовую охрану интересов владельцев данного объекта гражданских прав [6. С. 39]. Традиционное понимание имущества

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 03.10.2025).

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: фед. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 03.10.2025).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультантплюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.10.2025).

в уголовном праве подразумевает его материальный характер. Цифровые активы не имеют физического воплощения, существуют в виде записей в распределенных реестрах или в иных информационных системах. Это затрудняет применение статей УК РФ, предусматривающих ответственность за хищение (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), присвоение или растрату (ст. 160 УК РФ), поскольку диспозиции этих статей прямо или косвенно предполагают завладение материальными объектами.

Несмотря на то, что цифровые финансовые активы и цифровая валюта признаны имуществом для целей гражданского и налогового законодательства (п. 2 ст. 1 ФЗ № 259-ФЗ), это не означает автоматического признания их таковыми в уголовном праве. Правильная квалификация преступления в уголовном праве невозможна без четкого определения его объекта. Существующая судебная практика, в частности постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении или растрате»¹, не содержит прямых указаний на возможность применения положений о хищении к цифровым активам.

При этом стоит отметить, что законодательство в данной сфере динамично развивается. Так, Министром России в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации был внесен законопроект о легальном закреплении цифровой валюты в качестве имущества в рамках уголовного законодательства. Из пояснительной записки следует, что принятие предложенных нововведений позволит признавать цифровую валюту в качестве вещественных доказательств, а также изымать ее и арестовывать². Заместитель министра юстиции подчеркнул, что децентрализованный характер и анонимность криптовалютных транзакций делают их желанной целью для злоумышленников. Это отличает ее от традиционных форм имущества и требует иного подхода со стороны правоохранительной системы. В связи с этим Министр России намерен привлекать экспертов, обладающих необходимыми техническими знаниями для работы с цифровыми активами [5].

Правовая квалификация цифровых объектов в качестве информации требует выявления у них ряда специфических признаков, в число которых входят экономическая ценность, оборотоспособность, а также свойство быть отчуждаемыми и передаваемыми. Действующие статьи УК РФ, связанные с информацией (ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»), направлены на защиту конфиденциальности, целостности и доступности информации, но не на защиту права собственности

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/ (дата обращения: 03.10.2025).

² О внесении изменений в статью 104-1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: законопроект № 902782-8 от 24.04.2025 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/902782-8#bh_histras (дата обращения: 03.10.2025).

или владения ей в экономическом смысле. Даже если квалифицировать неправомерное завладение цифровыми активами по статьям о компьютерных преступлениях, санкции за них, как правило, существенно ниже, чем за хищение имущества сопоставимой стоимости. Это приводит к невозможности назначения адекватного наказания.

Для эффективного решения обозначенных проблем предлагается разработать и внедрить концепцию признания цифрового объекта самостоятельным объектом уголовно-правовой охраны, отличным от традиционных понятий «имущество» и «информация». Как отмечает М.М. Долгиеva, выделение цифрового объекта в отдельную правовую категорию и определение понятия цифрового объекта преступления позволит установить уголовно-правовой режим цифровых преступлений как нового вида преступлений и правильно классифицировать их [3. С. 258]. Цифровые объекты обладают рядом специфических характеристик, которые отличают их как от материального имущества, так и от простой информации. Они существуют в децентрализованных или централизованных информационных системах, их ценность определяется рыночными механизмами, они могут быть уникальными (NFT) или взаимозаменяемыми (криптовалюта) [2. С. 111]. Признание этой уникальности позволит создать адекватный правовой режим.

Необходимо ввести в УК РФ или в примечание к соответствующей главе четкое определение «цифрового объекта», включающее в себя цифровые финансовые активы, цифровую валюту, цифровые права, иные цифровые активы, обладающие экономической ценностью и способные быть объектом гражданского оборота. В рамках данного исследования предлагается следующее определение: «Под цифровым объектом понимаются электронные данные, совокупность электронных данных, цифровые коды или обозначения (цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровые права, неигровые токены и иные цифровые активы), существующие в информационной системе, обладающие экономической ценностью, способные быть объектом гражданского оборота и удостоверяющие права на них или предоставляющие такие права.»

Наряду с введением концепции «цифрового объекта», необходимо также расширить толкование понятия «имущество» в уголовном праве. Это позволит унифицировать судебную практику и избежать «натянутых» квалификаций. Предлагается внести изменения в примечание к ст. 158 УК РФ, дополнив его положением: «Под имуществом в статьях настоящей главы понимаются также цифровые финансовые активы и цифровая валюта, признанные имуществом в соответствии с законодательством Российской Федерации». Данная мера будет способствовать эффективной защите прав собственников цифровых активов.

Для обеспечения единообразного применения законодательства и преодоления разночтений в правоприменительной практике необходимо принятие Пленумом Верховного суда Российской Федерации постановления, посвященного вопросам квалификации преступлений, связанных с цифровыми объектами. В постановлении должны быть разъяснены особенности предмета преступления при посягательствах на цифровые объекты; момент окончания преступления, связанного с неправомерным завладением цифровыми активами;

особенности определения размера ущерба; вопросы оценки стоимости цифровых объектов; возможность применения различных составов преступлений (например, мошенничества) к деяниям с цифровыми активами до принятия специализированных норм.

Многие ученые неоднократно высказывались о необходимости внедрения в УК РФ новых составов, которые регулировали бы отдельные виды киберпреступлений. Так, например, П.В. Ивлиев и П.В. Кузнецов предложили криминализировать деяния, связанные с несанкционированным доступом к информационным системам и базами данных (т.е. хакерские атаки), а также за неправомерные действия с биометрическими данными [4. С. 508]. Видится целесообразным введение отдельной статьи «Незаконное завладение цифровым объектом (цифровым активом)», которая будет напрямую регулировать посягательства на цифровые активы.

Помимо этого, представляется целесообразным дополнить диспозиции некоторых статей (например, ст. 159 УК РФ «Мошенничество», ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием») прямым указанием на цифровые объекты в качестве предмета посягательства. В частности, в ст. 159 УК РФ можно добавить: «...либо завладение правом на цифровой объект...».

Реализация предложенных мер способствует унификации правоприменительной практики, повышению предсказуемости судебных решений и минимизации количества правовых коллизий. Введение новых составов преступлений и адаптация существующих норм создадут правовые основания для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению, расследованию и пресечению посягательств на цифровые активы. Это напрямую ведет к защите прав и законных интересов участников цифрового оборота, поскольку четкое определение правового статуса цифровых объектов и установление уголовно-правовой ответственности за посягательства на них укрепит доверие к цифровой экономике. Более того, ясное и современное правовое регулирование цифровых объектов в уголовном праве является необходимым условием для создания прочной правовой основы, способствующей дальнейшему устойчивому развитию цифровой экономики и внедрению инновационных технологий в Российской Федерации. Наконец, представленные концептуальные подходы формируют методологическую основу для дальнейших научных исследований в области цифрового права и уголовно-правовой защиты, предоставляя ориентиры для будущих разработок.

Выводы. Таким образом, существующее уголовное законодательство Российской Федерации не в полной мере адаптировано к новым общественным отношениям, порожденным феноменом цифрового объекта, что обусловлено отсутствием четких definicijii и специализированных норм. Это приводит к пробелам в правовом регулировании и неоднозначной правоприменительной практике при квалификации преступлений в цифровой сфере. Признание «цифрового объекта» в качестве самостоятельного предмета уголовно-правовой охраны представляет собой объективную необходимость, поскольку

это позволит перейти от экстенсивной (приспособление старых норм) к интенсивной (создание новых специализированных норм) модели уголовно-правовой защиты в цифровой среде. Предложенные в статье концептуальные подходы и конкретные предложения направлены на формирование устойчивой и эффективной системы уголовно-правовой защиты цифровых объектов, что направлено на обеспечение безопасности цифровой экономики и общества в целом.

Литература

1. В России в 2024 году ИТ-преступления достигли пика за последние пять лет [Электронный ресурс] // ИА ТАСС: [сайт]. 2025. 27 янв. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/22978955> (дата обращения: 03.10.2025).
2. Галкин Н.А. Понятие и признаки цифрового имущества как объекта гражданских прав // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. 2024. № 4(56). С. 107–114.
3. Долгиеva M.M. Цифровой объект преступления // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 253–260.
4. Ильин P.B., Кузнецов P.B. Преступления в сфере кибербезопасности: новые вызовы // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. С. 507–509.
5. Минюст предложил законопроект о конфискации криптовалют в уголовном деле [Электронный ресурс] // ИА Rusbankrot: [сайт]. 2025. 21 мая. URL: <https://rusbankrot.ru/initiatives-and-bills/minyust-predlozhil-zakonoproekt-o-konfiskatsii-criptovalyuty-v-ugolovnom-dele/> (дата обращения: 03.10.2025).
6. Серебренникова A.B. Специфика цифровых прав как предмета преступления // Colloquium-journal. 2021. № 20(107). С. 38–40.

ЯХАТИН СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (yahatin@rambler.ru).

Sergey A. YAKHATIN

A DIGITAL OBJECT IN CRIMINAL LAW: CONCEPTUAL FOUNDATIONS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION

Key words: digital object, criminal law, object of crime, digital assets, legal regulation, cybercrime.

The digital transformation of society has given rise to new forms of objects of social relations – digital rights, digital financial assets (cryptocurrencies, tokens), virtual objects, and data arrays. These entities, possessing economic value, require adequate legal protection. However, traditional criminal law, focused on material objects, faces serious challenges in classifying attacks against them. The lack of clear definitions and gaps in regulation lead to conflicts in law enforcement practice and reduce the effectiveness of the fight against cybercrime.

The purpose of this study is to comprehensively analyze existing problems related to determining the legal status and criminal protection of digital objects in Russian criminal law, as well as to develop scientifically based conceptual approaches and specific proposals for improving legislation and law enforcement practices to ensure adequate protection of digital objects.

Materials and methods. The study utilized regulatory legal acts of the Russian Federation, including the Criminal Code and the Civil Code, federal laws (e.g., on digital financial assets), academic publications, and case law. The research methodology includes dialectical, formal legal, and comparative legal methods.

Results. The article identifies terminological ambiguities and substantiates gaps in current criminal law regulation for the protection of digital objects. A concept for recognizing a digital object as an independent object of criminal law protection has been developed,

serving as the basis for the development of specialized norms. Specific proposals for improving the Criminal Code of the Russian Federation are formulated, including expanding the definition of "property" and introducing new offenses. The concept of a "digital object" is proposed as an independent category in criminal law, distinct from the traditional concepts of "property" and "information," requiring specific legal regulation. The need to include new offenses in criminal law, such as "Illegal Appropriation of a Digital Asset," is substantiated to directly regulate attacks on digital assets and avoid strained classifications.

Conclusions. Current criminal legislation in the Russian Federation does not fully meet the challenges of the digital age, and a comprehensive approach is needed, including both legislative amendments and the adaptation of law enforcement practices, to create an effective system of criminal protection for digital assets and ensure the security of the digital society.

References

1. *V Rossii v 2024 godu IT-prestuplenija dostigli pika za poslednie pyat' let* [In Russia, IT crimes reached their five-year peak in 2024]. Available at: <https://tass.ru/proisshestviya/22978955> (Accessed Date: 2025. Oct. 03).
2. Galkin N.A. *Ponyatie i priznaki tsifrovogo imushchestva kak ob'ekta grazhdanskikh prav* [Concept and Features of Digital Property as an Object of Civil Rights]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2024, no. 4(56), pp. 107–114.
3. Dolgjeva M.M. *Tsifrovoi ob'ekt prestupleniya* [Digital Object of Crime]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 483, pp. 253–260.
4. Ivliev P.V., Kuznecov P.V. *Prestupleniya v sfere kiberbezopasnosti: novye vyzovy* [Cybersecurity Crimes: New Challenges]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2025, no. 2, pp. 507–509.
5. *Minyust predlozhil zakonoproekt o konfiskatsii kriptovalyuty v ugolovnom dele* [The Ministry of Justice proposed a bill on the confiscation of cryptocurrency in criminal cases]. Available at: <https://rusbankrot.ru/initiatives-and-bills/minyust-predlozhil-zakonoproekt-o-konfiskatsii-kriptovalyuty-v-ugolovnom-dеле/> (Accessed Date: 2025. Oct. 03).
6. Serebrennikova A.V. *Specifika tsifrovyyh prav kak predmeta prestupleniya* [Specifics of digital rights as the subject of a crime]. *Colloquium-journal*, 2021, no. 20(107), pp. 38–40.

SERGEY A. YAKHATIN – Post-Graduate Student, Department of Civil and Legal Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (yahatin@rambler.ru).

Формат цитирования: Яхатин С.А. Цифровой объект в уголовном праве: концептуальные основы и перспективы правового регулирования [Электронный ресурс] // Oeconomia et Jus. 2025. № 4. С. 112–119. URL: <http://oeconomia-et-jus.ru/single/2025/4/10>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-4-112-119.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аркадьева О.Г.

- Структурные дисбалансы в занятости и безработице
на региональных рынках труда 1

Васильева Т.Ю., Маслова А.В.

- Налог на добавленную стоимость при упрощенной системе налогообложения:
теоретические и практические аспекты 17

Митрофанова Т.В., Христофорова А.В.

- Тематическое моделирование грантовых проектов
как инструмент управления социальным развитием региона 25

Суворова Т.В.

- Специфика продвижения инновационного продукта – цифровой одежды...38

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Александрова Н.В., Карпов А.В.

- Ограничения и обременения права собственности
в сфере недвижимости 50

Данилов Н.И., Толстова М.Л.

- Цифровые технологии в доказательственном процессе
гражданского судопроизводства 61

Сидоров А.В.

- Исторический аспект формирования современной политики
уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотиков
в России 70

Тасаков С.В., Купирова Ч.Ш.

- Проблемы соответствия концепта социальной справедливости
и феномена административной преюдиции в уголовном праве
Российской Федерации 82

Хапчаев С.Т.

- Фетвы как инструмент регулирования общественного порядка
в странах с мусульманским правом:
сравнительно-правовой анализ 94

Яхатин С.А.

- Цифровой объект в уголовном праве:
концептуальные основы и перспективы правового регулирования 112